

Анна Сьюэлл

Черный Красавчик

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

Мой первый дом

Одно из моих первых воспоминаний: я живу на просторном, приятном лугу с чистым прудом посередине. Над водой склоняются тенистые деревья, где дно поглубже, растут камыши и водяные лилии. По одну сторону луг заканчивался живой изгородью, за которой простиралось вспаханное поле. В изгороди были ворота, и через них, по другую сторону луга, нам виден был хозяйский дом у самой дороги. В верхней части луга высажены елочки, а нижняя обрывается к быстрому ручью.

Когда я был совсем маленьким и еще не мог щипать траву, мать кормила меня своим молоком. Днем я бегал рядом с ней, а по ночам засыпал под ее боком. В жару мы целыми часами стояли у пруда в тени деревьев. Когда становилось холодно, мы могли укрыться в теплом сарае у елочек.

Потом я подрос и перешел на траву. Днем моя мать работала, но на ночь возвращалась ко мне.

Кроме меня, по лугу бегало еще шестеро жеребят, они были старше меня, а некоторые ростом со взрослых коней. Все равно, я бегал в компании с ними, и нам бывало очень весело. Мы скакали галопом наперегонки, круг за кругом. Правда, мы не только скакали: бывало, что старшие жеребята начинали кусаться и лягаться.

Однажды, когда мы уж очень расшалились и не могли унять, мать заржала, подзывая меня к себе.

Я подбежал, и мать сказала мне:

– Я прошу тебя внимательно выслушать и запомнить мои слова. Твои друзья – очень славные жеребята, но они будут упряжными лошадьми, поэтому они не обучены хорошим манерам. А ты – породистый жеребенок и родился в достойной семье. Имя твоего отца пользовалось славой в здешних краях, а твой дед два года подряд выигрывал призовые кубки на скачках в Ньюмаркете. Твоя бабка была лошадью добрейшего нрава, я никого не встречала добрей, чем она. И разве ты когда-нибудь видел, чтобы я кусалась и лягалась? Я надеюсь, ты не приобретешь плохих привычек, вырастешь добросердечным и послушным конем. Ты должен старательно и с желанием выполнять свою работу, высоко поднимать на бегу ноги и даже играя, не кусаться и не лягаться.

Я на всю жизнь запомнил добрый совет матери, я знал, что она лошадь мудрая и опытная и что наш хозяин весьма высокого мнения о ней. Мою мать звали Герцогиня, но хозяин часто называл ее Любимицей.

Хозяин нам достался добрый и хороший. Он нас сытно кормил, содержал в холе и не забывал говорить ласковые слова. Хозяин разговаривал с нами таким же голосом, каким разговаривал со своими детьми. Все лошади его любили, а моя мать любила его больше всех. Завидев его у ворот, мать радостно ржала и подбегала к нему.

Хозяин гладил ее, трепал по холке и говорил:

– Ах ты, моя Любимица! А как поживает твой маленький Черныш?

Я был черного цвета, поэтому он и называл меня Чернышом. Он угощал меня хлебом – это очень вкусная еда! – а иногда и для матери захватывал с собой морковку.

Вокруг хозяина собирались все лошади, он для каждой находил доброе слово, но мне казалось, что больше всех он любит нас с матерью.

Мать всегда возила его в город на ярмарку в легкой повозке.

На нашей ферме работал подросток по имени Дик. Он иногда приходил с поля к изгороди за спелым терновником. Наевшись ягод, он затевал игры с жеребятами, но это были нехорошие игры, потому что Дик швырялся палками и камнями, желая заставить нас скакать. Мы не очень-то его боялись: просто удирали прочь, но бывало, что Дик попадал в кого-то камнем, а это больно.

Однажды он затеял эту свою игру, не подозревая, что хозяин видит его с соседнего поля. Хозяин сразу понял, чем занимается Дик, перепрыгнул через изгородь, схватил его за руку и так ударил по уху, что тот взвыл от боли и неожиданности.

При виде хозяина мы все подбежали поближе – посмотреть, что происходит.

– Скверный мальчишка! – прикрикнул на него хозяин. – Скверный мальчишка! Ты это проделывал уже не раз и не два, но этот раз – последний! Вот тебе деньги за работу и убирайся домой! Ты больше не будешь работать у меня на ферме!

И мы действительно больше никогда не видели Дика.

Старый же Дэниэл, который присматривал за лошадьми, был к нам так же добр, как сам хозяин, и нам было хорошо.

ГЛАВА II

Охота

Мне было уже два года, когда произошло событие, оставившее неизгладимый след в моей памяти.

Это случилось ранней весной. Ночью были несильные заморозки, и утром легкий туман еще висел над полями и лугами. Мы с другими жеребятами спокойно паслись в нижней части луга, как вдруг издалека, видимо с большого расстояния, донеслись звуки, похожие на собачий лай. Самый старший среди нас насторожил уши и сказал:

– Кажется, это гончие...

Он тут же поскакал в верхнюю часть луга, откуда видны были все окрестные поля. Мы устремились вслед за ним.

Там уже стояла моя мать и старый верховой конь хозяина, которые понимали, что происходит.

– Травят зайца, – объяснила мне мать, – и если он побежит в нашу сторону, мы увидим охоту.

Вскорости собаки влетели на ближнее к нам поле, засеянное пшеницей. Я никогда прежде не слышал такого оглушительного шума: собаки не лаяли, не выли, не повизгивали, а тянули на одной ноте нечто похожее на «е-о-о-о!».

За собаками во весь опор мчались верховые, многие были одеты в зеленые куртки.

Старый конь зафыркал и беспокойно вытянул шею в их направлении. Мы, жеребята, умирали от желания поскакать вслед за охотниками, но они стремительно скрылись на соседнем поле, там остановились, собаки заскулили и разбежались в разные стороны, обнюхивая землю.

– Потеряли след, – сказал старый конь. – Возможно, зайцу удастся улизнуть!

– А что это за заяц? – спросил я.

– Просто заяц! Очень может быть, он из тех, что водятся на нашей ферме. Собаки и люди готовы травить любого зайца...

Он не успел договорить: собаки вновь завели свое «е-о-о-о!» и стаей во всю прыть бросились обратно, направляясь прямо к нашему лугу – туда, где изгородь обрывалась у крутого берега ручья.

– Сейчас мы увидим зайца, – сказала моя мать.

В ту же минуту мимо нас проскочил обезумевший от страха заяц, во все лопатки удирая к елочкам. За ним неслись собаки. Они скатились с берега, перепрыгнули через ручей и помчались по полю. Вслед за собаками гнали своих коней и охотники.

Заяц попытался пролезть сквозь живую изгородь, но она оказалась слишком плотной, тогда он повернул было к дороге... Слишком поздно. Собаки с диким лаем набросились на зайца, он вскрикнул – и все было кончено.

Подскакал один из охотников и стал хлестать собак, не давая им растерзать заячью тушку. Охотник ухватил окровавленный и истерзанный комочек за ноги и с довольным видом показал остальным. Все заулыбались.

Что до меня, то я был настолько потрясен, что не сразу обратил внимание на происходившее у ручья. То было печальное зрелище: там упали две прекрасные лошади,

одна барахталась в ручье, другая стонала на траве. Один из наездников, перепачканный глиной, выбирался из воды, второй лежал без движения.

– Он свернул себе шею, – тихо сказала мать.

– Так ему и надо! – откликнулся один жеребенок.

Я был согласен с ним, но моя мать нас не поддерживала.

– Нет, – возразила моя мать, – нельзя так говорить. Хотя, надо признаться, что я, лошадь, много пожившая на свете, много видевшая и много слышавшая, я никогда не могла понять, почему людям так нравится охота! Люди нередко причиняют себе увечья, губят хороших лошадей, вытаптывают поля – и все это ради того, чтобы убить зайца, или лису, или оленя, которые могли бы достаться им и другим способом. Впрочем, мы всего лишь лошади, мы не понимаем.

Моя мать говорила, а мы стояли и смотрели.

Охотники столпились вокруг распростертого на земле молодого человека, но поднял его с земли наш хозяин, который до этого наблюдал за охотой со стороны. Голова юноши откинулась назад, руки бессильно повисли, и лица окружающих сделались очень серьезными. Стояла полная тишина, даже собаки унялись, будто поняли, что случилась беда. Юношу отнесли в дом нашего хозяина. Позднее я узнал, что это был Джордж Гордон, единственный сын нашего помещика, рослый и красивый молодой человек, которым гордилась семья.

Теперь надо было срочно ехать по разным адресам: за доктором, за коновалом, и, разумеется, надо было известить мистера Гордона о гибели сына.

Когда мистер Бонд, коновал, прибыл на место происшествия, он внимательно осмотрел и ощупал вороного коня, стонавшего на траве, поднялся и печально покачал головой – конь сломал себе ногу. Побежали в хозяйский дом, принесли оттуда ружье, раздался громкий хлопок, короткий, но ужасный вскрик – и все затихло. Вороной был недвижим.

Моя мать сильно расстроилась, она сказала, что давно знала этого коня, что его звали Роб-Рой, и был он сильным и отважным конем, который в жизни не сделал ничего дурного.

После того как случилась эта страшная история, моя мать никогда не приближалась к ручью, у которого погиб РобРой.

А несколькими днями спустя мы слышали протяжный звон церковного колокола. Выглянув за ворота, мы увидели старый черный экипаж, обитый черной тканью и запряженный черными лошадьми; за ним двигался другой экипаж, и еще, и еще. Все они были черными, а колокол все звонил и звонил. Молодого Гордона везли хоронить на церковное кладбище. Ему теперь уж не ездить верхом. Что сделали с Роб-Роем, я так никогда и не узнал, но я знаю, что причиной всему стал несчастный маленький заяц.

ГЛАВА III

Мое обучение

Я вырастал в красивого коня, шкура у меня залоснилась, сделалась мягк/эй и упругой. Я был черного цвета с белым как бы чулочком на одной ноге и с очень славной белой звездой во лбу. Окружающие считали меня красавцем, а хозяин говорил, что меня продадут не раньше чем в четыре года. Хозяин сказал:

– Подростки не должны работать как взрослые, и жеребенку нужно дать окрепнуть, а уж потом он может работать как настоящий конь.

Когда мне исполнилось четыре года, на меня приехал взглянуть мистер Гордон. Он внимательно осмотрел мои глаза, рот и ноги, тщательно ощупал меня, потом меня провели перед ним шагом, рысью и заставили проскакать галопом.

Мистер Гордон остался мной доволен и сказал:

– Отличный будет конь, если его как следует объездить.

Хозяин ответил, что сам будет объезжать меня, потому что не хочет, чтобы меня запугивали или били.

Мы не стали терять времени, и уже на другой день началось мое обучение.

Возможно, не всем известно, как объезжают молодых коней, поэтому я опишу это.

Конь должен приучиться ходить в упряжке и под седлом, возя на спине седока: мужчину, женщину или ребенка – именно так, как они пожелают, беспрекословно исполняя все их приказания.

Кроме этого, конь должен привыкнуть к хомуту, шлее и прочей упряжи, стоять смирно, пока его запрягают, привязывая к повозке или коляске, так что он, двинувшись, обязательно потянет ее за собой; будет ли он двигаться медленно или быстро – зависит от воли кучера. Конь не должен шараться от неожиданностей, кусаться, лягаться, не должен своевольничать, а должен всегда слушаться хозяина, как бы ни устал или проголодался, и, что труднее всего, когда на него надета сбруя, он больше не может ни взбрыкнуть от радости, ни прилечь от утомления.

Меня уже давно начали водить шагом по межам и по аллеям, и я знал, что такое недоуздок, однако теперь мне предстояло научиться носить удила и узду. Хозяин, по своему обыкновению, вначале угостил меня овсом, потом, приговаривая ласковые слова, вложил мне в рот мундштук и взнуздал. Как это было противно! Кто не имел дела с мундштуком, тому трудно вообразить, что это за гадкое ощущение: во рту кусок холодной, неподатливой стали толщиной в мужской палец, он лежит на зубах, придавливая язык, а концы торчат из углов рта, они закрепляются ремешками, охватывающими голову, стягивающими морду, не оставляя ни малейшей возможности избавиться от этой отвратительной твердой штуки. Ужасно! Просто ужасно! По меньшей мере, я так воспринял взнуздывание. Однако я знал, что мою мать запрягают с мундштуком, и всех других взрослых лошадей тоже, поэтому и я, при помощи вкусного овса, ласковых поглаживаний, добрых слов и хорошего обхождения хозяина, привык к удилам и узде.

Затем настал черед седла, но это было уже терпимо. Старый Дэниэл придержал меня за голову, а хозяин с большой осторожностью положил седло на мою спину и затянул подпруги, не переставая похлопывать меня и говорить со мной ласковым голосом.

После этого мне дали овса и немного поводили в сбруе; это повторялось день за днем, пока я не привык ожидать и угощения, и оседлывания. Наконец, в одно прекрасное утро хозяин сел в седло, и мы сделали круг по мягкой луговой траве. Ощущение было весьма странное, хотя, с другой стороны, я испытал и некоторую гордость за то, что везу хозяина. Хозяин стал ежедневно выезжать на мне, и скоро я к этому привык.

Нелегко мне далось и первое знакомство с железными подковами: сначала было очень трудно привыкнуть к ним. Хозяин сам отвел меня в кузницу, опасаясь, как бы мне не причинили боль или не напугали. Кузнец поочередно поднимал мои ноги и подчищал копыта. Было это совсем не больно, и я спокойно стоял на трех ногах, пока он работал над четвертой. Покончив с копытами, кузнец взял кусок железа, выгнутый в форме копыта, надел его и прочно прибил гвоздями, чтобы хорошо держалось. Ноги сделались неуклюжими и тяжелыми, но прошло время – и я привык к подковам.

Теперь хозяин решил, что пора приучать меня к упряжке. Сначала, мне надели на шею жесткий и тяжелый хомут, а также уздечку с наглазниками, которые еще называются шорами. Это были действительно наглазники, потому что они закрывали все по сторонам, и я мог смотреть только прямо перед собой. Потом пришел черед седелки с противным жестким ремнем, который пропускали под хвостом; ремень назывался шлея. Шлею я терпеть не мог: когда мой длинный хвост складывали пополам и продевали под шлею, мне становилось почти так же скверно, как от мундштука. Мне сильно хотелось взбрыкнуть, сильней, чем когда бы то ни было, но, конечно, я и помыслить не смел о том, чтобы ударить моего любимого хозяина. Постепенно я привык и научился работать так же хорошо, как моя мать.

Здесь непременно следует упомянуть еще об одном уроке, преподанном мне, который впоследствии оказался чрезвычайно для меня полезен. Хозяин отправил меня на две недели на соседскую ферму, где был большой луг у самой железной дороги. На лугу паслись овцы и коровы, и меня пустили к ним.

понять,

За день мимо луга прошло несколько поездов, одни шли очень быстро, другие замедляли ход, а потом вообще останавливались на станции неподалеку, иной раз издавая жуткие крики и стоны, прежде чем замереть. Поезда меня страшно пугали, но коровы продолжали спокойно щипать траву, даже ухом не ведя в сторону черной, оглушительно громящей и лязгающей громадины.

В первые дни я от страха просто не мог есть, но когда понял, что ужасная зверюга никогда не забирается на луг и не причиняет мне вреда, я перестал обращать внимание на поезда и стал относиться к ним с тем же безразличием, что овцы и коровы.

Мне приходилось в жизни видеть множество лошадей, которые в страхе шарахались от вида или грохота поезда, я же сам, благодаря предусмотрительности моего доброго хозяина, чувствую себя на железнодорожной станции столь же спокойно, как и в собственном стойле.

Так и должно обучать хороших коней.

Хозяин часто ставил меня в парную упряжку с моей матерью, которая обладала ровными аллюрами и лучше, чем посторонняя лошадь, могла приучить меня ходить так же.

Мать объясняла мне, что чем послушней я буду, тем лучше будут ко мне относиться, что самое мудрое – всегда стараться исполнять хозяйскую волю.

– Однако, – добавляла она, – люди бывают разные. Попадаются добрые и заботливые, как наш хозяин, которому всякая лошадь за честь почтет служить, но встречаются и люди настолько плохие и жестокие, что им не следовало бы никогда держать у себя лошадей или собак. На свете немало и попросту глупых людей: они тщеславны, невежественны и легкомысленны, никогда не дают себе труда задуматься над тем, что творят, а потому губят лошадей, сами того не желая. Я надеюсь, что ты окажешься в хороших руках, но ведь лошадь не может знать, кто ее купит, кто станет на ней ездить, здесь все решает случай. Однако как бы ни сложилась жизнь, служи честно и береги свое доброе имя.

ГЛАВА IV

Биртуикпарк

Меня поставили в отдельное стойло, каждый день мыли и терли, пока я не начинал блестеть, как вороново крыло. В начале мая за мной приехали от мистера Гордона.

Прощаясь, мой хозяин напутствовал меня:

– Всего хорошего, Черныш, будь добрым конем и служи верно!

Я не мог выговорить слова прощания, поэтому ткнулся мордой в его руку. Он ласково потрепал меня.

Так я расстался с домом, где прошло мое детство.

Теперь мне предстоит описать имение мистера Гордона, которое стало моим новым домом, где я прожил несколько лет.

Имение мистера Гордона, Биртуик парк, располагалось за околицей деревни Биртуик. В парк въезжали через большие кованые ворота, у которых стоял домик привратника и откуда гладко вымощенная и обсаженная старыми деревьями аллея вела ко вторым воротам и второму домику, а уж за ними начинался сад, окружавший хозяйский дом. За домом был домашний пaddock, конюшни и огороды. Конюшни могли вместить в себя много лошадей и несколько экипажей, однако мне достаточно будет рассказать о конюшне, куда меня поместили. Она была весьма просторна, с четырьмя хорошими стойлами, с большим окном во двор, которое давало много света и воздуха.

Самым поместительным было первое от входа стойло, отделенное деревянными воротами от других, тоже хороших, но поменьше, снабженное удобными яслями для сена и кормушкой для кукурузы. Это стойло называлось свободным, потому что лошадь в нем оставляли без привязи и она была свободной в движениях. Жить в условиях свободы очень приятно.

Конюх привел меня в это превосходное стойло, чистое, свежее, отлично проветренное. Лучшего помещения у меня еще в жизни не было, к тому же перегородки между стойлами были невысоки, а сквозь металлические прутья, составлявшие верхнюю часть перегородок, я мог прекрасно видеть, что происходит вокруг.

Конюх задал мне отборного овса, потрепал по холке, сказал несколько ласковых слов и ушел.

Поевши, я стал осматриваться. В соседнем стойле стоял толстенький старый серый пони с очень пышной гривой и хвостом, красивой головой и славно вздернутым носом. Я просунул морду между прутьев и вступил с ним в разговор.

– Добрый день, – начал я, – как тебя зовут?

Повернув ко мне голову, насколько позволял недоуздок, пони с готовностью ответил:

– Добрый день! Меня зовут Веселое Копытце. Я очень красивый пони, катаю верхом юных леди, а иногда и хозяйку вывожу в колясочке. Все они чрезвычайно высокого мнения обо мне, да и Джеймс тоже. Ты теперь будешь постоянно жить по соседству со мной?

– Да, – ответил я.

– Ну что же, – сказал Веселое Копытце, – но надеюсь, что у тебя добрый нрав. Мне совершенно не нравится иметь соседями лошадей, которые кусаются.

Тут над перегородкой показалась еще одна лошадиная голова: уши прижаты, а глаз сердито косит в мою сторону. Голова на красивой длинной шее принадлежала высокой каурой кобылке, которая глянула на меня и сказала:

– Так вот кто выдворил меня из стойла! Довольно странно для молоденького жеребенка: явиться и выставить леди из ее собственного помещения.

– Прошу прощения, – ответила, – но я никого не выдворял! Меня поставил в это стойло тот человек, что привез в имение, я здесь совершенно ни при чем. К тому же, мне четыре года, так что я отнюдь не жеребенок, а взрослый конь.

У себя дома я никогда не вступал в пререкания с конями или кобылами, и мне хотелось бы здесь тоже установить добрые отношения со всеми.

– Ну посмотрим! – фыркнула она. – Я, конечно, не стану вступать в пререкания с подростками!

Я счел за благо промолчать.

После обеда, когда нас выпустили во двор, Веселое Копытце рассказал мне о нашей соседке.

раз

Я заверил пони, что, кроме травы, кукурузы, овса или сена, ничего в зубы не беру и не могу понять, какое удовольствие получает Джинджер, кусаясь.

– Не думаю, что она ради удовольствия проделывает такие вещи, – возразил Веселое Копытце. – Это дурная привычка. Видишь ли, она говорит, что к ней никто никогда не подходил с добром, так отчего бы и ей кого-то не укусить? Привычка, конечно, отвратительная, но если правда все то, что она рассказывает, то с ней очень плохо обращались, прежде чем она попала к нам, сюда. Джон всячески старается сделать ей приятное, Джеймс из кожи вон лезет, чтобы угодить ей, наш хозяин без крайней надобности никогда не пользуется хлыстом, поэтому я думаю, что постепенно Джинджер полюбееет. Веселое Копытце посмотрел на меня умудренными жизнью глазами.

– Мне уже двенадцать лет, – продолжил он, – я многое перевидал на моем веку, и, поверь мне, во всей стране не найдется лучшего места для лошади, чем в этом имении. Джон превосходный конюх, он уже четырнадцать лет здесь работает, а Джеймс добрый, славный мальчик, так что в том, что Джинджер перевели в другое стойло, виновата только она сама.

ГЛАВА V

Доброе начало

Кучера звали Джон Мэнли, у него была жена и маленький ребенок, семья жила в кучерском домике неподалеку от конюшен. На другое утро после моего прибытия Джон вывел меня во двор, где долго мыл и тер щеткой, пока я весь не заблестел. Я было собрался обратно в стойло, но тут пришел посмотреть на меня мистер Гордон. Он явно остался доволен моим видом и сказал:

– Я хотел сегодня утром сам попробовать нового коня, но не смогу из-за дел. Почему бы вам, Джон, не заняться им после завтрака: поезжайте через луг до Хэйвуда, а обратно берегом мимо водяной мельницы. Это даст вам возможность посмотреть его в разных аллюрах.

– Хорошо, сэр, – ответил Джон.

После завтрака он пришел с уздечкой в руках. Вздвигая он меня не торопясь, тщательно подгоняя ее к моей голове, проверяя, достаточно ли мне удобно. Затем он вынес седло, которое оказалось слишком узким для моей спины, что Джон сразу же заметил, сходил за другим седлом: оно пришлось мне впору.

Вначале он пустил меня шагом, потом рысью, потом легким галопом, а когда мы выехали на луг, он слегка дотронулся до меня хлыстом, и я пошел полным галопом.

– Ого, мой мальчик, – сказал Джон, натягивая поводья, – ты, кажется мне, с радостью поскачешь за гончими!

На обратном пути мы встретили в парке мистера Гордона и его супругу.

– Ну что, Джон? – спросил хозяин. – Что вы о нем думаете?

– Первокласный конь, сэр, – доложил Джон. – На ногу легок, как олень, отличная резвость и при этом слушается малейшего движения поводьев. На выезде с луга нам попалась навстречу подвода, сэр, знаете, одна из тех подвод, на которые что только не наваливают: и корзины, и узлы, и бог знает что еще. Вы же понимаете, сэр, лошади при таких встречах часто нервничают, но наш только посмотрел на подводу и спокойно пошел своей дорогой. А возле Хэйвуда охотились на кроликов, и совсем близко раздался выстрел. Конь задержался, посмотрел и пошел себе дальше, ни вправо не шарахнулся, ни влево! Я только крепко держал поводья и не торопил его. Его, видать, жеребенком не запугивали и обращались с ним хорошо.

– Прекрасно! – мистер Гордон был доволен услышанным. – А завтра я сам на нем поеду.

На следующий день меня подвели к хозяину. Памятуя добрые советы моей матери и прежнего хозяина, я старался делать все именно так, как желал мистер Гордон. Я обнаружил, что он отличный наездник, хорошо чувствует коня и очень считается с ним. Когда мы возвратились домой, хозяйка ожидала на крыльце.

– Ну что, дорогой? – спросила она. – Как тебе понравилась новая лошадь?

– Я совершенно согласен с оценкой Джона. Более приятного коня вообразить невозможно! Но как мы станем его звать?

– Может быть, назовем его Эбен? Он мастью напоминает черное эбеновое дерево.

– Да нет, мне не нравится это имя.

– А Воронок? Помнишь, так звали старого коня твоего дядюшки!

– Но он куда красивей, чем даже в молодости был дядин Воронок!

– Ты прав, – согласилась хозяйка, – он очень красив, у него такая милая, добрая морда, такие прекрасные и умные глаза... Не назвать ли нам его Черный Красавчик?

– Черный Красавчик? Очень хорошее имя! Мне очень нравится! Так и будем его звать. Так меня и звали.

В конюшне Джон радостно сообщил Джеймсу, что хозяин с хозяйкой подобрали мне хорошее имя, настоящее английское имя, которое имеет смысл, не то что разные там Маранго, Пегас или Абдулла!

Оба посмеялись, и Джеймс сказал:

– Если бы не страшные воспоминания, я бы назвал его Роб-Рой. В жизни не видел, чтобы кони настолько походили один на другого!

– Ничего удивительного, – ответил Джон. – Разве ты не знаешь, что они оба от Герцогини, старой кобылы фермера Грея?

Я впервые услышал об этом: значит, несчастный Роб-Рой, который погиб во время охоты, приходился мне братом! Только теперь я понял, отчего моя мать так тяжело переживала гибель Роб-Роя. Хотя вообще у лошадей не существует семейных уз; во всяком случае, будучи проданы, лошади уже не узнают друг друга.

Джон явно гордился мной. Он расчесывал мою гриву и хвост до тех пор, пока они не обретали шелковистость женских волос. Он подолгу беседовал со мной. Конечно, я не в силах был понять все его слова, но я учился все лучше понимать смысл того, что Джон говорил и что хотел бы от меня. Я сильно привязался к Джону, он был всегда так добр и ласков со мной, он будто понимал лошадиные чувства; когда он меня чистил, он знал, в каком месте может быть больно, а в каком щекотно. Оттирая мне голову щеткой, он с такой осторожностью старался не задеть глаза, точно они были его собственные, и никогда, никогда не причинял мне неудобств.

Конюшенный мальчик Джеймс Ховард был столь же внимателен и посвоему приятен, и я пришел к заключению, что мне повезло. На конюшне помогал еще один человек, однако к нам с Джинджер он не имел касательства.

Через несколько дней меня запрягли вместе с Джинджер. Я немного тревожился, не зная, как мы с ней поладим, но она прекрасно повела себя, если не считать того, что, увидев меня, сначала прижала уши.

Джинджер не отлынивала, она честно тянула, так что лучшей пары в упряжке, чем она, я себе и пожелать не мог. Когда мы приблизились ко взгорку, Джинджер не только не сбавила шаг, но влегла в хомут и потянула что было сил. У нас с ней был одинаковый кураж, так что Джону приходилось чаще натягивать вожжи, чем погонять нас, кнут же ему просто не было нужды пользоваться. Выяснилось также, что у нас с Джинджер похожие аллюры, и мне было легко и приятно бежать рысью в ногу с ней. И хозяину, и Джону нравилось, что мы идем в ногу ровной рысью.

После двух-трех выездов в парной упряжке мы с Джинджер нашли общий язык и даже сдружились, что меня радовало, ибо теперь я чувствовал себя совсем дома.

Что же до Веселого Копытца, то с ним я подружился еще раньше. Маленький пони, веселый, жизнерадостный и добродушный, был всеобщим любимцем; больше всех его любили мисс Флора и мисс Джесси, которые катались на нем по двору и саду, затевая игры с ним и с собачонкой Фриски.

У нашего хозяина были еще две лошади, но их держали в другой конюшне: пегий Судья, который ходил под седлом и возил грузовую повозку, и старый гнедой по имени Сэр Оливер, который уже не работал, но хозяин очень любил его и выпускал бегать по парку. Сэр Оливер иногда развозил по имению небольшие грузы или катал одну из девочек, когда отец брал их с собой на верховые прогулки: Сэр Оливер был смирным конем, ему, как и Веселому Копытцу, можно было доверить ребенка.

Судья был конем сильным, хорошего сложения и доброго нрава, мы с ним иной раз останавливались поболтать во дворе, но, естественно, между нами не могла возникнуть такая близость, как с Джинджер, стоявшей в соседнем стойле.

ГЛАВА VI

Воля

Мне очень счастливо жилось на новом месте, и если я признаюсь, что тосковал по одной вещи, то из этого не следует делать вывод, будто я не всем был доволен: со мной все хорошо обращались, мне отвели превосходное стойло, где было много света и воздуха, меня отлично кормили. Чего же мне оставалось еще желать? Конечно, приволья. Я прожил на воле первые три с половиной года жизни, а теперь потянулись недели, месяцы и скорее всего потянутся целые годы, которые я буду проводить, стоя в стойле, покидая его, только когда понадобится, да и тогда я должен буду вести себя смирно и послушно, как старая лошадь, отработавшая уже двадцать лет. Весь в сбруе, с мундштуком во рту, с шорами на глазах. Нет, я не ропщу, я знаю, что таков порядок вещей. Я просто хочу сказать, что молодому коню, полному сил и азарта, привыкшему к приволью лугов и полей, где можно задрать голову, откинуть хвост и помчаться во весь опор куда глаза глядят, вернуться, снова поскакать, фыркнув что-то на ходу приятелям, – трудно такому коню привыкнуть к мысли о том, что он больше никогда не будет волен делать, что захочется.

В иные дни, когда я застаивался, жизненная энергия до такой степени переполняла меня, что во время выезда Джону приходилось утихомиривать мой пыл. Я же нипочем не мог сдержаться: приплясывал, взбрыкивал, неожиданно срывался в галоп, не давая Джону ни минуты покоя, в особенности поначалу, однако он оставался неизменно спокоен и терпелив. – Потихе, мальчик, потихе, – говорил он мне. – Сейчас хорошенько разомнемся – и ты успокоишься!

Едва мы оказывались за деревенской околицей, Джон давал мне несколько миль хорошей рыси, и в конюшню я возвращался бодрый, но «без нервов», как называл Джон мое возбужденное состояние. Норовистых лошадей, когда они, застоявшись, начинают играть, иные конюхи наказывают, но наш Джон так никогда не поступал, понимая, что причина в избытке сил и энергии. Джон умел сдерживать меня тоном своего голоса или легким натягиванием поводьев. Я всегда понимал по его голосу, когда он серьезен и решительно требует от меня повиновения, это действовало сильнее всего, потому что я очень любил его.

Надо сказать, что время от времени мы получали несколько часов свободы: обыкновенно это бывало по воскресеньям, в погожие летние дни. Церковь была совсем близко, а потому по воскресеньям экипажи не закладывали, и мы, лошади, были свободны.

Что за радость это бывала: выбежать на волю в сад или порезвиться на домашнем пaddocke. Прохладная трава мягко стлалась под ноги, воздух благоухал запахами лета, мы были вольны делать, что в голову придет: носиться или лежать, кататься по траве или щипать ее. Можно было и поговорить всласть, собравшись в тени огромного каштана.

ГЛАВА VII

Джинджер

Однажды мы с Джинджер оказались наедине под каштаном, и между нами завязался откровенный разговор. Его начала Джинджер с расспросов о моем детстве и о том, как меня обучали. Я отвечал.

Выслушав меня, Джинджер заметила:

– Возможно, если бы и меня обучали лаской, я тоже выросла бы доброй и послушной лошадью, однако я не думаю, что смогу перемениться теперь.

– Да отчего же? – удивился я.

– Оттого что вся моя жизнь сложилась по-другому, – сказала Джинджер. – Никто никогда не проявлял доброту ко мне, ни люди, ни лошади, и я тоже не старалась никому понравиться и никого не любила. Когда меня отлучили от матери, я попала в табун, где было множество жеребят, однако они не выражали желания подружиться со мной. У меня не было друзей. В отличие от тебя у меня не было заботливого хозяина. Никто обо мне не заботился, не говорил ласковые слова, не угощал вкусными вещами. Человек, который присматривал за жеребятами, ни разу не нашел для меня доброго слова. Не могу обвинить его в том, что он обижал лошадей, нет, он просто не испытывал к нам особых чувств: сыты, здоровы, укрыты от непогоды – чего же еще? Через луг, где мы паслись, вела тропинка, по которой бегали мальчишки и швырялись в жеребят камнями. Жеребята скакали, уворачиваясь от камней, а мальчишки радовались. В меня они ни разу не попали, но другому жеребенку угодили камнем прямо в морду, у него, наверное, шрам остался на всю жизнь. Мальчишки просто проказничали, но мы приходили в бешенство от их выходок и твердо усвоили, что мальчишки – наши враги.

Конечно, нам все равно хорошо жилось, цока мы бегали на воле, носились по лугам, до изнеможения гонялись друг за дружкой, а потом отдыхали, стоя под тенистыми деревьями.

Однако наступило время объезжать нас, которое для меня стало плохим временем.

Несколько человек пытались меня поймать, ловили долго, когда же я была окружена и загнана в угол, один из них ухватил меня за челку, другой с такой силой зажал мне ноздри, что я едва могла дышать. Еще один человек, крепко держа меня за нижнюю челюсть, раскрыл мне рот и насильно запихнул в зубы кусок железа, а затем надел узду. Потом один поволок за узду, а второй сзади нещадно нахлестывал меня кнутом. Так я впервые познала, что такое человеческая доброта. Это было насилие, мне не дали возможности постараться понять, что от меня требуется. Породистые лошади очень норовисты, и я не сомневаюсь, что доставила им немало хлопот, но мне было чрезвычайно трудно сменить привольную жизнь на тесноту стойла, в котором я вынуждена была проводить все мои дни, и я металась, тосковала, пыталась вырваться на волю. Ты рассказывал, что и тебе было нелегко привыкнуть к несвободе, несмотря на ласковые уговоры доброго хозяина, а у меня ничего подобного никогда и не бывало.

Был, правда, один человек, старикхозяин по имени мистер Райдер, который, мне казалось, мог бы быстро объездить меня, так как ему я бы охотно подчинилась, однако он уже не занимался объездкой, поручив эту часть работы сыну и опытному конюху, сам же изредка появлялся посмотреть, как идут у них дела.

Сына мистера Райдера звали Самсон, он был рослый, сильный, смелый и любил хвастаться тем, что не видел лошади, которая могла бы выбросить его из седла. У Самсона совершенно отсутствовала отцовская мягкость, он действовал исключительно твердостью: твердый голос, твердый глаз, твердая рука. Я с самого начала почувствовала, что Самсон вознамерился сломить мой дух и сделать из меня смиренное, забитое, покорное животное. Смирное животное! Самсон ни о чем другом и не помышлял!

Джинджер даже ударила копытом, настолько ее рассердило воспоминание о грубости Самсона.

– Если я не исполняла мгновенно его приказаний, он выходил из себя и начинал кругами гонять меня на корде, пока я совершенно не выбивалась из сил. Самсон любил выпить, и я отлично знала, что чем больше он выпьет, тем хуже мне придется. Однажды он совсем загонял меня; измученная, несчастная и злая, легла я на траву: жизнь представлялась мне беспросветной. На другое утро он явился совсем рано и снова принялся гонять меня кругами. Я и часа после этого не передохнула, как Самсон снова пришел с седлом, уздечкой и каким-то новым мундштуком. Я и сама не знаю, как случилось то, что произошло потом: едва успел он сесть в седло и вывести меня на площадку, как я чем-то вызвала его неудовольствие, и он с силой хлестнул меня кнутом. Новый мундштук причинял мне непереносимую боль, я неожиданно взбрыкнула задними ногами, чем привела Самсона в неистовую ярость, и он принялся избивать меня. Тут во мне взыграло: я стала брыкаться, взлягивая то передними, то задними ногами, как никогда в жизни еще не делала. Самсон сражался со мной, он долго удерживался в седле, истязая меня кнутом и шпорами, но кровь моя кипела, я должна была во что бы то ни стало сбросить его на землю! Наконец, наша яростная схватка закончилась: я сбросила его назад. Я слышала, как он тяжело ударился о землю, но, не оглядываясь, понеслась галопом на другой конец поля. Оттуда я наблюдала за тем, как Самсон с трудом поднимается на ноги и, хромая, уходит в конюшню. Я стояла под дубом в настороженном ожидании, но никто не появлялся, никто не пытался ловить меня.

Шло время, солнце припекало все сильнее, вокруг меня роились мухи, садясь на мои окровавленные шпорами бока. Я с самого утра не ела и сильно проголодалась, но на этом вытоптанном поле травы не хватило бы и гусю. Мне хотелось прилечь и отдохнуть, но я была туго заседлана, к тому же я умирала от жажды, а вокруг не было ни капли воды. День проходил, солнце уже клонилось к горизонту. Я видела, как загоняют других лошадей, и знала, что их ожидают полные кормушки. Наконец, когда солнце совсем закатилось, из конюшни показался старый хозяин, неся в руках лукошко. Мистер Райдер был приятным стариком с совершенно белыми волосами, а голос у него был такой, что я могла бы его различить среди тысячи других. Голос не был ни высок, ни низок, но очень звучен, слова он выговаривал ясно и ласково, когда же мистер Райдер отдавал распоряжения, его голос приобретал решительность и властность, которые и лошадям, и людям внушали необходимость повиноваться.

Мистер Райдер без поспешности приблизился ко мне и, потряхивая овсом в лукошке, мягко и спокойно заговорил:

– Пойдем, моя девочка, ну пойдем же, пойдем!

Я не двинулась с места и позволила ему подойти ко мне, он протянул лукошко с овсом, я принялась есть, не испытывая ни малейшего страха, все мои страхи исчезли при первых же звуках его голоса. Пока я ела, он стоял рядом, похлопывая и поглаживая меня, заметив лее на моих боках запекшуюся кровь, пришел в сильное негодование.

– Ах ты, моя бедная, – приговаривал он, – с тобой плохо обошлись, очень плохо обошлись с тобой!

Потом он осторожно взялся за повод и повел меня в конюшню. У дверей конюшни стоял Самсон. Завидев его, я прижала уши и ощерила зубы.

– Отойди в сторону, – сказал хозяин, – и держись подальше! Кобылке и так досталось от тебя сегодня.

Самсон проворчал что-то насчет злобной твари.

– Запомни, – сказал ему отец, – человеку с дурным характером никогда не вырастить добрую лошадь. Ты еще плохо знаешь свое дело, Самсон.

Хозяин сам поставил меня в стойло, собственноручно снял седло и уздечку и привязал меня. Он распорядился принести ведро теплой воды и губку и, приказав конюху держать ведро, долго и осторожно очищал мои бока от запекшейся крови. Его руки двигались так бережно, как будто они ощущали мою боль.

– Спокойно, моя прелесть, спокойно, – убеждал меня он, и мне становилось легче от его голоса.

Теплая вода тоже облегчала боль. Углы моего рта были так изодраны мундштуком, что я не могла есть сено: стебельки царапали. Хозяин внимательно осмотрел мои губы, покачал головой и велел конюху принести кашу из отрубей, добавив туда и муки. Как же это было вкусно!

Хозяин стоял возле меня, пока я не доела весь корм, изредка потрепывая меня по холке и разговаривая с конюхом.

Хозяин говорил:

– Если породистую, норовистую кобылку не обучать без насилия, она так и не станет хорошей лошастью.

После этой истории хозяин часто навещал меня, а когда мой рот зажил, поручил мое дальнейшее обучение другому объездчику, которого звали Джоб. Джоб был со мною ровен и внимателен, и я быстро научилась всему необходимому.

ГЛАВА VIII

Продолжение рассказа Джинджер

В другой раз, когда меня и Джинджер опять вывели вместе в паддок, она продолжила свой рассказ:

– После того как я была обьезжена, меня продали барышнику, который подыскивал пару к другой каурой лошади. Мы с ней проходили некоторое время в парной упряжке, затем вдвоем были проданы одному щеголеватому джентльмену и отосланы в Лондон.

У барышника я впервые узнала, что такое мартингал, и больше всего на свете возненавидела этот ремень, который прикрепляют к особому мундштуку и под брюхом протягивают к подпруге, чтобы голова у лошади была постоянно задрана вверх! В Лондоне наш кучер и наш хозяин видели шик выезда в том, чтобы лошади бежали с высоко вскинутыми головами, поэтому мартингал затягивался нестерпимо туго. Мы часто выезжали в Парк и прочие фешенебельные места. Тебя никогда не запрягали с этим ремнем, и ты не можешь себе представить, что это значит, но поверь моим словам: это ужасная вещь!

Мне нравится закидывать голову и высоко нести ее, в этом отношении я ничуть не уступаю другим лошадям, но вообрази, как бы ты себя чувствовал, если бы, закинув голову, был принужден часами удерживать ее в этом положении, имея возможность только вздергивать ее еще выше до тех пор, пока шея не заболит так, что не будет сил терпеть! Мало того, у тебя во рту еще и дополнительный мундштук; мне достался очень острый, царапавший язык, так что, когда я грызла мундштук и натягивала удила, кровь окрашивала пену в розовый цвет. Труднее всего было дожидаться хозяйку после бала или иного увеселения: если я от нетерпения переступала ногами или била копытом, меня тут же стегали кнутом. От одного этого можно было сойти с ума.

– А что же хозяин, совсем не проявлял заботу о тебе?

– Нет, – ответила Джинджер, – он заботился лишь о том, чтобы иметь щегольской выезд, как это там называли. В лошадях же, мне кажется, хозяин мало смыслил и всецело доверял их попечению кучера. А кучер докладывал хозяину, что у меня скверный, весьма раздражительный нрав, что я плохо приучена к ремню-мартингалу, но, видимо, скоро привыкну к нему. Однако тот кучер вряд ли мог приучить лошадь к чему бы то ни было: когда я, измученная и обозленная, оказывалась, наконец, в стойле, то, вместо того чтобы успокоить и ободрить добрым словом, он награждал меня бранью, а то и тумаком. Будь кучер обходителен со мной, я бы постаралась притерпеться к ремню. Мне хотелось работать, и я не боялась тяжелой работы, но необходимость терпеть мучения ради глупой моды выводила меня из себя. Какое право имели люди причинять мне столько страданий? Мало того, что во рту постоянно саднило и сильно болела шея, начались и боли в груди от того, что мне было трудно дышать с запрокинутой головой. Я не сомневаюсь, что сорвала бы себе дыхание, останься я надолго у того хозяина. Я становилась все более раздражительной и капризной, я ничего не могла с собой поделать, я стала обнажать зубы и дыбиться, когда приходили запрягать меня, за что мне доставалось от кучера. Однажды, когда меня уже запрягли в коляску и затягивали мартингал невыносимо туго, я не выдержала и начала брыкаться изо всех сил. Мне удалось высвободиться, изорвав сбрую, но я понимала, что на этом месте мне больше не жить.

Меня отослали продавать на конский аукцион. О моих дурных привычках ничего не было сказано, а красивая внешность и отличные аллюры сделали свое дело: скоро отыскался покупатель. Я попала в руки следующего барышника, который испробовал меня в различной упряжи, с разными мундштуками, и довольно быстро понял, с чем именно я не могу смириться. Поняв, он стал запрягать меня без этого гадкого ремня, я вскорости пришла в себя и в качестве лошади добронравной и спокойной была продана владельцу деревенского имения.

Мне хорошо жилось в этом имении, пока не ушел с работы старый конюх. На его место наняли другого, а тот оказался человеком вспыльчивым и скорым на расправу. Новый конюх напомнил мне Самсона: он тоже разговаривал грубым и раздраженным тоном, стоило мне не посторониться в стойле или хоть на миг замешкаться после его окрика, он бил меня по подколенкам метлой, вилами или чем под руку попадет. Грубость проявлялась во всем, и за это я его возненавидела. Он пытался застрашать меня, но я была чересчур своенравна и не поддавалась, а когда он однажды разозлил меня сильнее обычного, я его укусила. Это, конечно, привело его в бешенство, и он отхлестал меня кнутом по голове.

После такого он больше не решался заходить ко мне в стойло, отлично зная, что мои зубы и копыта всегда наготове. С хозяином я вела себя смирно, но он, разумеется, поверил наветам конюха и решил продать меня. Слухи об этом дошли до того же барышника, который заявил, что знает, кому меня предложить.

– Жалко ведь, – сказал барышник, – такая отличная лошадь пропадает только потому, что никак не попадет в хорошие руки.

Так я очутилась здесь – незадолго до твоего появления, успев утвердиться во мнении, что люди – мои естественные враги, от которых я должна обороняться. Не спорю, здесь совершенно другая обстановка, но кто знает, долго ли это продлится? Мне бы очень хотелось видеть жизнь, какой видишь ее ты, но мой жизненный опыт научил меня другому. – Все равно было бы ужасно, если бы ты вдруг укусила или лягнула Джона или Джеймса, – сказал ей я.

– Я и не собираюсь их трогать до тех пор, пока они хорошо относятся ко мне! – возразила Джинджер. – Правда, я один раз довольно сильно кусанула Джеймса, но тогда Джон ему посоветовал: попробуй подойти к ней с лаской. И против всех моих ожиданий, Джеймс не наказал меня, а пришел с перевязанной рукой, угостил болтушкой и погладил. С тех пор я ни разу не показала ему зубы, и не собираюсь!

Мне было жаль Джинджер, но в те времена я еще мало знал жизнь, поэтому думал, что, скорее всего, она сама во многом виновата.

Недели шли за неделями, и я наблюдал, как Джинджер становится все мягче и покладистее, видел, что она постепенно избавляется от привычки с вызовом и настороженностью смотреть на всякого, кто к ней приблизится.

Как-то раз Джеймс заметил:

– Похоже, наша кобылка начинает привязываться ко мне. Она так заржала, когда сегодня утром я почесал ей лоб!

– Вот так-то, мой мальчик! – отозвался Джон. – Это все биртуикские пилюли! Она у нас скоро будет такой же дружелюбной, как Черный Красавчик. Ей же, бедняге, кроме ласки ничего и

не надо!

Хозяин тоже отметил перемену в Джинджер. Как-то выйдя из коляски, он, по своему обыкновению, подошел к лошадям и провел рукой по красивой шее Джинджер.

– Ну что, красавица, – спросил он, – как тебе теперь живется? Ты выглядишь куда более довольной, чем когда только появилась у нас!

Джинджер дружелюбно и доверчиво ткнулась в него носом, а он потрепал ее.

– Привели мы ее в себя, Джон, – улыбнулся хозяин.

– Она стала гораздо лучше, сэр, просто не узнать, а все наши биртуикские пилюли! – Джон улыбнулся в ответ.

Это была любимая шутка Джона: он утверждал, что регулярный прием биртуикских пилюль приводит в себя самую обозленную лошадь. Пилюли, по словам Джона, состояются следующим образом: берется по фунту терпеливости, снисходительности, твердости и ласки, все это замешивается на пинте здравого смысла и каждый день дается лошади.

ГЛАВА IX

Веселое Копытце

У викария, мистера Блумфилда, была большая семья, и его сыновья и дочери иногда приходили поиграть с мисс Флорой и мисс Джесси. Одна из девочек викария была ровесницей мисс Джесси, двое мальчиков были немного постарше, остальные же были совсем малыши. С их приходом Веселому Копытцу добавлялось работы: детям больше всего нравилось катание на пони по двору и саду, а кататься они могли часами.

Как-то после обеда Веселое Копытце очень уж долго катал детвору, когда же Джеймс привел его в конюшню и стал привязывать, то сказал:

– Смотри мне! Твои шалости могут обернуться неприятностями для нас!

– В чем дело, Веселое Копытце? – поинтересовался я.

– Пустое, – ответил он, помахивая головой, – я всего лишь преподавал детям маленький урок. Не могут понять, когда с них хватит, и не желают понять, когда хватит с меня! Вот мне и пришлось сбросить одного на землю – это единственное, что они способны понять!

– Как? – поразился я. – Ты сбросил детей на землю? Право же, не думал, что ты способен на подобный поступок! Кого же ты сбросил, мисс Джесси или мисс Флору?

Веселое Копытце глянул на меня с большой обидой.

– Разумеется, не их! Да я бы этого не сделал даже за отборнейший овес, за лучший овес, какой только доставляют на конюшню! Боже мой, я не менее бережно обращаюсь с детьми, чем их родители, а мисс Джесси и мисс Флору я обучаю верховой езде. Стоит мне почувствовать, что ребенок побаивается, что ребенок неуверенно сидит в седле, я сразу перехожу на тихий и ровный шаг, как кошка двигаюсь, когда она подкрадывается к птичке. Ребенок успокоится – я прибавляю ходу: я хочу понемногу приучать детей ездить верхом. Так что не трудись читать мне нравоучения: лучше меня нет друга и учителя верховой езды. Не мисс Джесси и не мисс Флора, а мальчишки рассердили меня. Ах эти мальчишки! – Веселое Копытце огорченно потряс гривой. – Это особый народ, мальчишки! Их следовало бы объезжать, как жеребят, показывая, что да как. Видишь ли, я больше двух часов поочередно катал других детей, потом мальчишки заявили, что настал их черед, и я отнюдь не возражал. Они попеременно садились в седло и скакали галопом по полям и саду. Длилось это около часа. Оба вырезали себе по ореховому пруту и нешуточно нахлестывали меня этими самодельными кнутиками, но я понимал, что они играют, и до поры до времени терпел. Однако потом я стал раз за разом останавливаться, желая дать им понять, что уже хватит. Ты, наверное, знаешь: мальчишкам кажется, будто конь способен работать без конца, как машина, как паровоз или молотилка. Им и в голову не приходит, что пони не железный, что он устает. Мальчишка, который всю погонял меня, явно не понимал этого, так что я просто поднялся на задних ногах, и он свалился: я его, можно сказать, опустил на траву. Он снова забрался в седло – я снова его сбросил. Тогда в седло забрался второй, но едва он успел ударить меня прутком, как тут же оказался на земле. Это продолжалось до тех пор, пока мальчишки не уразумели, что к чему. Когда они поняли – все закончилось. Они неплохие дети и не собирались проявлять ко мне жестокость, я тоже не хотел их обидеть, но они нуждались в уроке. Когда мальчишки привели меня к Джеймсу и рассказали о моем поведении, он рассердился, увидев, какие большие прутья они себе вырезали. Джеймс им

сказал, что такими палками пользуются только свинопасы и цыгане, но никак не юные джентльмены!

– Будь я на твоём месте, я бы лягнула этих мальчишек по разику, и они бы вмиг набрались ума! – вмешалась Джинджер.

– Пожалуй, ты бы именно так и поступила, – ответил Веселое Копытце, – но я не настолько глуп, прошу прощения. Я не хотел бы рассердить нашего хозяина или сконфузить Джеймса. К тому же, я отвечаю за детей, пока они в седле, я бы даже сказал, что считаю их под своей опекой, я своими ушами слышал, как хозяин недавно говорил миссис Блумфилд: дорогая мадам, вам незачем беспокоиться о детях, мой старый пони будет столь же неусыпно следить за ними, как мы с вами. Веселое Копытце такой добрый и надёжный пони, что, поверьте мне, я ни за какие деньги его бы не продал!

Веселое Копытце обвел нас взглядом и продолжил:

– Неужели вы думаете, будто я способен повести себя как неблагодарная скотина, забыть, насколько тепло ко мне здесь относились все те пять лет, что я тут живу, пренебречь доверием, которое мне всегда оказывали, и дать волю злобе и ярости из-за того только, что двое неразумных мальчишек плохо обошлись со мной? Нет, нет и нет! Мне жаль тебя, Джинджер, ты никогда не бывала окружена заботой и вниманием, поэтому тебе трудно понять меня! Я же скажу так: в добром доме – добрые кони. Я не хочу огорчать наших людей, я их люблю, да, люблю!

И Веселое Копытце тихонько пофыркал носом, как делал по утрам, заслышав шаги Джеймса.

– И что случилось бы со мной, если бы я приобрёл привычку лягаться? Меня бы сразу продали, не сказав обо мне доброго слова. Значит, я мог бы попасть к подручному мясника, который не давал бы мне и минуты продыху. Или в курортное заведение, где пони могут досмерти замучить работой, а интересуются только тем, насколько быстро можно его гонять. Или оказался бы в положении тех бедных пони, которых я не раз видел на прежней работе: взгромоздятся на маленькую тележку трое-четверо плотных мужчин, решивших гульнуть в воскресный денек, и нахлестывают пони, пока тот с ног не свалится. Боже упаси меня от такой судьбы!

ГЛАВА X

Разговор в саду

Джинджер и я не были обычными рослыми и сильными упряжными лошадьми: в наших жилах текла и кровь породистых скакунов. Ростом мы одинаково подходили как под седло, так и в упряжку. Наш хозяин говаривал, что ему не по душе ни люди, ни лошади, годные на что-то единственное, а поскольку он не намеревался щеголять своим выездом по лондонским паркам, то и лошадей себе подбирал, исходя из их активности и полезности.

Для нас же самым большим удовольствием бывали семейные прогулки верхом, когда Джинджер седлали для хозяина, меня для хозяйки, а для юных леди Сэра Оливера и Веселое Копытце. Как весело бывало всем вместе идти рысью или легким галопом: нас это приводило в отличное расположение духа. Лучше всех было мне, потому что я всегда возил хозяйку: она была такая легонькая, с таким милым голосом, с рукой, едва натягивавшей повод, так что я почти не чувствовал, как мною управляют.

О, если бы люди знали, как радуется лошадь легкой руке наездника, как бережет она лошадиный рот и нрав, они бы, конечно, не дергали вожжи, не натягивали бы их чрезмерно, что они часто делают. Ведь наши рты весьма чувствительны, и если они не загублены дурной или неумелой ездой, если они не огрубели, то лошадь воспринимает малейшее движение руки седока и мгновенно сообщает, что от нее требуется. Мой рот не был испорчен, полностью сохранял чувствительность, и я думаю, что именно по этой причине хозяйка отдавала мне предпочтение перед Джинджер, аллюры которой ничуть не уступали моим. Джинджер часто говорила, что завидует мне, и винила за свой загубленный рот грубую объездку и отвратительный мундштук, которым ее терзали в Лондоне.

Старый Сэр Оливер возражал ей: – Будет, будет, тебе не из-за чего расстраиваться! Высокая честь оказана именно тебе, а кобыла, способная с твоей резвостью везти на себе мужчину такого роста и веса, как наш хозяин, не должна ходить с опущенной головой только потому, что леди отдала предпочтение другому коню! Мы, лошади, вообще должны принимать мир, каков он есть, с готовностью и удовлетворением, ценим доброе отношение к себе.

Я часто недоумевал, отчего у Сэра Оливера такой куцый хвост: его длина не превышала шести-семи дюймов, а заканчивался он какой-то странной кисточкой. Во время одной из наших вольных прогулок в саду я решился спросить, какой несчастный случай лишил его хвоста.

Сэр Оливер раздул ноздри и негодуя посмотрел на меня:

– Несчастный случай? Отнюдь нет, это результат акта жестокости, бессмысленного и расчетливого злодейства. Совсем еще юным конем я был доставлен туда, где вершатся эти злодейские дела. Там меня привязали, скрутив так, что я не мог и шевельнуться, прямо с костью обрубили мой прекрасный длинный хвост и унесли его неведомо куда.

– Какой ужас! – воскликнул я.

– Конечно ужас! Все было ужасно: и страшная боль, которая долго мучила меня, и чувство униженности от того, что я лишился лучшего украшения лошади, но самым мучительным оказалось другое – мне стало нечем сгонять мух с боков и с крупа. Все вы, у кого сохранились хвосты, вы, не задумываясь, отмахиваетесь ими от мух; так разве способны вы

представить себе муки, которые испытываю я? Мухи садятся на меня, кусаются, а мне их нечем прогнать! Я обречен на страдания до конца моих дней, и не существует способа облегчить их. Слава Богу, что люди перестали это делать.

– Но чего ради это делалось раньше? – спросила Джинджер.

– Исключительно ради моды! – старый конь ударил копытом. – Это считалось модным во времена моей молодости. А что такое мода, вам должно быть известно: в те времена просто невозможно было найти молодую лошадь хороших кровей, которой столь постыдно не обкорнали бы хвост! Как будто сотворивший нас Бог не ведал, что требуется лошади и что делает ее красивой!

– Наверное, ради той же моды лошадям запрокидывают головы этими ужасными ремнями-мартингалами со страшными мундштуками, которые истерзали меня в Лондоне, – предположила Джинджер.

– Без сомнения, – подтвердил Сэр Оливер. – На мой взгляд, мода есть одна из наиболее вредных вещей на свете. Взять хотя бы собак и то, что с ними проделывают. Собакам обрубают хвосты, чтобы они выглядели свирепей, подрезают их славные ушки, чтобы, видите ли, остатки стояли торчком. У меня когда-то была близкая приятельница, коричневый терьер по имени Скай, которая была настолько привязана ко мне, что соглашалась спать только в моем стойле, где устроила себе постель под кормушкой и даже родила там пятерых очаровательных щенят. Дорогих, породистых щенков не утопили, и мать так радовалась своим малышам, а когда они раскрыли глазки, начали ползать – это было восхитительное зрелище! Но однажды пришел человек и унес щенят; помню, я тогда еще подумал, что он опасается, как бы они ненароком не попали под мои копыта. Однако, оказалось, дело в другом. К вечеру несчастная Скай в зубах одного за другим принесла обратно свой выводок, но не веселых и беспечных малышей, какими они были прежде, а окровавленных и жалобно скулящих: им обрубили хвостики и чуть не под корень подрезали мягкие ушки. Как же вылизывала их мать, как она, бедная, страдала! Никогда я это не забуду. Прошло время, щенки поправились и забыли про боль, но они навсегда лишились мягкой части ушей, разумеется, предназначенных природой для защиты чувствительного органа слуха от грязи и повреждений. Почему люди собственным детенышам не подрезают уши, чтобы сделать их остроухими? Почему не отсекают им кончик носа, чтобы придать свирепый вид? Одно ведь стоит другого. Какое право имеет человек мучить и уродовать Божьих тварей?

При всей своей незлобивости Сэр Оливер умел страстно отстаивать свои взгляды, а то, что он говорил, было так ново для меня и так страшно, что я ощутил, как зарождается во мне неприязнь к людям, которой я никогда раньше не испытывал.

Джинджер, естественно, пришла в сильное возбуждение. Вскинув голову, сверкая глазами и раздувая ноздри, она твердила, что люди – скоты и дураки!

– Кто здесь сказал «дураки»? – спросил Веселое Копытце, не слышавший наших разговоров, так как уходил потеряться о ствол старой яблони, откуда только что и возвратился. – Так кто же сказал «дураки»? Мне кажется, это дурное слово!

– Дурные слова существуют для обозначения дурных людей, – ответила Джинджер, после чего изложила Веселому Копытцу рассказанное Сэром Оливером.

– Все это правда, – печально подтвердил пони. – Там, где я раньше жил, я много раз видел, что проделывают с собаками, но не станем обсуждать эти вещи здесь. Мы ведь знаем, как неизменно бывают добры к нам наш хозяин, Джон и Джеймс, поэтому несправедливо в этом имени дурно отзываться о людях, это выглядит как неблагодарность. К тому же все мы знаем, что есть на свете и добрые хозяева, и заботливые конюхи, хотя, конечно, наши лучше всех.

Мудрая речь доброго маленького Веселого Копытца, в правдивости которой мы не сомневались, несколько остудила накал наших страстей, в особенности Сэра Оливера, нежно любившего хозяина. Желая сменить тему, я задал вопрос:

– Не может ли кто объяснить мне, в чем польза шор?

– Никто не может, – коротко ответил Сэр Оливер, – ибо шоры бесполезны.

– Предполагается, – сказал Судья со своей всегдашней рассудительностью, – что шоры не дают лошади испугаться того, от чего она может шарахнуться, понести, что, в свою очередь, может закончиться бедой.

– В таком случае, почему шоры не надевают верховым лошадям? В особенности когда их седлают под дамские седла? – удивился я.

могу

Свое мнение высказал и Сэр Оливер.

– Я лично, – сказал он, – считаю, что в ночное время шоры просто опасны. Ведь мы, лошади, видим в темноте куда лучше людей, поэтому если бы лошади не мешали смотреть по сторонам, можно было бы избежать многих несчастных случаев. Я помню, как однажды поздно вечером, когда было уже совсем темно, с кладбища возвращался катафалк, запряженный парой лошадей. Возле дома фермера Спэрроу, там, где дорога идет по самому берегу пруда, катафалк сорвался в воду, обе лошади утонули, а кучер спасся чудом. Конечно, после этого случая опасный участок дороги надежно огородили и выкрасили ограждение в белый цвет, чтобы его видно было и в темноте, но если бы в тот злополучный вечер лошадям не мешали шоры, они сами бы держались подальше от воды, и ничего бы не случилось.

Тебя у нас еще не было, когда опрокинулась коляска хозяина. Все толковали, что дело в левом фонаре, который погас и не дал Джону своевременно разглядеть выбоину, оставленную дорожными рабочими. Возможно, что и так, но горел фонарь или нет, старый Колин обязательно бы увидел все, не будь на нем шор: Колин был опытным конем и сумел бы избежать опасности. А так Колин сильно пострадал, коляска поломалась, а как уцелел Джон, никто не знает.

– Я думаю, что раз уж люди так умны, им бы следовало распорядиться, чтобы в дальнейшем жеребята рождались с глазами во лбу, а не по сторонам морды, – фыркнула Джинджер. – Почему же нет, если люди так уверены, что способны улучшать природу и исправлять недочеты, допущенные самим Богом!

Разговор опять принимал нежелательный оборот, но тут Веселое Копытце сказал, подняв свою славную, умную морду:

– Я раскрою вам секрет: мне кажется, Джон не одобряет шоры. Я случайно слышал, как он недавно обсуждал их с хозяином. Хозяин говорил, что уже приученную к шорам лошадь в

иных случаях, может быть, и опасно запрягать без них, на что Джон ответил, что было бы хорошо, если бы у нас перестали приучать жеребят к шорам, как это и делается во многих странах. Так что не будем унывать, а отправимся в конец сада: ветер сбил много яблок с деревьев, лучше их съедим мы, чем они червякам достанутся!

Веселое Копытце всех убедил, и мы, прервав затянувшуюся беседу, отправились подбирать с травы удивительно сладкие яблоки, от которых сразу повеселели.

ГЛАВА XI

Откровенно говоря

Жизнь в Биртуике все больше радовала меня, и я гордился тем, что пришелся ко двору в таком превосходном доме. Все любили и уважали хозяев за их постоянную доброту и заботливость, проявляемую как к людям, так и к лошадям, ослам, к кошкам с собаками, к скоту и птице. Хозяева были готовы прийти на помощь любому животному в беде, и их примеру следовали все работники имения. Если деревенские мальчишки мучили животных, об этом скоро становилось известно в большом доме, и хозяева одергивали мучителей. Наш хозяин и фермер Грей, по их собственным словам, уже лет двадцать выступали против применения ремня-мартингала, и в наших краях редко можно было увидеть лошадь с высоко задранной головой. Когда же нашей хозяйке случилось встретить тяжело нагруженную лошадь, голова которой оттянута вверх этим ремнем, она останавливала экипаж, выходила из него и мягко, но убедительно старалась доказать кучеру вредность и ненужность такой запряжки.

Не думаю, что есть на свете человек, способный устоять перед нашей хозяйкой. Я просто мечтал бы, чтобы все леди были похожи на нее!

Хозяин же свои убеждения отстаивал подчас весьма решительно.

Как-то утром я нес его в верховом седле, и нам попался на глаза крупный мужчина, ехавший в двуколке, запряженной прелестным темно-гнедым пони с точеными ногами и изящной головой, форма которой свидетельствовала о хорошей родословной. Поравнявшись с воротами нашего парка, пони свернул к ним. Его хозяин, даже не сделав попытки остановить пони словом, так сильно и резко рванул вожжу, что у бедняги дернулась голова и он почти сел на задние ноги. С трудом выправившись, он сделал было еще шаг вперед, но хозяин принялся яростно избивать его плетью. Растерянный пони бросился вперед, однако крепкая рука тащила его назад с силой, достаточной для того, чтобы вывихнуть ему челюсть, а плеть продолжала гулять по его спине и бокам.

Я в ужасе наблюдал это зрелище, представляя себе, какую нестерпимую боль должен испытывать чувствительный рот пони, но тут хозяин понукнул меня, и мы вмиг оказались рядом с двуколкой.

– Сойер, – строгим голосом спросил хозяин, – ваш пони что, не живое существо из плоти и крови?

– Из плоти, крови и скверного нрава, – буркнул тот, – своевольная скотина! Но я этого не потерплю!

По голосу Сойера можно было догадаться, как он зол. Сойер был строителем и нередко наезжал в имение по делам.

Однако и в голосе хозяина не слышалось мягкости:

– Вы думаете, что подобным обращением можно расположить животное к себе?

– Кто его просил сворачивать в ворота, когда дорога ведет прямо?! – огрызнулся Сойер.

– Вы часто приезжали в парк на этом пони, – возразил хозяин, – откуда ему было знать, что на этот раз вы намеревались проехать мимо? Поведение пони доказывает его памятьливость и смышленность, но речь сейчас не об этом. Я должен вам сказать, мистер Сойер, что мне еще никогда не приходилось быть горестным свидетелем столь бездушного,

недостойного мужчины обращения с беззащитным животным. Давая волю своим дурным наклонностям, вы себе причиняете куда больший вред, чем злополучному пони. Вспомните, что мы все будем судимы по делам нашим, неважно, касаются ли они человека или бессловесной твари.

Хозяин медленным шагом направил меня к дому, я мог понять по его голосу, как сильно огорчен он был случившимся.

Хозяин не стеснялся высказывать свои убеждения и людям своего круга, не только простолюдинам.

В другой раз во время верховой прогулки мы встретили давнего знакомого хозяина, капитана Ленгли, правившего парой великолепных серых коней, запряженных в легкую коляску.

После обмена приветствиями капитан спросил:

– Как вам нравится моя новая упряжка, мистер Гордон? Вы у нас здесь считаетесь большим знатоком лошадей, и мне хотелось бы узнать ваше мнение.

Хозяин попятил меня, желая получше рассмотреть пару, а потом сказал:

– На редкость красивая пара! Если они столь же хороши в деле, как на вид, то о лучшей паре невозможно и мечтать. Однако, я вижу, вы по-прежнему запрягаете на ваш излюбленный манер, а это и мучает лошадей, и не дает им показать, на что они по-настоящему способны.

– Уж не мартингал ли вы имеете в виду? – спросил капитан. – Ах да, я же знаю, что выступления против мартингала ваш конек, но мне нравится, когда лошадь высоко несет голову!

– Это и мне нравится, – заметил хозяин, – думаю, это всем нравится, но высоко поднятая голова красива, когда лошадь сама так держит ее, без помощи тугого ремня! Вы же военный, Ленгли, не сомневаюсь, что вам приятно, когда ваш полк хорошо выглядит на параде, когда солдаты гордо держат головы. Тем не менее вы едва ли гордились бы их выправкой, если бы солдатам привязывали доски к спинам! Возможно, во время парадов доски бы только раздражали и утомляли солдат, что в конце концов не так уж и страшно. Но можете ли вы вообразить ваших людей в таком виде в штыковой атаке, когда им требуется полная свобода движений, когда им требуется собрать все силы для броска вперед? Не думаю, что их шансы на победу были бы велики. Это же относится и к лошадям: вы изнуряете их и делаете раздражительными, вы не даете им работать, не даете им развернуться во всю силу, ибо главная нагрузка приходится на суставы и мышцы, от чего лошадь быстрее изнашивается. Ваша собственная судьба может зависеть от того, насколько свободна в движениях ваша лошадь: природа создала лошадь так, что у нее, как и у человека, голова свободно поворачивается на шее, а потому, если бы мы чуть чаще следовали здравому смыслу и гораздо реже следовали велениям моды, у нас бы многое получалось лучше. К тому же мы с вами хорошо знаем, что случись лошади оступить, у нее больше шансов удержаться на ногах, если ее голова и шея не стянуты ремнем, а свободны.

Хозяин засмеялся и добавил:

– Ну, а теперь, когда я вволю поездил на моем коньке, не хотите ли вы тоже сесть в это седло, капитан? Вашему примеру последовали бы многие!

– В теории все это убедительно, – ответил капитан Ленгли, – а пример с солдатами бьет в самую точку, но все же... дайте мне подумать!

На этом они расстались.

ГЛАВА XII

Непогода

Как-то раз поздней осенью хозяину нужно было отправиться в далекую поездку по делам. Меня запрягли в четырехместную двуколку, а вместе с хозяином поехал и Джон. Мне нравилось возить двуколку, потому что она была совсем легкая, а большие колеса ровно катились. Перед нашим выездом прошел сильный дождь, ветер еще не улегся и продолжал гнать через дорогу палую листву. Но я бодро бежал, и скоро мы добрались до шлагбаума перед деревянным мостом, низко висевшим над рекой. Речные берега в том месте довольно высоки, поэтому мост не возвышался над ними, а попросту соединял, и когда воды в реке прибавлялось, она почти касалась досок. Впрочем, это никого не тревожило, поскольку мост был огражден прочными перилами.

Сборщик мостового налога у шлагбаума предупредил, что уровень воды быстро поднимается и что он боится, как бы к ночи дело не стало совсем худо. Вода уже залила часть лугов в низине, а на дороге была мне чуть не по колено, но дорога была хорошо вымощена, хозяин правил осторожно, так что все обошлось.

В городе мне, разумеется, дали поесть и хорошо отдохнуть, но поскольку у хозяина было много дел, то в обратный путь мы выехали довольно поздно. Ветер задувал все сильнее, и я слышал, как хозяин говорит Джону, что никогда еще не ездил в такую непогоду. Я подумал, что и мне это впервые; особенно страшно стало, когда мы въехали в лес, где ветер громко завывал в ветвях и раскачивал большие деревья.

– Скорей бы миновать лес, – заметил хозяин.

– Да, сэр, – согласился Джон, – не хочется и думать, что будет, если на нас свалится большая ветка.

Он и договорить не успел, как по лесу пронесся стон, что-то оглушительно затрещало – и вырванный с корнями дуб, круша все вокруг, с грохотом повалился прямо перед нами. Не стану утверждать, будто я не испугался: я был сильно напуган. Я замер и, видимо, задрожал, но, конечно же, не шарахнулся и не бросился бежать: не этому меня учили! Джон выскочил из двуколки и схватил меня под уздцы.

– Да, еще немного и... – сказал хозяин. – Но что нам теперь делать?

– Дорога завалена, сэр, дерево нам не объехать, – рассудил Джон, – остается одно: вернуться к перекрестку дорог и в объезд добираться до моста. Крюк получится миль в шесть, мы припозднимся, но хоть лошадь у нас свежа.

Итак, мы двинулись обратно к перекрестку и в объезд, однако к мосту мы подъезжали уже в темноте. Можно было разглядеть, что вода заливает середину моста, но так случалось и прежде, когда река становилась полноводной, поэтому хозяин не остановился. Я шел довольно резво, но, едва ступив на доски, я почуял опасность. Не решаясь сделать больше ни шагу, я застыл как вкопанный.

– Вперед, Красавчик, – понукнул меня хозяин, легонько ударив кнутом.

Я не шелохнулся. Хозяин ударил посильней, я вздрогнул, но не двинулся с места.

– Тут что-то неладно, сэр, – вмешался Джон.

Выпрыгнув из двуколки, он взял меня под уздцы и, вглядываясь в темноту, попробовал повести меня.

– Ну давай же, Красавчик, что случилось?

Ответить ему я, разумеется, не мог, но знал, что мост ненадежен.

Тут из своего домика на другом берегу выбежал смотритель моста, размахивая факелом как безумный.

– Остановитесь! – кричал он. – Остановитесь!

– В чем дело? – крикнул ему хозяин.

– Мост провалился! Вода размыва середину моста! В реку свалитесь!

– Господь уберег! – ахнул хозяин.

– Ах, ты мой Красавчик! – проговорил Джон.

Взяв меня под уздцы, он осторожно повернул обратно и повел меня вправо по берегу реки.

Ветер улегся – видимо, ураганный порыв, вывернувший с корнями дуб, был последним.

Становилось все темней и все тише, я тихонько трусил вдоль берега, колеса почти бесшумно катились по проселку.

Хозяин и Джон долго хранили молчание. Первым его нарушил хозяин, заговорив серьезным тоном.

Я понимал далеко не все в их разговоре, но догадался, что речь обо мне: если бы я послушался хозяйского приказа, мост скорее всего обрушился бы под нами, конь, двуколка, хозяин и кучер оказались бы в бурной реке, где в кромешной тьме и без надежды на помощь мы все наверняка бы утонули.

Хозяин говорил и о том, что человека Бог наделил разумом, при помощи которого тот должен познавать мир, но бессловесным тварям Он даровал знание, не зависящее от разума, однако куда более непосредственное и совершенное, – знание, которое позволяет животным часто спасать людям жизнь. У Джона было в запасе множество историй про собак и лошадей и про удивительные поступки, которые они совершали. Джон утверждал, что люди недооценивают животных и не умеют устанавливать подлинно дружеские отношения с ними. Лично я убежден, что если кто умеет быть другом животным, то это как раз Джон.

Наконец показались ворота парка, садовник с фонарем бросился навстречу нам. Он рассказал, что с наступлением темноты хозяйка пришла в сильное волнение, боясь, что с нами что-то стряслось, и даже выслала Джеймса верхом на Судье к деревянному мосту на поиски.

В доме горел свет, и в нижнем холле, и наверху; при нашем приближении хозяйка сбежала по ступенькам со словами:

– Ты действительно невредим, дорогой? Я так тревожилась, мне Бог знает что приходило в голову! С вами что-то случилось в дороге?

– Все благополучно, дорогая, но не окажись твой Черный Красавчик умнее нас с Джоном, мы бы свалились в реку с деревянного моста и нас могло бы унести течением!

Я не слышал, что дальше рассказывал хозяин, потому что он с хозяйкой ушел в дом, а меня Джон повел в конюшню. Что за прекрасный ужин приготовил он мне в тот вечер: я получил отличную кашу из отрубей, а в овес были добавлены толченые бобы! Мне постелили толстый слой соломы, чему я был безмерно рад, так как изрядно утомился.

ГЛАВА XIII

Печать дьявола

Как-то раз хозяин послал нас с Джоном с каким-то поручением. На обратном пути, когда мы неспешно ехали по ровной и прямой дороге, нам на глаза попался мальчишка верхом на пони. Мальчишка пытался заставить пони прыгать через воротца в изгороди, пони упирался, наездник стегал его плеткой, но пони упрямо сворачивал перед изгородью, отказываясь прыгать.

Мальчишка отъезжал на некоторое расстояние, опять нахлестывал пони, но пони опять упрямо сворачивал в сторону. Мальчишка соскочил на землю и принялся избивать пони, стегая плетью по голове и по бокам, потом опять забрался в седло и, нещадно колотя пони каблуками, погнал к воротцам. Пони по-прежнему отказывался прыгнуть.

Когда мы почти поравнялись, пони неожиданно наклонил шею и, взбрыкнув задними ногами, сбросил седока прямо на колючую живую изгородь, а сам ускакал, видимо, в сторону дома.

Джон довольно громко рассмеялся и сказал:

– Так ему и надо!

– Помогите выбраться! – взмолился мальчишка, барахтаясь в колючем кустарнике.

– Нет уж, спасибо, – усмехнулся Джон, – ты, по-моему, очутился именно там, где тебе следует быть. Исцарапаешься о колючки, так, может быть, поймешь, что нельзя заставлять пони брать препятствия, которые ему не по росту.

С этими словами Джон подал мне знак, и мы поехали своей дорогой.

– Может статья, – рассуждал Джон сам с собой, – что он не только бессердечный мальчишка, но еще и врун. Вот что, Красавчик, давай заедем по пути к фермеру Бушби, и, если нас там пожелают выслушать, мы кое-что расскажем. Вот так.

Мы свернули направо и вскоре оказались у фермерского гумна, за которым виднелся и дом. Бушби поспешно выезжал на дорогу, а его перепуганная жена придерживала ворота.

– Сына моего не видели? – крикнул Бушби Джону. – Примерно час назад он ускакал на черном пони, а сейчас пони вернулся один.

– Думаю, сэр, вашему пони лучше разгуливать без ездока, раз уж на нем не умеют правильно ездить.

– Я вас не понимаю, – недоуменно откликнулся Бушби.

– Дело в том, сэр, что я видел, как ваш сын бессовестно колотит и хлещет плеткой этого славного маленького пони за то, что тот не желает прыгать через ворота, которые слишком высоки для него. Ваш пони хорошо вел себя, сэр, и не выказывал норова, но в конце концов взбрыкнул и сбросил юного джентльмена на колючую изгородь. Юный джентльмен звал меня на помощь, но, надеюсь, вы меня правильно поймете, сэр, мне не захотелось помочь ему выбраться. У вашего сына не сломаны ни руки, ни ноги, он отделается царапинами. Я люблю лошадей и не выношу дурного обращения с ними. Нельзя доводить животное до состояния, когда оно начинает отбиваться от человека: первый случай такого рода далеко не всегда становится последним.

Жена Бушби от рассказа Джона разрыдалась.

– Мой бедный Билл, он же может пораниться, я должна бежать к нему!

– Иди лучше в дом, жена, – остановил ее муж. – Билл должен получить урок, и он его получит. Он уже не в первый и не во второй раз мучает бедного пони. Этому нужно положить конец! Я вам весьма обязан, Мэнли. Всего хорошего.

Джон посмеивался всю дорогу до самого дома, а дома он рассказал о происшествии Джеймсу, который тоже рассмеялся.

– Так ему и надо, – сказал Джеймс. – Я этого Билла по школе знаю. Он корчит важную персону: сын фермера, видите ли, землевладелец. Запугивал и поколачивал маленьких, но, конечно, мы, кто постарше, не собирались терпеть его выходки и растолковали Биллу, что в классе и на игровой площадке нет разницы между сыном фермера и сыном батрака. Я очень хорошо помню, как однажды увидел, что Билл сидит на подоконнике, ловит мух и обрывает им крылышки. Ну, я дал ему в ухо, да так, что он покатился с криками и воплями – я даже испугался, хоть и был зол на него. Собрались школьники, с улицы вбежал учитель, чтобы узнать, что случилось, кого убивают. Сами понимаете, я честно признался, что стукнул Билла, и рассказал, за что. Показал учителю несчастных мух, задавленных или беспомощно ползающих по подоконнику, показал и оторванные крылышки. Учитель сильно рассердился: я еще никогда не видел его таким сердитым. А Билл все плакал и стenal, как подлый трус, каков он и есть на самом деле, поэтому учитель ничего ему не сделал: просто поставил в угол до конца уроков и на целую неделю запретил ему выходить на игровую площадку. Позднее учитель всех собрал и очень серьезно беседовал с нами о жестокости, о том, что обижать слабых и незащищенных могут только бессердечные и трусливые люди. Мне особенно запомнились слова учителя: жестокость есть печать дьявола, так что если мы увидим человека, которому доставляют удовольствие жестокие поступки, то можно не сомневаться – его деяниями руководит дьявол, ибо дьявол с самого начала был убийцей и вовеки пребудет мучителем. Если же, напротив, мы увидим, что человек любит ближнего своего, проявляет доброту и к людям, и к бессловесным тварям, то будем знать, что этот человек отмечен Богом, потому что «Бог есть Любовь».

– Ваш учитель растолковал вам истинную правду, – сказал на это Джон, – не бывает религии без любви. Можно сколько угодно болтать о вере, но если она не учит человека добру и любви к себе подобным и к животным, это не религия, а Чушь, Джеймс, совершеннейшая чушь, которая не выдержит проверки, когда настанет час всему обнаружить свою истинную суть.

ГЛАВА XIV

Джеймс Ховард

Ранним утром в начале декабря, когда Джон ставил меня в стойло и накрывал попоной после очередного из ежедневных променадов, а Джеймс в кладовой отмеривал овес, в конюшне появился хозяин. Он держал в руке распечатанный конверт и выглядел довольно озабоченным. Джон закрыл меня в стойле и, коснувшись пальцами фуражки, стал ждать распоряжений.

– Доброе утро, Джон, – начал хозяин. – Я хотел бы знать, есть ли у вас претензии к Джеймсу.

– Претензии к Джеймсу, сэр? Никаких, сэр.

– Достаточно ли добросовестно относится он к работе, достаточно ли уважительно относится к вам?

– Да, сэр, всегда.

– Вы не замечали за ним попыток отлынивать от работы за вашей спиной?

– Никогда, сэр.

– Очень хорошо, но я вынужден задать вам еще один вопрос: нет ли у вас оснований подозревать Джеймса в том, что, выводя коней на разминку или отправляясь на лошадях с поручениями, он задерживается поболтать с приятелями, или заходит в дома не по делу, а в гости, оставляя без присмотра лошадей?

– Нет, сэр, конечно же нет! Если кто-то распускает подобные слухи о Джеймсе, то я отказываюсь им верить, пока они не будут доказаны свидетелями. Понятия не имею, кто пытается бросить тень на поведение Джеймса, но со своей стороны, сэр, могу только вот что сказать: более достойного, приятного, честного и смышленного конюшенного мальчика мне еще не доводилось видеть. Я могу довериться его слову, и я могу положиться на его работу; он ловко управляет с лошадьми и подходит к ним с лаской, так что я скорее доверил бы лошадей его попечению, чем половине из тех молодых людей в шляпах с кружевами и в ливреях, которых я знаю. Кому хочется узнать, что собой представляет Джеймс Ховард, тот пусть спросит у Джона Мэнли!

И Джон подтвердил свои слова решительным кивком.

Хозяин слушал Джона серьезно и внимательно, когда же тот закончил, он широко улыбнулся и ласково посмотрел на Джеймса, который все это время, замерев, стоял в дверях.

– Джеймс, мой мальчик, – позвал хозяин, – оставь овес и подойди к нам. Я очень рад, что мнение Джона о тебе так совпадает с моим собственным. Джон человек осмотрительный, – хозяин лукаво усмехнулся, – обыкновенно из него и слова не вытянешь о другом, поэтому я и решился поднять шум по одну сторону куста, чтобы с другой стороны вылетели птички!

Только таким способом мог я узнать от Джона то, что мне срочно требовалось выяснить. А теперь к делу. Я получил письмо из Клиффорд-холла от моего дальнего родственника сэра Клиффорда Уилльямса, который просит меня помочь ему подыскать надежного молодого конюха, человека лет так двадцати. Нынешний конюх больше тридцати лет прожил в поместье сэра Клиффорда, но он уже стар и ему все труднее работать. Старик хотел бы найти себе хорошего помощника, который некоторое время поработал бы вместе с ним,

перенял его навыки, а когда старый конюх уйдет на покой, молодой мог бы занять его место. Конюху в Клиффорде полагается восемнадцать шиллингов в неделю на первых порах, рабочая одежда и ливрея, комната над каретным сараем и конюшенный мальчик в помощь. Сэр Клиффорд хороший хозяин, и работа у него – отличное начало трудовой жизни молодого человека. Мне жаль с тобой расставаться, и я понимаю, что если ты примешь это предложение, то Джон без тебя останется как без рук.

– Совершенно справедливо, сэр, – поддержал хозяина Джон, – но я ни за что на свете не стану мешать жизненному успеху Джеймса, стоять на его пути.

– Сколько тебе лет, Джеймс? – спросил хозяин.

– Девятнадцать исполнится в мае будущего года, сэр.

– Очень уж молод, а, Джон?

– Джеймс молод, сэр, но на него можно положиться, как на взрослого, парень он рослый и сильный, и хоть нет у него пока достаточного кучерского опыта, у него легкая и твердая рука, быстрый глаз, и он внимателен, лошадь под его присмотром никогда не пострадает от недостатка ухода за ногами и подковами.

– Ваше слово решающее, Джон, – сказал хозяин. – В письме сэра Клиффорда есть приписка: «Если бы мне удалось найти себе конюха, которого обучил ваш Джон, то ему я бы отдал предпочтение перед всеми другими». Итак, Джеймс, мой мальчик, хорошенько все обдумай, обсуди вечером с матерью и дай мне знать о твоём решении.

Через несколько дней после этого разговора все было решено: Джеймс отправляется в Клиффорд-холл через месяц или полтора, в зависимости от пожеланий его нового хозяина, а тем временем он постарается как можно лучше набить себе руку в кучерском деле.

Никогда раньше в имении не закладывали экипажи так часто, как теперь: если хозяйка не выезжала, то хозяин обыкновенно сам правил легкой двуколкой; теперь же, хозяин ли выезжал, или юные леди катались, или возникала надобность съездить по делу, нас с Джинджер запрягали в коляску, а Джеймс садился на козлы и правил самостоятельно.

Удивительно, сколько находилось разных мест, где хозяину нужно было побывать, когда мы по субботам наезжали в город, и по каким только странным улицам мы ни катались. Мы обязательно посещали железнодорожную станцию как раз когда прибывал поезд, и мост, ведущий к ней, бывал сплошь забит извозчичьими пролетками, каретами, повозками и омнибусами. Когда начинал звонить станционной колокол, с давкой на мосту мог справиться лишь умелый кучер на опытных лошадях: мост был узким, а на съезде с него дорога так круто сворачивала к станции, что экипажи могли легко столкнуться, если кучера не смотрели в оба.

ГЛАВА XV

Старый гостиничный конюх

Потом в один прекрасный день хозяева решили нанести визит друзьям, жившим милях в пятидесяти от нашего имения. За кучера должен был ехать Джеймс. Нам удалось проехать тридцать две мили в первый день, на пути попадались достаточно высокие холмы, но Джеймс настолько осмотрительно и умело направлял нас, что мы с Джинджер не так уж сильно устали. Джеймс ни разу не забыл опустить тормозной башмак во время спуска и сразу поднять его, как только минует в нем надобность.

Джеймс выбирал для нас самую ровную дорогу, а перед долгим подъемом поворачивал колеса экипажа чуть наискосок, чтобы они не скользили назад, тем самым облегчая нашу работу и давая нам передохнуть. Мелкие уловки кучера способны значительно облегчить конскую долю, в особенности когда кони, помимо прочего, получают и ласковые слова поощрения.

Раза два мы останавливались передохнуть в пути, а к заходу солнца добрались до города, где нам предстоял ночлег. Мы должны были провести ночь в лучшей городской гостинице на Базарной площади. Гостиница была большая, мы въехали под каменную арку в длинный двор, в дальнем конце которого помещались конюшни и каретные сараи. Два гостиничных конюха вышли нам навстречу и развели по стойлам. За старшего был приятный живой человек в желтой полосатой жилетке, стремительным движениям которого ничуть не мешала его хромота. Никогда раньше не видел конюха, с такой быстротой распрягающего коней, как он! Он похлопал меня, сказал несколько ласковых слов и отвел в длинную, стойл на шесть-восемь, конюшню, где уже стояло несколько лошадей. Второй конюх привел Джинджер. Джеймс не ушел, он стоял, наблюдая, хорошо ли нас обтирают и чистят.

Маленький старый конюх вымыл и привел меня в порядок с поразительной легкостью и быстротой. Когда он завершил работу, Джеймс приблизился, чтобы потрогать меня, будто сомневаясь, мог ли я так быстро оказаться достаточно хорошо вымытым и вычищенным, но убедился, что шкура у меня блестит и шелковиста на ощупь.

– Вот это да, – сказал Джеймс. – Я всегда считал, что быстро работаю, а наш Джон работает куда быстрее меня, но с вами по быстроте и тщательности работы никто не сравнится!

– Все дело в привычке, – ответил хромой маленький конюх. – Работа учит, обидно было бы, не будь это так: сорок лет проработать и ничему не научиться, хаха! Обидно было бы! А что до быстроты, Господи благослови, так это же дело привычки. Можно приучиться работать, быстро, это так же легко, как работать медленно, я бы даже сказал, что работать быстро легче. Мне не по нутру копать, возиться, тратить на дело вдвое больше времени, чем оно требует, Господи благослови! Да я бы не мог работать, насвистывая, если бы копался, как некоторые. Я с двенадцати лет при лошадках, работал и при конях для охоты, и на скаковых конюшнях, а мальчишкой так даже несколько лет жокеем был! Да вот, на скачках в Гудвуде турф был очень скользкий, бедный мой Ларкспур упал, а я себе колено покалечил, какой уж из меня после этого жокей! Все равно жить без лошадок я не мог – что это за жизнь без лошадок! – вот и нашел себе работу при гостинице, и, доложу я вам, молодой человек, что это чистое удовольствие – заниматься с таким конем, как ваш: хороших кровей, хорошо воспитан, хорошо ухоГосподи благослови! Я же с первого взгляда вижу, как с конем

обращаются! Дайте мне двадцать минут побыть с лошадей, и я вам скажу, что за человек ее конюх. Возьмите хоть этого вороного: приятный, спокойный, поворачивается именно так, как тебе надо, сам ногу поднимает, чтобы вычистили, что ему говоришь, все делает. А бывают другие: пугливый, дерганный, то стоит, с места не сдвинется, то начинает метаться и не подпускает к себе, а подойдешь, он голову закидывает, уши прижимает, храпит, либо пугается со страху, либо старается всеми четырьмя копытами в тебя угодить! Несчастный конь, с ним плохо обходятся. От дурного обращения робкая лошадь приучается пугаться или шарахаться, а норовистая становится злой и опасной. Характер у лошади складывается с молодости, Господи благослови! Лошади же все равно что дети: наставь их с самого начала на путь истинный, как говорится в Библии, так они до самой старости не сойдут с него, если, конечно, все хорошо сложится.

– Как мне приятно вас слушать, – сказал Джеймс. – Наш хозяин именно такие порядки и завел в конюшне.

– А кто ваш хозяин, молодой человек, если позволительно задать вопрос? По тому, что я вижу, хозяин он отменный.

– Мистер Гордон из Биртуик парка, что за Биконскими холмами.

– Вот оно что! Я о нем слышал, говорят, прекрасно разбирается в лошадях, верно это? Еще говорят, он лучший наездник в ваших краях?

– Думаю, что это верно, – ответил Джеймс, – но после того, как погиб его сын, мистер Гордон реже ездит верхом.

– Да-да, бедный молодой джентльмен, я читал об этом в газетах. И отличный конь погиб, верно?

– Прекрасный конь, брат вот этого и очень похожий!

– Какая жалость, – сказал старик. – Это плохое место для прыжка, если я его правильно помню: наверху живая изгородь и крутой обрыв к ручью, верно? Лошади не видно, куда она скачет! Я за смелую скачку, она всем нравится, но бывают прыжки, которые под силу только опытному наезднику, поднатоевшему в охотничьих гонках. Другим же не стоит рисковать: жизнь человека и жизнь коня дороже лисьего хвоста – должна быть дороже, во всяком случае!..

К этому времени второй конюх закончил чистить Джинджер и принес нам с ней кукурузы. Джеймс и старший конюх вместе покинули конюшню.

ГЛАВА XVI

Пожар

Позднее тем же вечером второй конюх привел к нам еще одного коня, и пока приводил его в порядок, в конюшню явился поболтать молодой человек с трубкой в зубах.

– Послушай, Таулер, – попросил его второй конюх, – поднимись по лесенке на сеновал и принеси сена для этой кормушки! Только оставь внизу трубку!

– Ладно, – отозвался тот и полез на сеновал.

Я слышал, как он топает над моей головой, как сносит сено вниз. Зашел Джеймс, чтобы в последний раз убедиться, что мы с Джинджер хорошо устроены на ночь, а после его ухода дверь конюшни заперли.

Не могу наверняка сказать, долго ли я спал, не могу сказать, и в котором часу я проснулся среди ночи, знаю только, что разбудило меня весьма неприятное, хоть и неопределенное ощущение. Окончательно пробудившись, я заметил, что воздух в конюшне сделался каким-то плотным и удушливым. До меня доносилось покашливание Джинджер, да и другие кони вели себя беспокойно. Я ничего не мог разглядеть в темноте, но конюшня быстро наполнялась дымом, и мне уже нечем было дышать.

Лаз на сеновал был открыт, и мне показалось, что дым плывет оттуда, сверху.

Вслушавшись, я различил легкое шуршание, потрескивание, похрустывание. Я не понимал, что это такое, но в шорохах и треске чувствовалось нечто зловещее, и я вздрогнул всем телом. Другие кони сильно встревожились, они дергали недоузки, били копытами.

Наконец, за стеной послышался звук шагов, и тот конюх, что ставил в стойло последнего коня, ворвался с фонарем в конюшню и бросился поспешно отвязывать лошадей. Он хотел вывести нас из стойла, но так торопился и был сам так напуган, что вконец перепугал и нас. Первая лошадь, которую он попробовал вывести, заупрямилась и не двигалась с места, он бросился ко второй, потом к третьей, но ни одна не шла. Конюх подбежал ко мне и попытался силой стащить меня с места, что, конечно, было совершенно бессмысленно. И тут он ринулся вон из конюшни.

Мы, без сомнения, повели себя крайне глупо, но казалось, будто опасность грозит нам со всех сторон; все вокруг было так странно и так страшно, и не было поблизости человека, которого мы знали и за кем пошли бы.

Свежий воздух, хлынувший в конюшню через дверь, оставшуюся открытой, дал нам возможность чуть-чуть продышаться, но от него усилился треск над головой, а когда я взглянул наверх, то сквозь прутья моей пустой кормушки увидел пляшущие на стене красноватые отблески. Со двора до нас донесся крик:

– Пожар!

В конюшню быстрым, но спокойным шагом вошел хромой старик-конюх. Он ловко вывел во двор одного коня, потом двинулся за другим, но из лаза уже высовывались языки огня, а потрескивание на сеновале превратилось в грозный рев.

Вдруг сквозь рев и грохот до моих ушей донесся голос Джеймса, ясный и уверенный, как обычно:

– Пошли, мои хорошие, пошли, пора ехать, так что просыпайтесь – и в дорогу!

Мое стойло располагалось ближе к двери, и Джеймс сначала вывел меня, как всегда, похлопывая по спине и по бокам:

– Пойдем, Красавчик, где твой недоуздок, пойдем, сейчас мы выберемся из этого чада!

Джеймс мгновенно отвязал меня, сорвал с шеи шарф, набросил мне на глаза и, продолжая приговаривать успокоительные слова, повел во двор.

Едва оказавшись во дворе, Джеймс развязал мне глаза и громко крикнул:

– Эй, кто-нибудь! Быстрее уводите лошадь, а я за второй пошел!

Какой-то рослый плечистый человек потянул меня прочь, а Джеймс стремглав ринулся обратно в конюшню. Увидев, что он делает, я громко заржал. Джинджер говорила мне потом, что ржанием я спас ей жизнь: если бы она не услышала его во дворе, ей не достало бы духу, чтобы выйти.

Двор был охвачен невообразимой суматохой: лошадей выводили из конюшен, из сараев выкатывали экипажи и повозки, боясь, что огонь может распространиться. На противоположной стороне двора поднимались окна, оттуда слышались бессвязные выкрики. Я же не отрываясь смотрел на конюшенную дверь, изза которой вырывались все более густые клубы дыма и уже начинали выхлестываться языки пламени.

Неожиданно сквозь шум и гам я расслышал громкий голос, который сразу узнал; хозяин звал:

– Джеймс, Джеймс Ховард, ты где?

На хозяйский вопрос не последовало ответа, только в конюшне что-то обвалилось с грохотом, однако я обрадованно заржал, потому что в дыму увидел Джеймса, который вел под уздцы Джинд – экер. Джинджер отфыркивалась и откашливалась, а Джеймс хватал воздух ртом, не в силах выговорить и слова.

– Мой смелый мальчик! – хозяин обнял Джеймса за плечи. – Ты не пострадал?

Джеймс отрицательно замотал головой: говорить он еще не мог.

– Вот уж верно, что смелый! – поддержал хозяина рослый человек, отводивший меня в сторону от горящей конюшни. – Отчаянный парень!

– Как только ты отдышишься и придешь в себя, Джеймс, – сказал хозяин, – мы немедленно покидаем эту гостиницу!

Мы направлялись в сторону ворот, когда с Базарной площади послышался стук копыт и гром колес.

– Пожарные! Пожарная команда! – зашумели в толпе. – Посторонитесь, дайте дорогу пожарным!

Гремя и грохоча по булыжной мостовой, во двор влетела тяжелая пожарная машина, запряженная парой коней. Пожарные прыгивали на ходу, спрашивать, где горит, не было надобности: страшное зарево уже вздымалось над крышей конюшни.

Мы поспешно выбрались на просторную и безлюдную Базарную площадь; над нами сияли звезды, все было тихо: суতোлка гостиничного двора и пожара остались позади. Хозяин указал дорогу к другой гостинице, и как только тамошний конюх вышел встречать нас, хозяин обратился к Джеймсу:

– Джеймс, я должен немедленно возвратиться к жене, а коней я целиком поручаю твоим заботам, распоряжайся и заказывай все, что сочтешь нужным.

С этими словами он заспешил обратно. Хозяин не бежал, но мне никогда не приходилось видеть человека, который передвигался бы так быстро, как мой хозяин в ту ночь.

Нас уже разводили по стойлам, когда мы услышали душераздирающее ржание злосчастных лошадей, погибавших в конюшне, охваченной огнем. Как страшно они ржали! И Джинджер, и я пришли в ужас, но нас увели и хорошо устроили на ночь.

Наутро пришел хозяин проводить нас и переговорить с Джеймсом. Меня как раз чистил гостиничный конюх, поэтому я слышал не весь разговор, но я видел счастливое лицо Джеймса и понимал, что хозяин говорит о том, как горд его поведением.

Наша хозяйка была настолько измучена тревожной ночью, что продолжение путешествия было решено отложить до послеполудня. Это означало, что Джеймс свободен все утро, он отправился разузнать насчет сбруи и нашей коляски, а также послушать рассказы о подробностях ночных событий.

Когда он возвратился и стал пересказывать услышанное гостиничному конюху, мы узнали, что же произошло.

Вначале никто не мог понять причины пожара, пока один джентльмен не вспомнил, как он видел Дика Таулера, входящего в конюшню с трубкой в зубах. Таулер вышел без трубки и отправился в харчевню за новой. Затем младший конюх рассказал, что попросил Дика Таулера подняться на чердак за сеном, предупредив его, чтобы он оставил трубку внизу. Дик отрицал, что лазил на сеновал с трубкой, но ему никто не верил.

Я вспомнил строгое правило не курить в конюшне, заведенное у нас Джоном Мэнли, и подумал, что это правило следовало бы ввести повсеместно.

Джеймс говорил, что в конюшне прогорели и пол, и потолок, остались только закопченные стены, а две несчастные лошади погибли под горящими балками и горами черепицы.

ГЛАВА XVII

Рассуждения Джона Мэнли

Оставшуюся часть пути мы проделали уже без приключений и вскоре после заката добрались до усадьбы друзей хозяина. Нас отвели в чистую и удобную конюшню и отлично устроили под присмотром любезного кучера, который, услышав рассказ о пожаре, явно проникся большим уважением к Джеймсу.

– Одно мне совершенно ясно, молодой человек, – сказал он, – ваши кони знают, кому они могут довериться. Мало что бывает трудней, чем заставить лошадь покинуть конюшню во время пожара или наводнения. Почему они упираются, я не могу сказать – упираются и все тут! Редкий конь послушно выходит – может, один из двадцати.

Погостив два-три дня в усадьбе, мы возвратились восвояси. Обратный путь тоже обошелся без приключений, нам было приятно снова оказаться в родных стойлах. Джон был рад не меньше нашего тому, что мы опять дома.

Прежде чем запереть конюшню на ночь и разойтись по домам, Джеймс спросил Джона:

– Известно ли уже, кто займет мое место?

– Маленький Джо Грин, – ответил Джон.

– Маленький Джо Грин! Он же действительно еще маленький!

– Ему скоро пятнадцать.

– Но он и ростом маленький!

– Ростом он и впрямь не вышел, но он парнишка проворный, старательный и добросердечный. Он очень хочет устроиться на это место, да и его отец не против. Мне известно, что хозяин не возражает против того, чтобы испытать его. Хозяин сказал мне, что если я не считаю Джо подходящим работником, то он поищет кого-нибудь постарше, но я ответил, что готов посмотреть месяца полтора, что он собой представляет на деле.

– Полтора? – переспросил Джеймс. – Но ему же потребуется по меньшей мере полгода, чтобы чему-то научиться.

Джон, ты ведь взваливаешь на себя всю работу!

Джон засмеялся:

– С работой мы давнишние приятели. Я еще никогда не пугался работы.

– Ты очень хороший человек, Джон. Я хотел бы стать таким, как ты!

– Я не очень-то люблю говорить о себе, – сказал Джон, – но ты скоро от нас уедешь, и тебе жить среди людей, все решая самостоятельно, поэтому я тебе, пожалуй, расскажу, как смотрю на такие вещи. Мне было столько лет, сколько Джо теперь, когда мать и отец умерли от лихорадки через десять дней друг за другом. Я остался с моей увечной сестрой Нелли – ни родных, ни друзей, обратиться за помощью не к кому. Что может сделать крестьянский сын? Мне и одному было не прокормиться, не говоря о том, чтобы заработать на двоих. Попала бы моя Нелли в дом призрения, если бы не наша хозяйка, которую Нелли зовет не иначе как ангелом, и правильно зовет. Хозяйка сама нашла и сняла для Нелли комнату у старой вдовы Маллет, она снабжала Нелли заказами на вязание и вышивку, которые сестра выполняла, когда хорошо себя чувствовала. Когда же ей становилось хуже, хозяйка присылала ей обеды, дарила всякие полезные вещи и заботилась о Нелли, как родная мать.

Меня хозяин взял на работу и определил конюшенным мальчиком под начало старого Нормана, который был у него кучером в те времена. Меня кормили, я спал на чердаке, бесплатно получал рабочую одежду и еще три шиллинга в неделю, что давало мне возможность и Нелли помогать. Так вот, я хочу рассказать тебе про Нормана: он же мог отказаться от меня и заявить, что не в том он возрасте, чтобы нянчиться с деревенским неучем, который и за плугом ходить не сумеет. А Норман отнесся ко мне как к сыну, стал учить меня всему, что требовалось уметь.

Прошло несколько лет, старый Норман умер, а я занял его место. Конечно, сейчас мне прекрасно платят, я и на черный день могу откладывать, и Нелли моя весела, как птичка. Так что, Джеймс, сам видишь – не тот я человек, который задерет нос и откажется прийти на помощь начинающему свою жизнь мальчишке. И хозяина, человека доброго и достойного, я тоже не стану огорчать. Нет, нет и нет. Я по тебе буду сильно скучать, Джеймс, но все обойдется. Что может быть лучше, чем сделать доброе дело, когда представляется случай? Так что я рад этой возможности.

Джеймс спросил:

– Значит, ты не согласен с пословицей насчет своей рубашки, которая всегда ближе к телу?

– Никак не согласен! – ответил Джон. – Что случилось бы со мной и с бедной Нелли, если бы в те времена и хозяин, и хозяйка, и старый Норман – каждый бы рассудил, что своя рубашка ближе к телу? Я тебе скажу: Нелли прозябала бы в богадельне, а я бы турнепс окапывал! А что случилось бы с Черным Красавчиком и с Джинджер, если бы так рассуждал ты? Боже мой, они бы заживо сгорели! Нет, Джеймс, нет. Это пословица своекорыстная, недостойная христианина, а кто ее повторяет, считая, что можно заботиться только о собственном благе, а о ближнем не думать, – жаль, что такого человека не утопили, как котенка или щенка, прежде чем он открыл глаза! По крайней мере, я думаю так!..

Джон весьма решительно потрянул головой, как бы в подтверждение своих слов.

Джеймс засмеялся; однако, когда он заговорил, в его голосе звучала печаль:

– Если не считать маму, ты был мне самым лучшим другом, Джон. Ты меня не забудешь?

– Нет, мой мальчик, нет! И я надеюсь, ты вспомнишь обо мне, если тебе понадобится помощь!

На другое утро в конюшне появился Джо, которому Джон начал показывать, что и как нужно делать. Джо учился выметать конюшню, таскал свежую солому и сено, помогал чистить сбрую и мыть экипажи. Джо был так мал ростом, что о том, чтобы он чистил меня или Джинджер, не могло быть и речи, поэтому Джеймс учил его, как мыть Веселое Копытце, которого собирались передать на его попечение – разумеется, под надзором Джона.

Веселое Копытце был сильно раздосадован тем, что «его пихает и толкает мальчишка, который ровно ничего не умеет», однако уже через две недели пони по секрету сказал мне, что, с его точки зрения, из мальчика выйдет толк.

И вот настал день расставания с Джеймсом. В то утро и следа не было от обычной веселости Джеймса, он был грустен и подавлен.

– Что делать, – сказал он Джону, – я оставляю здесь тех, кто мне так дорог: и маму, и Бетси, и тебя, и добрых хозяев, и наших коней, и моего старого пони Веселое Копытце. На новом месте я никого не знаю. Пожалуй, я так и не решился бы уехать, если бы не знал, что на

новом месте смогу больше помогать маме. Мне было Трудно принять это решение, Джон.

– Я понимаю, мой мальчик, – я хуже бы стал думать о тебе, если бы ты не мучился и не страдал, впервые покидая родной дом. Не унывай, Джеймс, заведешь себе там новых друзей, и, если все будет хорошо, а я не сомневаюсь, что у тебя все должно быть хорошо, матери станет легче, и она будет горда от того, что ее сын так хорошо зарабатывает.

Джон всячески подбадривал Джеймса, но всем было тоскливо от расставания. Веселое Копытце места себе не находил после отъезда Джеймса и даже потерял аппетит. Тогда Джон стал по утрам выводить его вместе со мной: хорошая пробежка рысью и добрый галоп излечивали меланхолию нашего маленького друга. Скоро Веселое Копытце совсем пришел в себя.

ГЛАВА XVIII

За доктором

Однажды ночью, вскоре после отбытия Джеймса, когда, поев свое сено, я мирно спал на свежей соломенной подстилке, в конюшне громко зазвенел колокольчик. Я услышал, как открылась дверь в домике Джона, услышал его шаги, стремительно удаляющиеся в направлении хозяйского крыльца. Джон почти сразу вернулся в конюшню, отпер дверь и позвал:

– Красавчик! Вставай, Красавчик, сейчас тебе скакать, и скакать что есть мочи!

Я и сообразить ничего не успел, как был уже заседлан, Джон сбегал к себе за плащом и рысью направил меня к хозяйскому дому. Хозяин ждал нас на крыльце с фонарем.

– Скачите во весь опор, Джон, жизнь хозяйки в ваших руках. Не теряйте ни минуты. Отдайте записку доктору Уайту, дайте коню передышку – и как можно скорей назад!

– Да, сэр.

И Джон взлетел в седло.

Садовник, домик которого стоял у самых ворот, заслышав колокольчик, уже распахнул ворота, мы промчались через парк, по деревенской улице, вниз с холма и остановились только перед мостом.

Джон громко позвал смотрителя, потом застучал в его дверь, тот выбежал и поднял шлагбаум.

– Не опускайте шлагбаум, скоро поедет доктор, – предупредил Джон, – и вот деньги за проезд по мосту!

Мы проехали мост, дальше начиналась ровная дорога, и Джон сказал мне:

– Ну, Красавчик, теперь покажи, на что ты способен!

Я показал. Не потребовались ни хлыст, ни шпоры, я галопом проскакал две мили, едва касаясь копытами земли, – не думаю, что мой дед, победитель скачек в Ньюмаркете, был резвее меня! Когда мы приблизились ко второму мосту, Джон придержал меня и потрепал по холке.

– Молодец, Красавчик! Молодец!

Джон хотел пустить меня чуть потише, но я разгорячился и пошел тем же галопом, что до моста. В воздухе пахло морозцем, ярко светила луна, и я наслаждался движением.

Мы промчались через деревню, через темный лес, потом в гору, под гору и наконец влетели в город и по его заснувшим улицам прискакали на Базарную площадь. Весь город спал, и только стук моих копыт по мостовой нарушал тишину. Церковные часы пробили три, когда мы остановились перед домом доктора Уайта. Джон позвонил раз, потом другой и, не дождавшись ответа, громко постучал кулаком в дверь. Наверху открылось окно, доктор высунул голову в ночном колпаке и спросил:

– В чем дело?

– Миссис Гордон очень плохо, сэр! Хозяин просит вас немедленно приехать, он боится, что она умрет, если вы не поспеете вовремя, и вот его записка!

– Подождите, – сказал доктор, – сейчас спущусь.

Окно захлопнулось, и через минуту открылась дверь.

– Вот что плохо, – стал объяснять доктор, – я сегодня весь день разъезжал, и моя лошадь совершенно выдохлась, а на второй только что уехал к больному мой сын. Просто ума не приложу, что делать. Не могу ли я воспользоваться вашей лошастью?

– Сэр, он скакал всю дорогу до города, и я рассчитывал дать ему передышку, но думаю, хозяин не будет возражать, если я поступлю, как вы говорите, сэр.

– Очень хорошо. Сейчас соберусь. Джон стоял рядом со мной, поглаживая меня по шее. Я сильно вспотел.

Вышел доктор с хлыстом в руке.

– Хлыст вам не потребуется, сэр, – предупредил Джон. – Черный Красавчик сам пойдет галопом и будет скакать, пока не свалится с ног. Позаботьтесь о нем по возможности, сэр, мне бы не хотелось, чтобы с ним что-то было не так!

– Все будет в порядке, Джон. Должно быть!

Доктор сел в седло, и через минуту Джон остался далеко позади.

Не стану рассказывать об обратном пути: в отличие от Джона доктор был человеком тучным, да и в седле держался хуже, но я старался изо всех сил. Шлагбаум был открыт, а у подножия холма доктор натянул поводья.

– Отдышись немного, Красавчик.

Я был рад передышке, потому что изрядно устал, но вскоре снова пустился вскачь и скакал, пока, наконец, не увидел перед собой ворота в парк, у которых нас дожидался Джо.

Заслышав цокот копыт, хозяин выбежал на крыльцо и, не говоря ни слова, проводил доктора в дом, а Джо повел меня в конюшню.

Я был счастлив, что добрался до своего стойла: у меня так сильно дрожали ноги, что я мог только стоять, тяжело переводя дыхание, я был весь в мыле, с меня лило, а от боков валил пар, как от горшка на плите, по любимому выражению Джо. Бедняга Джо! Маленький, беспомощный, еще совсем неопытный, он, конечно, старался помочь мне, как умел. Его отец, который знал бы, что нужно сделать, в ту ночь уехал в другую деревню. Джо обтер мне грудь и ноги, но не догадался накрыть меня теплой попоной: ему казалось, что я так разгорячен, что под попоной мне будет жарко. Он принес полное ведро воды, холодная вода была очень хороша на вкус, и я выпил все ведро. Джо задал мне корм: сено и кукурузу – и ушел спать, полагая, что все сделал, как нужно.

Скоро меня начала бить дрожь, и чем дальше, тем сильнее. Озноб не проходил, заболели ноги, ныло в паху, а потом заболела и грудь. Трясаясь в ознобе, я так мечтал о моей теплой, уютной попоне! Скорей бы пришел Джон, думал я, но, зная, что ему предстоит пешком пройти целых восемь миль, я улегся на соломенную подстилку и постарался уснуть.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я услышал шаги Джона. Я тихонько застонал: мне было совсем худо. Джон бросился ко мне, наклонился и ощупал со всех сторон. Я не мог рассказать ему, как сильно мне нездоровится, но Джон все понял сам. Он сразу накрыл меня несколькими попонами, напоил теплой водой, заварил горячей болтушки, поев которой, я заснул по-настоящему.

Джон был чрезвычайно расстроен. Я слышал, как он бормотал себе под нос:

– Глупый мальчишка! Глупый мальчишка! Даже попоной не накрыл, да и поил наверняка холодной водой! Никуда эти мальчишки не годятся!

Но Джо был хороший мальчик, просто он был еще неопытен.

Я расхворался не на шутку: у меня началось сильное воспаление легких. Джон целыми днями не покидал мое стойло, выхаживая меня, ночами приходил по несколько раз посмотреть, как я себя чувствую. Хозяин тоже частенько заглядывал ко мне.

– Мой бедный Красавчик, – сказал он однажды, – хороший мой конь, ты спас своей хозяйке жизнь, Красавчик!

Я был счастлив слышать его слова: оказывается, доктор заявил, что если бы я так быстро не домчал его, могло бы быть поздно.

Джон рассказывал хозяину, что в жизни не видел, чтобы лошадь так неслась: будто Красавчик понимал, в чем дело!

Я, конечно, все понимал, хотя Джон и не знал это. Во всяком случае, мне было ясно, что ради хозяйки необходимо, чтобы мы с Джоном мчали во весь опор.

ГЛАВА XIX

Только по невежеству

Не могу сказать, долго ли я хворал. Мистер Бонд, лошадиный доктор, ежедневно навещал меня, а однажды он пустил мне кровь. Джон держал ведро для крови, я же после кровопускания почувствовал такую слабость, что решил, будто умираю. Мне кажется, не я один так думал.

Джинджер и Веселое Копытце были переведены в другую конюшню, чтобы они не беспокоили меня: дело в том, что лихорадка настолько обострила мой слух, что даже еле слышный звук казался мне чрезмерно громким. Я различал шаги всех входящих и выходящих из хозяйского дома и, конечно, знал обо всем, происходящем вокруг.

Как-то вечером Джон должен был напоить меня лекарством, а помогать ему пришел Томас Грин. Лекарство мне дали, устроили в стойле со всевозможным комфортом, но Джон не уходил: он решил подождать полчаса и посмотреть, как подействует снадобье. Томас вызвался составить ему компанию, и они вдвоем уселись на скамье, принесенной в бывшее стойло Веселого Копытца, поставив фонарь у ног, чтобы свет не мешал мне.

Некоторое время они молчали, потом Том Грин негромко сказал:

– Хотелось бы, Джон, чтобы ты хоть доброе слово сказал мальчишке: Джо просто места себе не находит, не ест, не улыбается. Говорит, что понимает, это его вина, хоть он сделал все в меру своего разума, говорит, если Красавчик умрет – ему тоже конец, никто с ним не станет общаться. "У меня прямо сердце разрывается, когда я слышу такие разговоры, он же неплохой парнишка, так, может, ты его хоть приободрить немного?..

После короткого молчания Джон ответил:

– Не суди меня слишком строго, Том. Я знаю, Джо хотел сделать как лучше, я ничего другого и не говорил никогда, и что он неплохой парнишка, я знаю; но у меня тоже сердце болит: конь этот просто радость моей души, уж не говоря о том, как его хозяин и хозяйка любят. Ну не могу я вынести мысли о том, что он погибнет по чьей-то глупости! Но если ты считаешь, что я слишком крут с мальчишкой, я завтра же поговорю с ним поласковой, при условии, конечно, что Красавчику полегчает.

– Спасибо тебе, Джон, я знал, что ты мальчишку пожалеешь, я рад, что ты понимаешь, что только по невежеству он натворил беду.

Я даже вздрогнул от тона, которым Джон ответил:

– Только по невежеству! По невежеству – и все! Да как ты можешь говорить о простом невежестве? Разве ты не понимаешь, что невежество – одна из самых страшных вещей на свете? Страшней невежества только злодейство, и одному Богу известно, от которого из двух больше вреда! Люди считают, что если они могут объявить – я не знал, я ничего дурного не хотел, – то это может служить им оправданием. Наверное, Марта Малуш не замышляла погубить младенца, когда пичкала его разными успокоительными снадобьями, но ребенок погиб – и ее судили за убийство.

– И правильно сделали, – сказал Том. – Как смеет женщина пойти в няньки к совсем маленькому, слабенькому ребенку, если не знает, что для младенца хорошо, а что плохо?

– Билл Старки, – продолжал Джон, – совершенно не собирался запугать до судорог своего братца, когда нарядился привидением и погнался за ним в лунную ночь. Но он натворил

беды: умный и красивый ребенок, которым могла бы любая мать гордиться, превратился почти в идиота и уже никогда не будет другим, хоть он восемьдесят лет проживи! А ты сам, Том, как расстроился, когда две недели назад юные леди не закрыли дверь в твою оранжерею и восточный ветер нагнал туда холоду? Ты же сам рассказывал, сколько у тебя рассады погибло!

– Сколько рассады!.. – сразу подхватил Том. – Считаю, что она вся пострадала, мне теперь придется все высаживать заново, а хуже всего то, что я не знаю, где мне взять новую рассаду. Я чуть с ума не сошел, когда, войдя в оранжерею, увидел, что девочки натворили!

– Но девочки же наверняка не хотели причинить росткам вред, а навредили "юлько по невежеству!

Дальнейшей беседы я уже не слышал, потому что лекарство хорошо подействовало, и я заснул. Наутро я чувствовал себя значительно лучше, однако слова Джона я не забыл, я часто вспоминал их, когда лучше узнал мир.

ГЛАВА XX

Джо Грин

Джо Грин хорошо проявил себя, он быстро всему учился и относился к работе с таким вниманием и добросовестностью, что Джон стал многое доверять ему, однако, как я уже говорил, Джо был мал ростом для своих лет, поэтому ему редко давали выезживать Джинджер или меня.

И все же как-то утром, когда Джон уехал по делам на повозке, в которую запрягли Судью, хозяину потребовалось срочно отвезти записку в усадьбу милях в трех от нашей, и он распорядился, чтобы Джо оседлал меня и доставил послание по назначению, добавив при этом, чтобы ехал Джо осторожно.

Записка была доставлена по адресу, и мы спокойно возвращались домой. У кирпичного завода мы увидели телегу, тяжело нагруженную кирпичом, которая застряла в сырой, разъезженной глине. Возчик орал на пару коней и нещадно нахлестывал их кнутом. Джо натянул поводья.

Это было прискорбное зрелище. Лошади, оскальзываясь в грязи, что было сил старались вытянуть телегу, но телега не шла; у лошадей бока ходили ходуном, они взмокли от напряжения, а возчик яростно тащил одну из лошадей за голову, с бранью хлеща кнутом куда попало.

– Остановитесь! – крикнул Джо. – Не надо бить коней, колеса слишком глубоко завязли, им все равно так телегу не вытащить!

Но возчик продолжал стегать коней, не обращая внимания на Джо.

– Перестаньте! Перестаньте, пожалуйста, – кричал Джо, – я сейчас помогу вам немного разгрузить телегу, так лошади ее не вытащат!

– Занимайся своим делом, нахальный ты щенок, а я уж как-нибудь сам справлюсь!

Возчик был вне себя от ярости, к тому же он крепко выпил, и кнут его так и гулял по лошадиным спинам и бокам.

Джо повернул меня, и через минуту мы уже неслись к дому мастера-кирпичника. Не могу сказать, одобрил ли бы Джон скачку галопом, но мы с Джо думали одно и то же, и оба были настолько рассержены, что медленнее передвигаться просто не смогли бы.

Дом мастера стоял у самой дороги. Джо постучался в дверь и крикнул:

– Мистер Клэй, вы дома?

Дверь отворилась, и на пороге появился сам мистер Клэй.

– Ах, вот это кто! В чем дело, молодой человек? Вы в такой спешке, срочное поручение от хозяина?

– Нет, мистер Клэй, но дело в том, что там у вас во дворе возчик лошадей забил до полусмерти. Я ему сказал, чтоб он перестал, он не слушает, сказал, что помогу телегу немного разгрузить – тоже не слушает, поэтому я приехал к вам, сэр. Вмешайтесь, сэр, прошу вас!

Голос Джо дрожал – от волнения.

– Спасибо, мой мальчик!

Мастер бросился в дом за шляпой, но, спохватившись, спросил:

– Ты не откажешься быть свидетелем, если я на него в суд подам?

– Да я с радостью! – ответил Джо.

Мастер скрылся за дверью, а мы легкой рысью отправились домой.

– Что стряслось, Джо? – спросил Джон, когда Джо спешился. – Ты чем-то сильно взволнован!

– И взволнован, и сердит, – ответил мальчик.

Сбиваясь и торопясь, он рассказал Джону о том, что произошло. Было приятно видеть, как возмущается Джо, обычно такой спокойный и мягкий.

– Правильно, Джо! Ты поступил правильно. Не наше дело, получит возчик повестку в суд или не получит. Многие проехали бы мимо, говоря себе, что не их это дело и незачем вмешиваться. А я считаю, что каждый должен вмешаться, если видит, что происходит безобразие и творится жестокость! Ты правильно поступил, мой мальчик.

Джо уже успокоился, он с гордостью выслушал одобрительные слова Джона и вычистил мне копыта, а также обтер меня гораздо более твердой рукой, чем прежде.

Он и Джон собирались домой ужинать, когда в конюшню прибежал слуга с сообщением, что хозяин просит Джо немедленно зайти к нему в кабинет: какого-то человека привлекают к ответственности за жестокое обращение с лошадьми, и требуются свидетельские показания Джо.

Джо покраснел до самых корней волос, глаза его засверкали.

– Ну, теперь он получит!

– Приведи себя в порядок, – строго сказал ему Джон.

Джо поправил галстук, одернул на себе курточку и побежал.

Наш хозяин был одним из мировых судей в округе, и ему часто приходилось рассматривать дела или давать юридические советы. Мы в конюшне долго не знали, что происходит в хозяйском доме, поскольку все ушли ужинать, но когда, наконец, явился Джо, я сразу понял, что настроение у него отличное.

Он потрепал меня по холке и сказал:

– Больше не будет таких безобразий, верно, Красавчик?

Позднее нам стало известно, что Джо так складно дал свидетельские показания, а лошади были так истерзаны, что возчика предали настоящему суду и, возможно, ему придется провести месяца три в тюрьме.

Эта история поразительным образом изменила Джо. Джон посмеивался над ним и уверял, что тот за неделю вытянулся на целый дюйм. Джо сохранил и доброту, и мягкость, но в его поведении появились решительность и целеустремленность, он будто сразу превратился из мальчика в мужчину.

ГЛАВА XXI

Расставание

Я провел три счастливых года в этой усадьбе, но наступало время печальных перемен. Мы все чаще слышали, что наша хозяйка нездорова, доктор все чаще посещал хозяйский дом, хозяин выглядел встревоженным и хмурым. И вдруг мы узнали, что хозяйке необходимо покинуть имение и уехать на два-три года в теплые края. Это известие прозвучало, как удар похоронного колокола. Всем было жаль хозяйку, а хозяин сразу же стал устраивать дела, с тем чтобы покинуть Англию. Мы слышали в конюшне разговоры об этом – собственно, все разговоры и велись только об этом.

Джон занимался своими делами молча и невесело, Джо почти перестал насвистывать за работой. Мы с Джинджер были очень заняты: в усадьбу все время приезжали и уезжали разные люди.

Сначала уехали мисс Джесси и мисс Флора в сопровождении своей гувернантки. Перед отъездом они пришли проститься с нами. Юные леди обнимали Веселое Копытце, как доброго друга, каковым он и был им на самом деле.

Затем мы услышали о том, какая судьба ожидает нас: хозяин продал нас с Джинджер своему давнишнему другу лорду В., хозяин желал, чтобы мы попали в хорошие руки. Веселое Копытце доставался викарию, который давно хотел пони для миссис Блумфилд, однако хозяин выставил условие: Веселое Копытце не будет продан, а когда он состарится и больше не сможет трудиться, его пристрелят и похоронят.

Для ухода за Веселым Копытцем викарий нанял Джо, он должен был также помогать по дому, так что, подумал я, с нашим пони все в порядке.

Джону предложили несколько хороших мест, но он решил не торопиться и немного оглядеться.

его

– Вы уже решили, что делать дальше, Джон? – спросил хозяин. – Я узнал, что вы пока не приняли ни одно из предложений, сделанных вам.

– Да, сэр, не принял. Я думаю, мне лучше всего подыскать себе работу на хорошем конезаводе – коней объезжать. Жеребят часто портят запугиванием и дурным обращением, чего может и не быть, если ими займется знающий человек. Я всегда ладил с конями, так что если я смогу помогать жеребьям хорошо вступать в жизнь, я буду считать, что делаю доброе дело. Как вам кажется, сэр?

Хозяин ответил:

– Не знаю другого человека, который больше подойдет для объездки жеребят, чем вы, Джон. Вы понимаете коней, и они каким-то образом понимают вас. Возможно, со временем вы заведете собственное дело, а это, я думаю, будет лучше всего для вас. Если я смогу быть чем-то вам полезен, напишите мне, я поговорю с моим агентом в Лондоне и оставлю ему рекомендательное письмо о вас.

Хозяин попросил Джона записать имя и адрес агента, поблагодарил его за долгую верную службу. Джон не выдержал:

– Не надо, сэр, прошу вас! Вы с хозяйкой столько для меня сделали, что мне жизни не хватит, чтобы отплатить вам. Мы вас никогда не забудем, мы будем молить Бога, чтобы

хозяйка поправилась и вернулась домой, ведь никогда нельзя терять надежду, сэр. Хозяин протянул Джону руку, но не сказал ни слова, и они оба вышли из конюшни. Настал последний печальный день. Громоздкий багаж отослали днем раньше в сопровождении слуги, так что теперь уезжали лишь хозяева и горничная хозяйки. Мы с Джинджер в последний раз стояли перед крыльцом, запряженные в коляску. Из дома выносили в коляску подушки, пледы и всякие необходимые мелочи, а когда все было приготовлено, хозяин спустился по ступеням, неся на руках хозяйку: я стоял со стороны дома и все хорошо видел. Хозяин осторожно усадил ее. Слуги плакали, обступив коляску. – Прощайте еще раз, – сказал хозяин, – мы никогда вас не забудем. Трогайте, Джон. Джо вспрыгнул на козлы, мы легкой рысью двинулись через парк, через Деревню, жители которой ждали у своих домов, чтобы в последний раз взглянуть на отъезжающих и сказать: «Господи, благослови!»

Мне кажется, на железнодорожной станции хозяйка самостоятельно прошла от коляски до зала ожидания. Я слышал, как она сказала своим милым, нежным голосом:

– Прощайте, Джон, благослови вас Господь.

Я почувствовал, как вздрогнули вожжи, но Джон ничего не ответил: возможно, он был не в силах говорить. Джо достал вещи из коляски, Джон сразу же велел ему стоять у коней, пока он пройдет на перрон. Бедный Джо! Он почти прижался к нашим головам, чтобы скрыть слезы.

Вскоре поезд с пыхтением подкатил к станции, через две-три минуты вагонные двери уже закрылись, раздался свисток, поезд уехал, оставив позади клубы белого пара и тяжелые от разлуки сердца.

Джон возвратился, когда поезд совсем исчез из виду.

– Мы больше никогда не увидим ее, – сказал он. – Никогда.

Он собрал в руке вожжи, сел на козлы и вместе с Джо тихо поехал в усадьбу, которая больше не была нашим домом.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА XXII

Эршалл

На другое утро, после завтрака, Джо запряг Веселое Копытце в низкую повозочку хозяйки и приготовился уезжать к викарию, однако перед отъездом он зашел проститься с нами, а Веселое Копытце прощально проржал нам со двора.

Потом Джон оседлал Джинджер и, ведя меня в поводу, отправился с нами за пятнадцать миль в Эршалл Парк, где жил лорд В. Там посреди парка высился прекрасный замок, нас провели под каменной аркой во двор со множеством конюшен. Джон спросил мистера Йорка. Нам пришлось довольно долго дожидаться его. Мистер Йорк оказался представительным человеком средних лет, явно привыкшим к тому, что окружающие повинуются его властному голосу. С Джоном он разговаривал весьма дружелюбно и нас же бросил мимолетный взгляд, приказал конюху развести нас по стойлам, а Джона пригласил на чашку чая.

Нас препроводили в хорошо освещенную и хорошо проветренную конюшню, поставили в соседние стойла, тщательно обтерли и задали нам корму. Через полчаса Джон и мистер Йорк, которому предстояло быть нашим кучером, пришли осматривать нас.

После весьма дотошного осмотра наш новый кучер сказал:

– Что же, мистер Мэн ли, я не нахожу никаких изъянов в этих лошадях, но, как известно, у каждой лошади и у каждого человека есть свои особенности, которые следует принимать во внимание. Есть ли что-нибудь такое у этих двух, о чем вы хотели бы мне рассказать?

– Думаю, лучшей пары коней не найдется во всей стране, – сказал Джон, – и расставаться с ними мне тяжело, однако вы правы, характер у них неодинаковый. Что касается вороного, то более покладистого коня мне никогда не приходилось встречать, он, видимо, отродясь не знал, что такое грубое слово или пинок, так что сам получает удовольствие от собственного послушания. А вот каурая, та испытала на себе плохое отношение: так и мне кажется, да и барышник предупредил нас об этом. Поначалу она кусалась и неохотно подпускала к себе, но потом поняла, что у нас коней не обижают, и понемногу стала смирнеть. За три года она ни разу не показала мне свой норов: если к ней подходить с лаской, то она на редкость покладиста, но, конечно, она по натуре капризной вороной, и, когда с ней не так обращаются или проявляют к ней несправедливость, она может и постоять за себя. Да вы ведь знаете, как ведут себя лошади хороших кровей.

– Конечно, – ответил мистер Йорк, – и я вас прекрасно понимаю, но беда в том, что конюшни у нас здесь большие и нам трудно подобрать конюхов, чтобы все были один к одному. Я сделаю, что смогу, но не более того. А то, что вы рассказали про кобылку, я буду помнить. Они двинулись к выходу, но Джон задержался и сказал:

– Еще хочу обратить ваше внимание: у нас коней не запрягали с ремнем-мартингалом, вороной вообще не знает, что это такое, а по поводу каурой барышник говорил, что характер ей испортил мундштук от мартингала.

– Ну, у нас им придется привыкать к этой сбруе, – ответил ему Йорк. – Лично я предпочитаю не задираť коню голову, его светлость весьма разумно относится к лошадям, но вот что касается ее светлости, тут дело совсем другое: ей нужен стиль; если у коней не запрокинуты головы, она и глядеть на них не пожелает. Я всегда был против двойного

мундштука, однако, когда выезжает миледи, головы у лошадей должны быть запрокинуты!
– Очень жаль, просто очень жаль, – вздохнул Джон. – Однако мне пора, я не хотел бы опоздать на поезд.

Джон возвратился к нам, погладил, ласково простился. Голос его был грустен.

Я потянулся к нему мордой – как еще мог я проститься с ним?

Джон ушел, и я больше никогда его не видел.

На другой день лорд В. пришел смотреть нас и остался чрезвычайно доволен нашим видом.

– Мой друг мистер Гордон дал прекрасную рекомендацию этой паре, и я уверен, что они будут очень хороши. По цвету они, конечно, не пара, но, я полагаю, они составят превосходный выезд для сельской местности, а еще до возвращения в Лондон нужно будет подобрать вторую лошадь к Барону. Вороной должен быть хорош и для верховой езды.

Йорк пересказал его светлости все, что говорил о нас Джон.

– Ну, что же, – ответил лорд В., – вам придется внимательно следить за кобылой и на первых порах не слишком затягивать мартингал. Полагаю, что лучше постепенно приучать ее к этому ремню. Миледи я скажу об этом.

После обеда нас с Джинджер запрягли в карету, и как только часы на конюшне пробили три, нас подвели к парадному подъезду. Подъезд был великолепен, и замок был раза в три больше нашего прежнего дома, но я нашел его далеко не столь уютным, как Биртуик, – если, конечно, коню позволительно иметь собственное мнение. Два лакея, одетые в темно-серые ливреи, красные панталоны и белые чулки, стояли наготове. Тут же мы услышали шуршание шелков: миледи спускалась по каменным ступеням. Она подошла взглянуть на нас. Миледи была высокого роста, с горделивой осанкой, она казалась чем-то недовольной, но ничего не сказала и уселась в карету.

Я впервые чувствовал на себе мартингал, и, хоть и очень неприятно не иметь возможности опустить голову и посмотреть себе под ноги, ремень не вынуждал меня держать ее выше обычного. Я немного тревожился за Джинджер, но она выглядела спокойной и довольной. На следующий день ровно в три мы снова были у подъезда, опять лакеи стояли наготове, опять слышалось шелковое шуршание, миледи сошла по ступеням, и повелительный голос произнес:

– Йорк, подтяните головы коням, их неприятно видеть!

Йорк спустился с козел и почтительно сказал:

– Прошу извинения, миледи, но коней так не запрягали в течение трех лет, и милорд считает, что в видах безопасности их надо постепенно приучать к новой сбруе. Однако если ваша светлость прикажет, я немного подтяну.

– Подтяните, – распорядилась она. Йорк подошел и подтянул ремень, мне показалось, на одну дырочку, но даже одна дырочка дает ощутимую разницу: к лучшему или к худшему. Нам же в тот день пришлось подниматься на довольно высокий холм, и только тут я понял, что имели в виду другие лошади, рассказывавшие мне о мартингале. Мне, конечно, хотелось чуть наклонить голову, напрячь плечи и тянуть экипаж, как я привык делать, но тянуть-то пришлось с высоко поднятой головой, тяжесть пришлась на спину и ноги, что оказалось очень утомительным.

Когда мы прибыли на место, Джинджер сказала:

– Теперь ты знаешь, что это такое, но это еще ничего. Если так и будет, я не стану противиться, поскольку за нами здесь хорошо ухаживают, но если ремень вздумают затягивать все туже, я покажу им! Я не выношу, когда мне задирают голову, и мириться с этим не буду!

День ото дня, по дырочке в день, ремень становился все короче, и я, кто всегда охотно давал себя запрягать, теперь с ужасом ожидал этого. Джинджер помалкивала, но явно теряла терпение. Наконец, ремень перестали укорачивать, и я было подумал, что самое трудное осталось позади, что я должен исполнять мои обязанности, даже при том, что из удовольствия они превратились в постоянную муку. Однако самое страшное еще ожидало нас.

ГЛАВА XXIII

Попытка освобождения

Однажды миледи спустилась позднее обычного, и шелка ее шуршали очень сильно.

– К герцогине Б., – приказала она и добавила: – Йорк, когда вы, наконец, поднимете лошадям головы? Сделайте это сейчас же, я больше не желаю слышать глупости о привыкании и прочем!

Йорк сначала подошел ко мне, а конюх придерживал Джинджер. Мне так высоко закинули голову, что я едва терпел, затем Йорк перешел на сторону Джинджер, которая нетерпеливо мотала головой и покусывала мундштук по своей недавно приобретенной привычке. Она отлично представляла себе, что ее ожидает, поэтому, как только Йорк расстегнул ремень, чтобы укоротить его, Джинджер воспользовалась возможностью и резко взбрыкнула задними ногами. Она сильно задела Йорка по носу и сбила с него шляпу, конюх же еле устоял на ногах. Оба набросились на Джинджер, но она без труда одолела их, отчаянно лягаясь, брыкаясь передними и задними ногами, пока не ударила прямо по дышлу и не упала, больно ушибив мне бок. Бог знает, что еще она могла бы выкинуть, если бы Йорк быстро не сел ей на голову, чтобы заставить ее затихнуть.

– Отпрягайте вороного! – кричал Йорк. – Бегите за подъемом! Дышло, дышло снимайте! Не можете распрячь – режьте сбрую!

Один из лакеев помчался за подъемом, кто-то бегом вынес из дома нож.

Конюх торопливо отпряг меня, освобождая от Джинджер и от кареты, привел меня в стойло, оставил в сбруе и бросился обратно на помощь Йорку.

Я был возбужден случившимся до такой степени, что, будь у меня привычка лягаться или брыкаться, я бы сделал это, но, не имея этой привычки, я просто стоял, разозленный, с ушибленной ногой, с головой, все еще закинутой вверх, привязанной ремнем к кольцу на седле, не в силах опустить ее. Мне было так скверно, что хотелось ударить копытом первого, кто подойдет.

Вскоре в конюшню вошли два конюха, ведя довольно замызганную и ободранную Джинджер. За ними следовал Йорк, который сделал необходимые распоряжения и подошел взглянуть на меня.

В следующую минуту ремень был расстегнут, и я смог расслабиться.

– Будь они неладны, эти ремни! – проворчал он. – Я знал, что добром не кончится, хозяин должен расстроиться не на шутку, но что делать? Если муж не в силах унять жену, так кучер и подавно. Я умываю руки! А если она теперь не попадет на гулянье в саду у герцогини, я здесь ни при чем.

В присутствии слуг Йорк не говорил такие вещи, при них он почтительно отзывался о хозяевах. Теперь он занялся тем, что тщательно ощупал меня, и скоро обнаружил ушиб повыше колена, где нога распухла и мучительно болела. Йорк приказал промыть ушибленное место теплой водой и смазать мазью.

Лорд В. был сильно рассержен, когда узнал о происшествии, и выбранил Йорка за то, что тот послушался миледи, в ответ на что Йорк объявил, что впредь предпочел бы выполнять распоряжения только его светлости. Ничего из этого не вышло, поскольку все осталось по-прежнему. Я считал, что Йорку следовало бы решительнее заступаться за коней, но не мне

судить.

Джинджер больше не запрягали в карету; когда она поправилась, один из младших сыновей лорда В. взял ее себе: он считал, что Джинджер будет хороша на охоте.

Я же был принужден возить карету, теперь уже с новым партнером по имени Макс, смолоду приученным к ремню-мартингалу. Я спросил у Макса, как ему удастся вынести это?

– Что делать, – ответил он. – Нет выхода, вот и терплю, хотя сбруя укорачивает мою жизнь; она укоротит и твой век, если тебе придется ходить в ней.

– Как ты думаешь, – спросил я тогда, – нашим хозяевам известно, насколько вредно это для нас?

– Не могу сказать, – ответил Макс, – но знаю, что это очень хорошо известно барышникам и коновалам. Я жил однажды у барышника, который приучал меня ходить в парной упряжке с другим конем. Он каждый день затягивал ремень чуть-чуть туже и вздергивал нам головы чуть-чуть выше. Один джентльмен спросил его, зачем он это делает, а барышник ему ответил: потому что иначе их не купят. В Лондоне любят щегольские выезды, хотят, чтобы лошади высоко задирали головы и высоко поднимали ноги. Конечно, это плохо для лошадей, но зато хорошо для торговли. Кони быстро изнашиваются или начинают хворать, и ко мне приходят покупать следующую пару. Я это слышал собственными ушами, – уверил меня Макс, – так что суди сам.

Трудно описать, какие страдания я испытал в те четыре месяца, пока возил карету миледи. Не сомневаюсь, продлился это еще немного, не выдержало бы либо мое здоровье, либо мое терпение. Я раньше никогда не знал, что такое пена у рта, но теперь под воздействием мундштука на язык и челюсть, при том, что шея и горло были постоянно стеснены, пена то и дело выступала.

Людам иной раз кажется, будто это очень красиво, они говорят:

– Какие лихие кони! Просто красота!

Но пена у конского рта столь же противоестественна, как у рта человеческого: это верный признак того, что не все в порядке, и дело требует вмешательства.

Мартингал давил мне на гортань, мешал дышать. Возвращаясь к себе в конюшню, я всякий раз чувствовал боль в груди, язык и рот саднило, я бывал изнеможен и подавлен.

В прежнем доме я всегда знал, что и Джон, и хозяин – мои друзья, здесь у меня не было друзей, хотя за мной отлично ухаживали. Йорк должен был знать, и скорее всего знал, насколько мучителен для меня этот ремень, но, я полагаю, он относился к нему как к неизбежности, во всяком случае, ровно ничего не было сделано, чтобы облегчить мои мучения.

ГЛАВА XXIV

Леди Анна, или Убежавшая лошадь

Ранней весной лорд В. и часть семейства переехали в Лондон. Йорк тоже отправился с ними, а мы остались для работы в поместье под присмотром старшего конюха.

Леди Хэрриэт, оставшаяся в замке, была инвалидом и редко покидала дом, так что ей не нужна была карета, а леди Анна предпочитала ездить верхом в обществе братьев или кузенов. Наездницей она была превосходной, а ее веселость и доброта равнялись ее прелести. Она взяла меня себе и дала мне имя Южный Ветер. Я получал большое удовольствие от верховых прогулок по чистому, холодному воздуху в компании с Джинджер, а иногда и Лиззи. Эта Лиззи, резвая гнедая кобылка, почти чистокровная, была любимицей джентльменов, высоко ценивших ее жизнерадостность и игривость, но Джинджер, которая знала ее лучше, чем я, говорила, что Лиззи довольно нервозна.

В то время в замке гостил джентльмен по имени Блентайр, он постоянно ездил на Лиззи и так расхваливал ее, что однажды леди Анна распорядилась заседлать ее дамским седлом, а меня обычным.

Когда нас подвели к подъезду, джентльмен был весьма обескуражен:

– Как же так? – удивился он. – Вам надоел ваш любимый Южный Ветер?

– Ничуть, – ответила леди Анна, – но я к вам достаточно хорошо отношусь, чтобы позволить разок проехаться на нем, я же хочу попробовать вашу очаровательную Лиззи. Согласитесь, что по росту и по стати Лиззи больше подходит на роль дамской лошади, чем мой любимец!

– Я не советовал бы вам ездить на Лиззи, – сказал он, – лошадь очень хороша, но она слишком нервозна для женской руки. Лиззи не совсем безопасна, уверяю вас! Давайте попросим поменять седла!

Леди Анна рассмеялась:

– Дорогой кузен, вы очень добры и заботливы, но вам не стоит беспокоиться.

Я с детства езжу верхом, я много раз охотилась с гончими: я знаю, вы считаете охоту не женским делом, но ведь это доказательство моих качеств наездницы! Мужчины в таком восторге от Лиззи, что я твердо решила поездить на ней. Будьте добрым другом и подсадите меня в седло!

Блентайру ничего не оставалось, как выполнить требование. Он бережно усадил леди Анну, проверил сбрую, вручил поводья и сам вскочил в седло. Мы готовы были выехать, когда по ступеням сбежал слуга с запиской от леди Хэрриэт – не будут ли они так любезны, надо отвезти записку доктору Эшли и доставить обратно ответ?

Деревня находилась в миле от замка, а доктор жил в последнем доме по улице. Мы резво прискакали к дому и остановились у ворот, за которыми открывалась недлинная аллея, обсаженная высокими елями. Блентайр спешил к воротам и приготовился раскрыть их перед леди Анной, но она остановила его:

– Я подожду вас здесь, а вашего коня можете привязать к ограде.

Он немного заколебался, но потом сказал:

– Я очень быстро!

– Не торопитесь, мы с Лиззи от вас не убежим!

Блентайр привязал повод к остроконечному пруту ограды и скоро скрылся за елями. Лиззи спокойно стояла у дороги, повернувшись крупом ко мне. Моя молодая хозяйка свободно сидела в седле, отпустив поводья, и что-то тихонько напевала. Я слышал шаги моего седока, удалявшиеся к дому, потом он постучал в дверь. По другую сторону дороги простирался луг, воротца на который были широко распахнуты. К ним приближался табунок упряжных лошадей, перед которыми бежали жеребята, а пастушонок сзади щелкал бичом. Жеребята разыгрались, один скакнул через дорогу и с размаху толкнулся о задние ноги Лиззи. Не могу сказать, что именно произошло, испугала Лиззи выходка глупого жеребенка или щелчок бича, раздавшийся в ту же минуту, но она дико взбрыкнула и сорвалась в отчаянный галоп. Леди Анна, захваченная врасплох, чуть не вылетела из седла, но сумела удержаться. Я громко заржал, призывая на помощь, я ржал снова и снова, ударяя копытом о землю и мотая головой в попытке высвободить поводья. Мне не пришлось долго ждать: Блентайр стремглав ринулся к воротам, тревожно огляделся по сторонам и успел увидеть далеко вдаль наездницу на скачущей во весь опор лошади. Он взлетел в седло, мне не требовался ни хлыст, ни шпоры, я также рвался в погоню, как и мой седок, он понял и, ослабив поводья, пригнулся к моей шее.

Мили полторы дорога шла прямо, но дальше, после поворота направо, она раздваивалась. Всадница уже исчезла из вида. По какой из дорог помчала ее Лиззи? У садовых ворот стояла женщина, испуганно смотревшая вдаль, прикрывая ладонью от солнца глаза. Блентайр чуть придержал меня и крикнул на скаку:

– Куда?

– Вправо, вправо! – кричала женщина, указывая рукой.

Мы поскакали вправо и скоро увидели леди Анну, но она была далеко и тут же скрылась за поворотом. Несколько раз она показывалась и исчезала вновь, а нам никак не удавалось нагнать ее. Около груды камней застыл старый дорожный рабочий, выронив лопату и высоко вскинув руки над головой. Он что-то пытался объяснить. Блентайр натянул поводья, и старик прокричал:

– На луг, сэр, на луг свернула! Мне этот луг был хорошо знаком:

неровная почва, поросшая клевером с темно-зелеными кустиками и терновником, между которыми по низинам, испещренным муравейниками и кротовыми норами, росла мягкая травка. Я сразу понял, что Лиззи не могла с прежней резвостью нестись по этим неровностям: никто бы не смог.

Свернув на луг, мы сейчас же увидели зеленую амазонку леди Анны. Наездница потеряла шляпу, и ветер разметал ее длинные каштановые волосы. Она сильно откинулась назад, изо всех сил стараясь удержать Лиззи, но было видно, что ее силы уже на исходе, хотя и Лиззи, как я и предполагал, сбавила ход, так что появилась возможность догнать ее.

Пока мы скакали по дороге, Блентайр предоставил мне полную свободу, теперь же он наметанным глазом выбирал путь, направляя меня легкой рукой, и делал это столь умело, что я мог идти с прежней резвостью и сократить расстояние до Лиззи.

Примерно посредине луга виднелась широкая свежеврытая канава, по обе стороны которой высились кучи сырой, только что вынутой земли. Я думал, что препятствие наверняка остановит Лиззи, но нет! Она перемахнула через канаву, споткнулась о комья и

свалилась.

– Ну, Ветер, выручай! – застонал Блентайр.

Он дал мне строгий повод, я хорошенько подобрался и одним сильным прыжком перенесся через канаву и кучи земли.

Моя бедная молодая хозяйка лежала ничком, уткнувшись лицом в траву. Блентайр упал на колени рядом и стал звать ее по имени, но она не отзывалась; он осторожно перевернул ее на спину: в лице ни кровинки, глаза закрыты.

– Анни, милая Анни, отзовись! Нет ответа.

Блентайр расстегнул амазонку, ослабил воротничок, ощупал ее кисти и ладони, потом встал на ноги и в отчаянии огляделся по сторонам. Не слишком далеко от нас двое мужчин, резавшие дерн, увидев лошадь без седока, кинулись ловить ее.

Блентайр крикнул, чтобы они подошли. Старший из них пришел в ужас при виде леди Анны.

– Умеете ездить верхом? – спросил Блентайр.

– Наездник я плохой, сэр, но ради леди Анны готов и головой рискнуть: она так много сделала прошлой зимой для моей жены!

– Садитесь на этого коня, мой друг, ваша голова останется цела, скачите за доктором, скажите ему, чтобы приезжал безотлагательно, оттуда отправляйтесь в замок, расскажите обо всем, что видели, попросите прислать карету с горничной леди Анны и с кем-нибудь для помощи. Я буду здесь.

– Хорошо, сэр, я сделаю все, что смогу, и буду Бога молить, чтобы милая леди поскорее открыла глаза!

Он повернулся к своему напарнику и сказал:

– А ты, Джо, сбегай за водой и скажи моей жене, чтобы она как можно быстрее была около леди Анны!

Он кое-как вскарабкался в седло и, стукнув меня пятками по бокам, направил в объезд канавы.

– Но! Но! – покрикивал он.

Сначала его сильно беспокоило отсутствие кнута, но я шел так ровно, что он забыл о кнуте, сосредоточив все помыслы на том, как бы удержаться в седле и держать поводья. Он мужественно справлялся со своей задачей. Я, по возможности, старался даже не качнуть его, но почва была трудной, и раз или два он крикнул:

– Тпру!

Наконец, мы выбрались на дорогу, и все пошло проще. Он добросовестнейшим образом выполнил поручения и у доктора, и в замке. В замке ему предложили выпить рюмочку, но он отказался.

– Нет, нет, – сказал он, – я хочу поскорей вернуться на место происшествия и если пойду напрямик, полями, то буду там раньше, чем приедет карета.

В замке была большая суматоха, так что меня просто отвели в стойло, поспешно расседлали и набросили попону.

Рядом срочно седлали Джинджер для лорда Джорджа и готовили карету; скоро я услышал, как она выезжает со двора.

Прошло немало времени, прежде чем Джинджер возвратилась в конюшню и мы с ней остались наедине. Вот что она мне рассказала:

– Я не так уж много узнала: я скакала во весь опор до самого луга, где мы оказались одновременно с доктором. Рядом с леди Анной сидела на земле какая-то женщина, положив ее голову себе на колени. Доктор влил лекарство леди Анне в рот, но единственные его слова, которые мне удалось разобрать, были: она жива. После этого меня отвели в сторонку, а леди Анну уложили в карету, и мы все возвратились домой. По дороге один джентльмен остановил моего хозяина и спросил, как дела, на что хозяин ответил, что надеется на отсутствие переломов, однако леди Анна пока не разговаривает. Когда лорд Джордж брал Джинджер на охоту, Йорк с сомнением качал головой, он считал, что непривыкшей лошади для первого выезда на охоту нужна твердая рука, не такая, как у лорда Джорджа, посредственного наездника.

Джинджер весьма понравилось ездить на охоту, но иногда я замечал признаки сильного утомления, когда она возвращалась, а изредка Джинджер даже покашливала. Охота возбуждала ее, и Джинджер радовалась возможности дать себе волю, но я не мог не испытывать беспокойства за ее состояние.

Через два дня после истории с леди Анной Блентайр пришел навестить меня, наговорил мне ласковых слов, приласкал, а лорду Джорджу сказал, что убежден: этот конь не хуже него самого понимал, какая опасность угрожает леди Анне.

– Я не смог бы его удержать, даже если бы пожелал, – говорил Блентайр, – впредь леди Анна должна ездить только на Южном Ветре.

Из их беседы я уяснил, что моя молодая хозяйка вне опасности и сможет скоро опять сесть в седло. Я был чрезвычайно рад доброй вести и предвкушал счастливые дни.

ГЛАВА XXV

Рейбен Смит

Теперь я должен рассказать о Рейбене Смите, который остался распоряжаться в конюшне после отъезда Йорка в Лондон. Трудно представить себе человека, который бы лучше знал свое дело и относился бы к нему с большим тщанием и прилежанием, чем он: когда с ним бывало все хорошо. Он любил лошадей, очень умело обращался с ними и не хуже коновала лечил лошадиные болезни, так как в течение двух лет работал у ветеринара. И кучером он был превосходным: отлично правил и четверкой, и упряжкой цугом, уже не говоря о парной. Рейбен Смит был красив, начитан и обладал приятными манерами. Мне кажется, его все любили – во всяком случае, его любили лошади. Можно было бы удивляться, что не он, а Йорк работает в замке старшим кучером, но дело в том, что при всех достоинствах у Рейбена был один, однако серьезный недостаток: он любил выпить. Он не относился к числу людей, которые постоянно пьют, нет, он неделями и даже месяцами воздерживался от спиртного, но потом срывался в запой. Это бывало ужасно: Рейбен позорил себя, терзал жену и надоедал всем, кто был вынужден общаться с ним. И все же, поскольку он был незаменим на конюшне, когда не пил, Йорк несколько раз скрывал его запои, но однажды Рейбену поручили привезти хозяев после бала, а он оказался настолько пьян, что был не в силах держать вожжи в руках, и один из джентльменов был вынужден сесть на козлы и доставить леди в замок. Был большой скандал, и Рейбена уволили, его бедная жена с маленькими детьми должна была оставить славный домик у парковых ворот, который занимала семья, и идти куда глаза глядят. Я узнал об этом от старого Макса, поскольку это было давно, а незадолго до нашего с Джинджер прибытия в замок Рейбена опять взяли на работу. Лорд В. был человеком мягкосердечным, Йорк ходатайствовал перед ним за Рейбена, который клялся и божился, что капли больше в рот не возьмет. Рейбен так честно держал слово, что Йорк счел возможным доверить ему все конюшенные дела на время своего отсутствия: ведь никто лучше Рейбена не справился бы с этой работой.

Дело было в начале апреля, а семейство должно было приехать в замок в мае. К этому времени следовало подновить легкую четырехколесную карету, а поскольку полковнику Блентайру предстояло вернуться в полк, то и было решено, что Рейбен Смит отвезет полковника в город в этой карете, оставит карету у мастера, а вернется уже верхом, для чего захватит с собой верховое седло. Везти Рейбена обратно должен был я.

На железнодорожной станции полковник Блентайр поблагодарил Рейбена и дал ему денег на прощанье, сказав:

– Берегите вашу молодую хозяйку, Рейбен, и не позволяйте всяким неумехам ездить на Южном Ветре, берегите и его для вашей хозяйки.

Мы оставили карету в мастерской, откуда отправились в постоянный двор под названием «Белый лев». Там Рейбен велел конюху задать мне достаточно корма и оседлать к четырем часам. Уже в дороге я потерял гвоздь на одной подкове, но конюх обратил на это внимание, только начав седлать меня к четырем часам. Рейбен Смит явился в конюшню около пяти и объявил, что встретил в трактире старых приятелей, поэтому выедет не раньше шести часов. Конюх сказал ему про мою подкову и спросил, не заняться ли этим.

– Не надо, – ответил Рейбен Смит, – до дома доберемся, а там уж все сделаем.

Рейбен говорил чересчур громко и как-то заносчиво, что было совершенно не в его манере, я очень удивился и тому, что он сам не пожелал взглянуть на подкову, хотя обычно тщательно следил за тем, чтобы все гвозди были на месте.

Он не явился в шесть, не явился ни в семь, ни в восемь. Было уже около девяти часов, когда он окликнул меня непривычно грубым, громким голосом. Он был в чрезвычайно дурном расположении духа и выбранил конюха, хоть я и не мог понять, в чем тот провинился.

На крыльцо вышел хозяин постоялого двора и крикнул:

– Будьте осторожны, мистер Смит!

Смит ответил бранью и, едва мы выехали из города, пустил меня галопом, часто нахлестывая плетью, хотя я и без того скакал во весь опор. Луна еще не взошла, и было очень темно. Недавно приведенная в порядок дорога была усыпана мелкими камешками, от скачки по такой дороге подкова скоро разболталась, а у шлагбаума, где надо было платить дорожный сбор, совсем оторвалась.

Будь Смит в здравом уме, он бы сразу заметил, что я прихрамываю, но он был пьян в стельку и вряд ли что замечал.

За шлагбаумом начинался участок дороги, на который только что насыпали довольно крупные острые камни, по которым лошадь не может быстро идти без риска. Я же, потеряв подкову, вынужден был идти по такой дороге полным галопом, подгоняемый плетью, дикой бранью и требованиями прибавить ходу. Конечно, неподкованная нога причиняла мне страшные мучения, копыто было просто размозжено до основания, и острые камешки набились внутрь.

Так не могло продолжаться, боль стала непереносимой: в таких обстоятельствах лошадь не в силах скакать. Я споткнулся и всей тяжестью рухнул на оба колена. Смит вылетел из седла и с размаху ударился оземь: ведь скорость была очень велика. Я с трудом встал и побрел на обочину, где не было камней. Луна выплыла из-за гряды холмов, и в лунном свете я увидел Смита, лежавшего в нескольких ярдах от меня. Он не поднимался – только пошевелился и громко застонал. Мне тоже хотелось бы застонать от невыносимой боли в ноге и в разбитых коленях, но кони привыкли страдать молча. Я не издал ни звука, я стоял и вслушивался. Смит еще раз простонал. Теперь луна ярко освещала его, и я видел, что он недвижим. Я ничего не мог сделать ни для Смита, ни для самого себя, но как я вслушивался в ночь, надеясь уловить звук шагов или колес! Однако по этой дороге мало ездили, и вполне могло случиться, что помощи придется ждать часами. И я стоял, всматриваясь и вслушиваясь в ночь, в прохладную и нежную апрельскую ночь, покой которой нарушали только неуверенные трели соловья, скольжение белых облачков вокруг луны и полет совы над живой изгородью. Мне вспомнились далекие летние ночи, которые я проводил под боком у моей матери на зеленых и ласковых пастбищах фермера Грея.

ГЛАВА XXVI

Чем все кончилось

Было, должно быть, около полуночи, когда я услышал где-то вдали цокот конских копыт. Время от времени он пропадал, потом слышался снова и становился раз от разу все отчетливей и ближе. Дорога в Эршалл пролежала через лесопосадки, также принадлежавшие лорду, звук доносился как раз оттуда, и я надеялся, что кто-то нас ищет. По мере приближения шагов я все больше убеждался в том, что это была Джинджер; а спустя еще немного времени даже мог сказать наверняка, что впряжена она в легкую повозку. Я громко заржал и страшно обрадовался, услышав ответное ржание Джинджер и мужские голоса. Повозка подъехала и остановилась возле неподвижно лежавшей на земле темной фигуры.

Один из мужчин соскочил на землю и склонился над ней.

– Это Рейбен, – сказал он, – но он не шевелится.

Второй человек тоже подошел и присел рядом:

– Да он мертв, потрогай руки – они совершенно холодные.

Мужчины приподняли тело, но оно безжизненно обмякло, волосы на голове слиплись от крови. Они снова опустили его на землю, потом подошли, оглядели меня и сразу же заметили мои ободренные колени.

– Вот оно что, лошадь упала и сбросила его! Кто бы мог подумать, что вороной на это способен?! Представить себе невозможно, что он может упасть. Должно быть, Рейбен лежит здесь уже несколько часов. Странно, что лошадь не двинулась с места.

Роберт попытался вывести меня на дорогу. Я сделал шаг и едва не свалился снова.

– Э, да у него не только с коленями плохо. Погляди-ка сюда – копыто разбито вдребезги, неудивительно, что он упал, бедолага. Знаешь, что я тебе скажу, Нед? Боюсь, Рейбен был не в себе. Ты только подумай: скакать по эдаким камням на лошади, потерявшей подкову! Будь он в своем уме – сообразил бы, что это все равно что ездить верхом на Луне. Похоже, он взялся за старое. Бедная Сьюзен! Она была сегодня вся белая, когда пришла к нам спросить, не вернулся ли он. Пыталась делать вид, будто ничуть не беспокоится, и придумывала кучу причин, которые могли бы его задержать, но, несмотря на это, умоляла меня поехать ему навстречу. А что мы теперь можем сделать? Нужно как-то доставить домой лошадь и тело – это будет нелегко.

Они поговорили между собой и решили, что Роберт, конюх, поведет меня, а Нед повезет покойного. Предстояло погрузить его в повозку – тяжелый труд, потому что некому было придерживать Джинджер; но она, как и я, прекрасно понимала, что произошло, и стояла как вкопанная.

Нед со своим скорбным грузом очень медленно тронулся в путь, а Роберт подошел ко мне и снова осмотрел мою ногу. Затем достал носовой платок и, туго перевязав копыто, повел меня домой. Никогда не забуду того ночного путешествия. До дома было больше трех миль. Роберт вел меня очень осторожно, а я хромал и спотыкался, но тащился вперед, преодолевая жуткую боль. Я видел, что ему жаль меня, потому что он все время поглаживал меня по шее и говорил ласковым голосом – словом, всячески старался приободрить.

Наконец я добрался до своего стойла и поел немного овса. Роберт сделал влажные повязки мне на колени и припарку из отрубей на копыто, чтобы вытянуть жар и обеззаразить, так как доктор мог прийти только утром. После этого я опустился на соломенную подстилку и, несмотря на боль, заснул.

На следующий день, осмотрев мои колени, ветеринар высказал надежду, что суставы не повреждены, а коли так, работать я смогу, но безупречной внешности у меня уже не будет никогда. Не сомневаюсь, что лечили меня наилучшим образом, хотя лечение длилось долго и было мучительным. На коленях нарастало «дикое мясо», как они это называли, и его вытравили каким-то едким раствором, а когда раны наконец зажили, поверхность смазали шипучей жидкостью, чтобы удалить волосяной покров: почему-то они считали это необходимым – наверное, они знали, что делали.

Поскольку Смит скончался столь неожиданно в отсутствие каких бы то ни было свидетелей, было проведено расследование. Хозяин постоянного двора «Белый лев», его конюх и еще несколько человек показали, что он был пьян, когда выезжал со двора. Стражники на заставе подтвердили, что он промчался через городские ворота как сумасшедший, а мою подкову нашли среди камней – дело было совершенно ясное, и с меня сняли всякую вину. Все жалели Сьюзен; она чуть не лишилась рассудка и без конца твердила: «Ах, он был такой добрый, такой хороший! Это все проклятое вино; зачем только продают это проклятое вино?! О Рейбен! Рейбен!» Она повторяла это до самых похорон, а после, поскольку не имела ни своего дома, ни родственников, вместе с шестью малыми детьми была вынуждена снова покинуть милый домик под сенью высоких дубов и переселиться в огромный мрачный рабочий дом.

ГЛАВА XXVII

Загубленные и катящиеся под уклон

Как только колени мои достаточно зажили, меня на месяц-другой отправили погостить на небольшой луг; там не было больше ни души, и я, конечно, наслаждался свободой и сочной травой, но давняя привычка к обществу сказывалась: я чувствовал себя очень одиноким.

Мы с Джинджер стали закадычными друзьями, и я очень по ней тосковал. Заслышав конский топот на дороге, я начинал ржать, но редко дожидался ответа. И вот однажды ворота загона отворились – и кто бы, вы думали, появился? Моя дорогая подружка Джинджер! Человек снял с нее уздечку и ушел. С тихим радостным ржанием я рысью пустился к ней; мы оба были рады встрече, но вскоре я понял, что Джинджер привели ко мне не для того, чтобы доставить нам удовольствие. Она поведала, что ее загнали быстрой ездой и теперь отправили сюда, чтобы посмотреть, поможет ли ей отдых.

Лорд Джордж по молодости лет ничьих советов не слушал; он был безжалостным наездником и не пропускал ни одной охоты, нисколько не заботясь при этом о лошадях. Вскоре после того как я покинул конюшню, были устроены скачки, в которых он твердо решил участвовать. Хоть конюх и предупреждал, что у Джинджер легкое растяжение и ее нельзя выпускать на скачки, лорд Джордж не обратил на это никакого внимания и на соревнованиях выжимал из нее последние силы, заставляя не отставать от фаворитов. Она со своим характером, конечно же, выложила до конца, пришла к финишу в первой тройке, но запалилась, а кроме того, седок был слишком тяжел для нее, и она растянула мышцы спины. «Вот и полюбуйтесь теперь на нас, загубленных в расцвете молодости и сил, – сказала она. – Тебя доконал пьяница, меня – дурак. Как тяжело!» Мы оба чувствовали, что теперь уже не те, какими были прежде.

Это, однако, не отравило нам радость встречи; мы, правда, не скакали галопом, как когда-то, но получали удовольствие оттого, что паслись и лежали вместе на траве, часами стояли в тени раскидистых лип, прижавшись головами друг к другу. Так мы жили, пока хозяйская семья не вернулась из города.

Однажды мы увидели на лугу лорда в сопровождении Йорка. Поняв, что настает важнейший момент, мы смиренно стояли под липой, ожидая их приближения. Они внимательно нас осмотрели. Похоже, лорд был страшно недоволен.

– Триста фунтов выброшены на ветер, – сказал он. – Но хуже всего то, что это лошади моего старого друга. Он надеялся, что им будет у меня хорошо, как дома, а их загубили. Кобыла пусть с годик побегает, посмотрим, что получится, а вот вороного придется продать: мне очень жаль, но я не могу держать в своей конюшне лошадь с такими коленями.

– Конечно, ваша светлость, – ответил Йорк, – но для него можно найти место, где внешний вид большого значения не имеет, а обращаться с ним будут хорошо. У меня в Бате есть знакомый, который держит платную конюшню, ему часто требуются хорошие лошади, но недорого; я знаю, что он отлично смотрит за своими лошадьми. У этого коня добрый нрав, а рекомендации вашей светлости или моей будут вполне достаточно для моего приятеля.

– Хорошо, Йорк, напишите ему. Я гораздо больше пекусь о том, чтобы лошадь попала в хорошие руки, чем о цене.

И они ушли.

– Скоро тебя увезут, – сказала Джинджер, – и я потеряю единственного друга; скорее всего, мы больше никогда не увидимся. Как жесток этот мир!

Примерно неделю спустя пришел Роберт с уздечкой, накинул ее на меня и увел.

По рекомендации Йорка меня купил хозяин платной конюшни. Мне предстояло ехать туда на поезде. Это было ново и требовало немалого мужества; но как только я понял, что с шипением вырывающиеся из трубы клубы пара, резкие толчки, свистки, а пуще всего непрерывное дрожание вагона, в котором я стоял, не причиняют мне никакого вреда, – я сразу успокоился.

По окончании путешествия я очутился в довольно удобной, хорошо убранной конюшне. Она не была, правда, столь просторной и уютной, как та, к которой я привык. Стойла здесь были устроены с наклоном, а не горизонтально, и когда голова моя склонялась к яслям, я был вынужден удерживаться на скошенном полу, что очень утомительно. Видимо, люди не знают, что лошадь работает гораздо лучше, если в стойле ей удобно и она имеет возможность свободно поворачиваться там. Как бы то ни было, меня хорошо кормили и содержали в чистоте. Напi хозяин заботился о нас как мог. Он занимался извозом и держал для этого довольно много лошадей и всевозможных экипажей. Иногда экипажи нанимали у него вместе с кучером, иногда клиенты – дамы или господа – правили сами.

ГЛАВА XXVIII

Извозчичья лошадь и ее ездоки

До того времени мною правили люди, которые хотя бы умели это делать; здесь же пришлось столкнуться с самыми разными типами дурных и неумелых возниц. Я был теперь наемной лошастью, обязанной служить любому клиенту, а поскольку зарекомендовал себя смирным, хорошо воспитанным конем, имеющим добрый нрав, подозреваю, что меня отдавали неумехам чаще, чем других моих собратьев, – я был надежнее. Начни я сейчас рассказывать обо всех извозчичьих манерах, которые пришлось на себе испытать, это заняло бы слишком много времени, но о некоторых все же упомяну. Во-первых, существуют ездоки – любители «строгих» поводьев. Это люди, которым, видимо, кажется, что все дело в том, чтобы натягивать вожжи как можно сильнее, никогда не ослаблять узды и не давать лошади даже малейшей свободы в движениях. Они не устают повторять, что «лошадь нужно держать крепко» и «непременно взнуздывать», словно иначе она упадет.

Каким-нибудь несчастным клячам, чьи губы из-за таких вот ездовых огрубели и утратили всякую чувствительность, это, быть может, и нужно, но для лошади, которая твердо держится на ногах, у которой нежные, чувствительные губы и которая чутко реагирует на малейший жест возницы, – это мука, к тому же просто глупо.

Есть, напротив, любители отпускать поводья. У таких вожжи свободно покоятся на лошадиной спине, а руки – на собственных коленях. Конечно, эти господа, случись что-то неожиданное, с лошастью никогда не справятся. Если лошадь встала в нерешительности, или испугалась, или оступилась, от них никакого проку – ни лошади, ни им самим, и кончается это порой несчастьем. Сам я, конечно, ничего против такой манеры управлять лошастью не имею, ибо у меня нет привычки спотыкаться или шарахаться в испуге, от ездока мне нужно лишь, чтобы он указывал путь да поощрял меня; однако когда идешь под уклон, чувствовать вожжи необходимо, чтобы быть уверенным, что ездок по крайней мере не спит.

Кроме того, небрежная манера езды вырабатывает у лошади дурные привычки и быстро приучает к лени, когда же она попадает в другие руки, эти привычки приходится из нее выколачивать, а это бывает больно и неприятно. Мистер Гордон всегда заставлял нас работать самым добросовестным образом и сохранять хорошие манеры. Он говорил, что портить лошадей, позволяя им усваивать дурные привычки, так же жестоко, как портить детей, потому что и те и другие будут страдать от этого сами.

К тому же такие ездоки зачастую совершенно беспечны и думают о чем угодно, только не о лошади. Однажды мне попался такой ездок. Я был запряжен в фаэтон, в котором сидели дама и двое ребятишек. Сразу же после того как мы тронулись, мой кучер бросил поводья и несколько раз бессмысленно стегнул меня кнутом, хотя я и без того отлично шел. На дороге были большие свежесвыощенные участки и повсюду валялось множество оставшихся после ремонта камней. Мой ездок шутил с дамой и детьми, смеялся и рассказывал об окрестностях, открывающихся справа и слева; он считал совершенно лишним поглядывать хоть изредка на лошадь и выбирать на дороге участки побезопасней. Кончилось тем, что камень попал мне в подкову и застрял там.

Будь на месте этого человека мистер Гордон или Джон – да любой хороший хозяин, я бы и трех шагов сделать не успел, как он обратил бы внимание, что что-то неладно. Даже если бы было темно, опытная рука по натяжению поводьев почувствовала бы, что у лошади сбивается шаг, ездок сошел бы и вытащил камень. Но этот продолжал болтать и смеяться, между тем как с каждым шагом камень все прочнее впечатывался между подковой и стрелкой копыта. Камень уходил острием внутрь и был круглым снаружи, а это, как известно, самый опасный камень, какой может поймать на дороге лошадь: с одной стороны – он режет ногу, с другой – скользит и создает опасность падения.

Был ли этот человек близорук или просто легкомыслен, не знаю, но я прошел добрых полмили с камнем в подкове, прежде чем он что-то заметил. К тому времени я уже так хромал от боли, что он наконец обратил на меня внимание и закричал: «Ну и шаг! Кажется, нам подсунули хромую лошадь! Какое безобразие!»

Затем бросил поводья и стал щелкать кнутом, повторяя: «Ну, нечего разыгрывать здесь передо мной ветерана; нам нужно ехать, и бесполезно прикидываться хромым и несчастным!»

Как раз в это время нам повстречался фермер верхом на коренастом коне. Он приподнял шляпу и привстал в стремях.

– Прошу прощения, сэр, – сказал он, – но с вашей лошадью, кажется, что-то случилось: по тому, как она шагает, похоже, что камень в копыте застрял. Если позволите, я взгляну. Эти разбросанные повсюду камни – сущее наказание для лошадей.

– Я нанял эту лошадь, – ответил мой ездок, – и понятия не имею, что с ней, но это безобразие – сдавать внаем хромых животных.

Фермер спешил и, перекинув вожжи через согнутую в локте руку, сразу же поднял мою переднюю ногу.

– Господи! Хромой? Я так и думал! Сначала он попытался вытащить камень рукой, но поскольку тот успел забиться слишком глубоко, достал из кармана специальный штырь и очень осторожно, не без труда выковырял камень. Подняв его повыше, он сказал:

– Вот этот камень, который ваша лошадь поймала на дороге; удивительно, что она до сих пор не упала и не сломала себе ноги.

– Ну и ну! – воскликнул мой ездок. – Вот это да! Никогда не знал, что лошади могут ловить камни.

– Не знали? – с легким презрением переспросил фермер. – Между тем это с ними случается довольно часто, даже с самыми лучшими из них: на такой дороге, как эта, им просто никуда не деться от камней. И если вы не хотите, чтобы лошадь охромела, следует следить за ней повнимательней и вовремя удалять такие камни. Эта нога у него сильно разбита, – продолжал фермер, осторожно опуская ее на землю и поглаживая меня. – Если позволите дать вам совет, сэр, ведите его очень осторожно, ему больно, и он не сразу перестанет хромать.

Затем, вскочив в седло и приподняв шляпу в приветствии даме, он рысью поскакал своей дорогой.

Когда он скрылся, мой кучер начал трясти и щелкать вожжами, из чего я понял, что должен идти вперед; так я, разумеется, и сделал, испытывая облегчение оттого, что камня в копыте

больше нет; но нога все еще сильно болела.

ГЛАВА XXIX

Кокни

Существуют также любители править лошадьми так, словно это паровая машина. Такие ездоки по большей части горожане, у которых никогда не было своей лошади и которые путешествуют в основном по рельсам.

Они, вероятно, думают, что лошадь – тот же паровоз, только поменьше. Во всяком случае, считают, что раз за нее заплачено, она обязана везти такой груз, на такое расстояние и с такой скоростью, как им требуется. Не важно, плоха ли дорога и размыта, или хороша и суха; усыпана ли камнями или гладка как зеркало, идет ли в гору или под гору, – вперед, вперед, вперед, не замедляя шага, не зная отдыха, не рассчитывая на сострадание! везли,

Манера править лошадью так, будто это бездушная машина, выматывает больше, чем любая другая. Я предпочитаю пробежать двадцать миль с хорошим, понимающим ездоком, чем десять с одним из этих, – менее утомительно.

И еще – они почти никогда не пользуются тормозным башмаком, сколь крутым ни был бы спуск. Из-за этого иногда случаются нешуточные беды. А если они им и пользуются, то часто забывают убирать, когда спуск окончен; мне не раз приходилось тащить в гору экипаж, у которого на одном колесе продолжал висеть башмак, и я успевал проделать полдороги, прежде чем ездок благоволил об этом вспомнить, – страшная, знаете ли, нагрузка для лошади.

Кроме того, эти кокни, вместо того чтобы трогать легко, как делают джентльмены, обычно рвут с места как безумные, а когда хотят остановиться, сначала хлещут лошадь, а потом натягивают вожжи так неожиданно, что она почти садится на задние ноги и удила едва не разрывают ей рот, что у них называется «остановить лошадь рывком». Если же нужно повернуть, они делают это так резко, будто не существует никаких правил движения. Отчетливо помню один весенний вечер. Нас с Рори наняли на целый день. (Мы обычно ходили в одной упряжке, когда требовалась пара. Рори был отличным, честным напарником.) Правил нами кучер из нашей конюшни, и, поскольку он был добр и внимателен, день прошел прекрасно. В ранних сумерках мы возвращались домой быстрым, легким шагом; дорога круто сворачивала влево. Мы бежали вдоль самой бровки, для встречного оставалось предостаточно места, и возница не стал нас осаживать на повороте. Но когда мы начали поворачивать за угол, я услышал лошадиный топот и шум быстро катящихся под уклон колес. В следующий же миг мы все попадали друг на друга. Мне повезло, я шел со стороны тротуара, а Рори не защищало даже дышло. Человек, правивший встречным экипажем, летел прямо на нас, и, когда он это увидел, у него уже не оставалось времени отклониться. Вся сила удара пришлась на Рори. Дышло двуколки вошло ему прямо в грудь, отбросив его назад. Никогда не забуду страшного звука, который вырвался из его груди. Встречная лошадь осела на задние ноги, дышло сломалось. Оказалось, что та лошадь тоже из нашей конюшни, она была запряжена в двуколку на высоких колесах – молодые люди обожают такие экипажи. Правил ею один из тех беспечных и невежественных парней, которые не знают даже, по какой стороне улицы положено ездить, а если знают, то пренебрегают правилами. И вот Рори лежал с рваной

раной в груди, и кровь лилась на землю. Говорили, что если бы удар пришелся чутьку левее, он бы погиб. Может, и лучше бы для бедняги.

А так рана заживала очень долго, а потом его продали на угольный карьер, а что такое таскать угольную тележку вверх-вниз по крутому склону, только лошадям известно. Мне доводилось видеть, как лошадь спускается с горы с тяжело груженной двухколесной тележкой, к которой даже тормозного башмака нельзя приделать. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами, наполняя сердце печалью.

После того как Рори выбыл из строя, я часто ходил в упряжке с кобылой по имени Пегги, чье стойло находилось рядом с моим. Это было сильное, хорошо сложенное животное красивой мышастой масти в яблоках с темно-коричневой гривой и хвостом. Она не выглядела как высокопородная лошадь, но была очень хороша, старательна и имела удивительно спокойный и приветливый характер. И все же сквозила в ее взгляде какая-то тревога, из чего я заключил, что на сердце у нее лежит забота. Когда же нас впервые запрягли вместе, я заметил, что у нее очень неровный аллюр: она шла, перемежая рысь с галопом – три-четыре шага, потом легкий прыжок.

Это очень неудобно для лошади, работающей с ней в упряжке, и я сам стал рядом с ней каким-то суетливым. По возвращении домой я спросил, почему у нее такой странный, неровный шаг.

– Ах, – ответила она огорченно, – я знаю, что это отвратительно, но ничего не могу поделать. Это не моя вина, клянусь, просто у меня очень короткие ноги. Когда мы стоим рядом, я ростом почти с тебя, но ноги от бедра у тебя на добрых три дюйма длиннее моих, – конечно, и шаг у тебя шире, и бежишь ты быстрее. Я ведь не сама себя так устроила. Будь моя воля, я бы удлинила себе ноги, потому что все мои беды – от коротких ног, – подавленно закончила Пегги.

– Какие у тебя могут быть беды? – спросил я. – Ты ведь такая сильная, добродушная, старательная.

– Видишь ли, – ответила она, – люди желают ездить быстро, и если одна лошадь не поспевает за другими, ее не ждет ничего, кроме кнута – кнут, кнут, кнут, всегда один только кнут. Поэтому я и приспособливаюсь, как умею: вот придумала эту уродливую, обманную манеру бегать. Так было не всегда. Когда я жила у своего первого хозяина, я бегала нормальной, ровной рысью, он никогда особенно не спешил. Это был сельский священник – а для меня хороший, добрый хозяин. Он служил в двух церквях, отстоящих довольно далеко друг от друга, и работы у него было немало, но он никогда не бранил и не бил меня, чтобы я шла быстрее. Он меня очень любил. Как бы я хотела всегда жить у него! Но ему пришлось переехать в большой город, а меня продали фермеру.

Вообще-то фермеры бывают превосходными хозяевами, но этот, думаю, оказался просто дурным человеком. Он нисколько не заботился о лошадях, не берег их, ему было важно одно – скорость. Я бегала быстро, как только могла, но его это не устраивало, и он постоянно охаживал меня кнутом – вот я и придумала делать прыжок после нескольких шагов, чтобы держать нужный темп. В базарные дни он имел обыкновение допоздна засиживаться в трактире, а потом галопом мчался домой.

Однажды вечером он как обычно гнал во весь опор, и вдруг колесо наскочило на какой-то большой, тяжелый предмет, лежавший на дороге, – двуколка вмиг перевернулась, самого её выбросило на обочину, и он сломал руку и, кажется, несколько ребер. Как бы то ни было, моей службе у него пришел конец, и я несколько об этом не жалела. Но беда моя оставалась со мной повсюду, где требовалась быстрая езда. Ах, если бы ноги у меня были подлиннее!

Бедная Пегги! Мне было ее очень жаль, но я ничем не мог ее утешить, ибо знал, как тяжело приходится медленно бегающим лошадям в упряжке с быстроногими; все удары хлыста достаются именно им, и с этим ничего не поделаешь.

Ее часто запрягали в фазтон на радость дамам – ведь она была такая кроткая, а через какое-то время продали двум женщинам, которые сами правили экипажем и желали иметь надежную, смирную лошадь.

После того как Пегги нас покинула, другая лошадь заняла ее место в конюшне. Это был молодой конь с дурной славой: считалось, что он пуглив и шарахается от страха, потому и потерял хорошее место. Я спросил, почему он стал таким.

– Да я и сам не знаю, – ответил он. – Робок был смолоду, к тому же несколько раз меня здорово напугали; когда видел что-нибудь необычное, я должен был повернуться и непременно все рассмотреть – видишь ли, с шорами на глазах ничего толком не увидишь и не поймешь, пока не повернешься. Но в этих случаях хозяин всегда хлестал меня кнутом, отчего я, естественно, шарахался и смелее не становился. Уверен, если бы он позволял мне спокойно рассмотреть то, что меня интересовало, и убедиться, что оно для меня опасности не представляет, все было бы в порядке, я ко всему постепенно привык бы. Однажды с ним в экипаже ехал пожилой джентльмен. Подул сильный ветер, поднял не то большой лист белой бумаги, не то какую-то тряпку, понес и опустил прямо на меня. Я испугался и рванул вперед – мой хозяин привычно вытянул меня кнутом, но старик закричал: «Что ты делаешь! Никогда нельзя бить лошадь за то, что она испугалась! Ей и так страшно, а ты добавляешь испугу и закрепляешь привычку шарахаться». Думаю, и с людьми это случается.

Я ведь пугаюсь не просто так; откуда мне знать, что опасно, а что нет, если мне никогда не позволяют ни с чем познакомиться поближе? Не боюсь же я того, что знаю. Например, меня учили ходить под седлом в парке, где жили олени; конечно, я знаю их так же хорошо, как овец или коров, и не боюсь. А ведь олени встречаются довольно редко, и многие благоразумные лошади пугаются и начинают страшно нервничать, если нужно пройти рядом с загоном, где они пасутся...

Конечно, попадались иногда и хорошие ездоки. Помню, как-то утром меня запрягли в легкую двуколку и отвели на улицу Палтни. Из дома вышли два господина; тот, что повыше, подошел ко мне спереди, оглядел мундштук и уздечку, чуть сдвинул хомут, чтобы проверить, удобно ли он сидит.

– Вы думаете, этому коню нужен подгубник? – спросил он конюха.

– Видите ли, сэр, – ответил тот, – я уверен, что он и без него будет идти хорошо: у него на редкость чувствительные губы, и, хоть это горячий конь, он не норовист; но мы знаем, что обычно клиенты желают, чтобы подгубник был.

– Я – нет, – сказал мужчина, – уберите его, пожалуйста, и проденьте вожжи через нащечные кольца. Чувствительные губы у лошади – великое дело в долгом путешествии, не так ли, старина? – и он похлопал меня по шее. Затем взял вожжи, и оба господина сели в экипаж. Я и сейчас помню, как легко он развернул меня, как едва заметно натянул поводья и как ласково кнут скользнул по моей спине – мы тронулись в путь. Я выгнул шею и старался показать себя как можно лучше. Понимая, что за моей спиной – человек, который знает, как обращаться с хорошей лошадью, я почувствовал себя, как в старые добрые времена, и развеселился.

Этому джентльмену я очень понравился, и, испытав меня несколько раз под седлом, он убедил моего хозяина продать меня его другу, который искал надежную, добрую лошадь для верховой езды. Так тем летом меня купил мистер Бэрри.

ГЛАВА XXX

Вор

Мой новый хозяин был не женат. Он жил в Бате, весь отдавался делам, и врач порекомендовал ему заниматься верховой ездой, чтобы иметь достаточную физическую нагрузку. Вот почему он меня и купил. Для меня была снята конюшня неподалеку от дома и нанят конюх по имени Филчер. Мой хозяин в лошадях смыслил мало, но обращался со мной хорошо, и у меня была бы спокойная, легкая жизнь, если бы не обстоятельство, о котором он вначале не подозревал.

Он приказал купить для меня самое лучшее сено, много овса, дробленых бобов с отрубями, викой – словом, все, что конюх сочтет необходимым. Я сам слышал, как хозяин отдавал распоряжения, и радовался, что у меня будет много прекрасного корма и что я отлично устроился.

Несколько дней все действительно шло хорошо; я видел, что мой конюх дело свое знает. Он содержал конюшню в чистоте, проветривал, тщательно обихаживал меня и был неизменно ласков. Раньше он служил конюхом в платной конюшне одного из постоянных дворов Бата. Потом бросил эту работу и теперь выращивал на продажу фрукты и овощи, а жена его разводила и откармливала домашнюю птицу и кроликов, тоже на продажу. Но через какое-то время мне показалось, что овес у меня слишком быстро убывает; бобы были, но смешивали их не с овсом, а с отрубями, да и тех добавляли не много, не более четверти того, что положено. Две-три недели спустя это начало сказываться на мне: я терял силу и резвость. Свежая трава хоть и полезна, но без овса не способна обеспечить лошади хорошую форму. Однако я не мог пожаловаться хозяину, и так продолжалось около двух месяцев. Удивительно, что он сам ничего не замечал. Но вот однажды мы отправились с ним за город навестить его друга, помещика, чье имение находилось по дороге в Уэльс. Этот человек отлично разбирался в лошадях; поприветствовав друга, он сказал, бросив на меня быстрый взгляд:

– По-моему, Бэрри, твоя лошадь выглядит гораздо хуже, чем выглядела, когда ты ее купил. Она здорова?

– Думаю, что да, – ответил мой хозяин, – хотя он не так резв, как прежде; но мой конюх говорит, что лошади вообще слабеют и впадают в уныние осенью и что в этом нет ничего неожиданного.

– При чем здесь осень! Вздор! – сказал помещик. – К тому же сейчас еще только август; при его нетрудной работе и хорошей кормежке этот конь не должен был так сдать даже и осенью. Чем ты его кормишь?

Хозяин рассказал. Его друг медленно покачал головой и стал меня всего ощупывать.

– Не знаю, кто съедает твой овес, дружище, но только не эта лошадь. Ты скакал быстро?

– Нет, совсем легко.

– Приложи-ка сюда руку, – сказал он, указывая на мою шею. – Он разгорячен и вспотел так, словно его гнали галопом много миль. Советую тебе присмотреться повнимательней к тому, что делается на конюшне. Мне бы не хотелось показаться подозрительным – слава Богу, у меня самого никогда не было повода подозревать своих людей, – но бывают алчные негодяи, которые опускаются до того, что воруют у бессловесной скотины.

Ты должен проверить. – И, обернувшись к своему человеку, который отошел, чтобы взять меня, сказал: – Задай этому коню добрую порцию дробленого овса, и пусть ест сколько захочет.

«Бессловесная скотина»... Да, к сожалению, мы бессловесны, а то я бы рассказал хозяину, куда уходит овес. Мой конюх приходил каждое утро часов в шесть с маленьким мальчиком, у которого в руках была неизменная корзинка с крышкой. Он заходил с отцом в шорную, где хранился и овес, и, если дверь оставалась приоткрытой, я видел, как они накладывают в мешок овес из закрома, после чего мальчик уходил.

Пятью или шестью днями позже, утром, через несколько минут после того, как мальчик вышел из конюшни, дверь снова отворилась, и вошел полицейский, держа ребенка за руку. За ним следовал другой полицейский, который, войдя, запер дверь изнутри и сказал:

– Ну-ка, покажи, где твой отец держит корм для кроликов?

Мальчик выглядел очень испуганным и плакал, но деваться было некуда, и он повел полицейских к закрому. Здесь они нашли еще один, пустой, мешок, точно такой же, как тот, что, наполненный овсом, лежал в корзине у мальчика.

Филчер в это время чистил мне ноги. Его нашли и, не обращая внимания на пустые угрозы, увели в участок вместе с сыном. Я слышал потом, что мальчика признали невиновным и отпустили, а отца приговорили к двум месяцам тюремного заключения.

ГЛАВА XXXI

Обман

Моему хозяину было нелегко угодить, но через несколько дней нового конюха все же найти удалось. Высокий, довольно симпатичный на вид человек по имени Элфред Смирк. Он держался со мной безукоризненно и никогда не обижал; на глазах у хозяина без конца трепал и поглаживал; смочив гребень, всегда расчесывал мне хвост и гриву, прежде чем привести к мистеру Бэрри, смазывал копыта растительным маслом и следил, чтобы я выглядел элегантно. О том же, чтобы глубоко промыть мне копыта, осмотреть подковы, как следует почистить меня, он и не думал, словно я был коровой, а не лошадь. Мундштук у меня был вечно заржавлен, седло влажное, шлея задубевшая.

Элфред Смирк считал себя неотразимым и любил покрасоваться перед зеркалом в шорной, хотя свою шевелюру, усы и вывязывая галстук. Когда к нему обращался хозяин, он, беспрерывно прикладывая руку к шляпе, только и повторял: «Да, ваша милость, слушаюсь, ваша милость». И все думали, что он был прекрасным молодым человеком и что мистеру Бэрри с ним очень повезло. Но я-то знал, что это был самый ленивый, самый самодовольный тип, какого я когда-либо видел. Конечно, великое дело, если тебя не обижают, но лошади требуется нечто большее. У меня было просторное стойло, и я мог там вполне удобно себя чувствовать, если бы Элфред не ленился чистить его. Он никогда не убирал всей соломы, и от той, что оставалась внизу, шел резкий запах; тяжелые испарения поднимались вверх, и глаза от них воспалялись и болели, у меня даже пропадал аппетит. Однажды хозяин вошел и сказал:

– Элфред, в конюшне стоит дурной запах. Вы что, воды жалеете и не выскребаете стойло как положено?

– Ах, сэр, – ответил Элфред, прикасаясь к шляпе рукой, – я, конечно, сделаю это, если вы хотите, сэр, но лить воду в стойло весьма опасно, лошади предрасположены к простуде, сэр. Я очень боюсь навредить ему. Но если вы так желаете, я, разумеется, вымою, сэр.

– Нет, – сказал хозяин, – я вовсе не желаю, чтобы он простудился, но мне не нравится, что в конюшне стоит такой смрад. Вы уверены, что стоки не засорились?

– Ой, сэр, вот сейчас, когда вы это сказали, я подумал, что от стоков действительно пахнет. Может, они и впрямь не в порядке, сэр?

– Ну так пошлите за каменщиком, пусть он все проверит, – велел хозяин.

– Слушаюсь, сэр, будет исполнено, сэр.

Каменщик явился, повынимал кучу кирпичей и никакого засора, естественно, не обнаружил; он снова заделал дырки и содрал с хозяина пять шиллингов, запах же в конюшне как был, так и остался. Но это еще не все. От стояния на мокрой соломе ноги у меня сделались болезненными и слабыми, хозяин, бывало, диву давался:

– Не понимаю, что случилось с этой лошадь? Он стал таким неуклюжим – того и гляди, споткнется.

– Да, сэр, – отвечал Элфред, – и я это заметил, когда делал ему променады.

На самом деле никакого променада он не делал, и если хозяин был занят, я дни напролет стоял в конюшне без разминки, а кормили меня как ломовую лошадь. Это расстраивало мое здоровье, и я порой становился обмякшим и апатичным, но чаще – беспокойным и

возбужденным. Он никогда не давал мне зелени и овощей или болтушки из отрубей, что пошло бы мне на пользу, ибо был столь же невежествен, сколь и самоуверен. И вот вместо того чтобы бегать и правильно питаться, я глотал конские пилули и микстуры, которые, кроме того что были противными на вкус, вызывали болезненное состояние и неприятные ощущения.

В конце концов ноги у меня ослабели настолько, что, везя хозяина по свежевывощенному участку дороги, я несколько раз опасно споткнулся. Вернувшись в город, хозяин, не заезжая домой, отправился со мной к ветеринару и попросил осмотреть меня. Врач поочередно поднял все четыре моих ноги и внимательно их обследовал, потом, разогнувшись и отряхивая ладони, сказал:

– Худо дело: у вашей лошади гниют стрелки копыт, оттого-то и ноги так ослабели. Счастье еще, что он не упал до сих пор. Куда смотрит ваш конюх? Такое случается, если не чистить конюшню и не менять солому в стойле. Если вы пришлете коня завтра ко мне, я полечу его и объясню вашему человеку, как прикладывать мазь, которую я дам.

На следующий день мне тщательно прочистили копыта и набили стрелки паклей, пропитанной какой-то сильно пахнущей жидкостью. Это было в высшей степени неприятно. Ветеринар распорядился ежедневно менять соломенную подстилку в моем стойле и содержать пол конюшни в идеальной чистоте. Затем было велено кормить меня мешанкой из отрубей и, пока ноги не заживут, давать поменьше овса. Это лечение помогло мне вернуть прежнюю форму, но мистер Бэрри был так обескуражен тем, что его дважды обманывали конюхи, что решил не держать больше собственной лошади, а нанимать в случае необходимости. Я оставался у него, пока не выздоровел окончательно, а потом меня снова продали.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА XXXII

Конская ярмарка

Без сомнения, конская ярмарка – чудесное развлечение для тех, кто ничего не покупает; во всяком случае, здесь есть на что посмотреть.

Длинные ряды молодых лошадей, пригнанных из деревни, но отдохнувших после долгого перехода; табунки мохнатых маленьких пони из Уэльса, ростом не выше Веселого Копытца; сотни всевозможных ломовых лошадей – у некоторых хвосты заплетены в косички и подвязаны алыми ленточками; и множество таких, как я, – красивых и породистых, но испорченных из-за несчастного случая: запаленных или имеющих какой-нибудь внешний недостаток. Было там несколько великолепных животных в расцвете сил, способных выполнять любую работу; они демонстрировали превосходнейшие аллюры, далеко выбрасывая передние ноги, когда их выводили на круг и конюх заставлял их бегать на корде.

Наряду с этим были и несчастные, надорвавшиеся от непосильной работы лошади с распухшими коленными суставами, с подгибавшимися на каждом шагу задними ногами; и потупившиеся, унылые старые коняги с отвислой нижней губой и тяжело опавшими ушами, словно не ждущие больше от жизни никаких радостей, потерявшие всякую надежду.

Попадались лошади такие тощие, что можно было пересчитать все их ребра, а на спинах и боках у них виднелись следы от давних ран. Грустно коню наблюдать все это – кто может поручиться, что и он сам не окажется когда-нибудь в таком же положении?

Здесь заключалось много сделок, цены вздували и сбивали, и если бы лошадь могла сказать то, что думает, я бы сказал, что на этой ярмарке обмана и мошенничества было больше, чем может себе представить даже весьма шустрый торговец. Я стоял вместе с двумя или тремя сильными, работающими на вид лошадьми, и множество людей подходило и интересовалось нами. Господа, увидев мои ободранные колени, сразу от меня отворачивались, хотя мой продавец клялся и божился, что я просто поскользнулся в стойле. Первое, что делали все, – открывали мне рот и осматривали зубы, потом глаза, потом ощупывали ноги сверху донизу; при этом я всей кожей и мышцами испытывал неприятное ощущение, потом проверяли, как я бегаю. Удивительно, как по-разному делали это разные люди. Некоторые грубо и бесцеремонно, словно перед ними была просто деревянная чурка; другие же – ласково поглаживая и приговаривая: «С твоего позволения, дружок». Конечно, я судил о покупателе по тому, как он со мной обращался.

Был там один человек... Мне очень хотелось, чтобы он меня купил. По виду его нельзя было принять за джентльмена, но не походил он и на тех развязных толстых людей, которые таковыми себя величают. Довольно маленького роста, но крепко сбитый и быстрый в движениях. По тому, как он со мной обращался, я сразу понял, что он знает толк в лошадях: говорил ласково, взгляд его серых глаз был добрым и веселым. Может показаться странным, но это чистая правда: запах свежести и чистоты, витавший вокруг него, сразу же покорила меня. От него не несло пивным или табачным духом, что я ненавидел, от него пахло так, словно он только что спустился с сеновала. Человек этот предложил за меня двадцать три фунта, однако продавец не согласился, и он пошел дальше. Я смотрел ему вслед, но он неумолимо удалялся, а ко мне подошел мрачный горластый мужчина; я

страшно испугался, что он меня купит, но и он не сторговался. Подходили еще два-три человека, впрочем, эти были праздными зеваками. Затем мрачный тип вернулся и предложил двадцать три фунта; завязался торг, и сделка готова была вот-вот свершиться, так как мой продавец перестал уже надеяться получить то, что просил, но именно в этот момент вернулся сероглазый. Я не удержался и потянулся к нему мордой. Он ласково погладил ее.

– Ну, старина, – сказал он, – думаю, мы подходим друг другу. Даю за него двадцать четыре.

– Скажите двадцать пять – и он ваш.

– Двадцать четыре и десять пенсов, – ответил мой приятель тоном, не допускающим дальнейших пререканий. – И ни пенса больше.

– Идет, – сказал продавец, – и можете не сомневаться, у этого коня уйма достоинств. Если вы намереваетесь использовать его в упряжке, считайте, что совершили очень выгодную покупку.

Деньги были выложены тут же, и мой новый хозяин, взяв за повод, повел меня с ярмарки на постоянный двор, где у него наготове имелись седло и уздечка. Он хорошо накормил меня овсом и, пока я ел, стоял рядом, разговаривая со мной, а отчасти и с самим собой.

Полчаса спустя мы были уже на пути в Лондон. Прелестные узкие тропинки и сельские просеки остались позади. В конце концов мы очутились на главной улице огромного города. Уже зажгли газовые фонари; улицы тянулись вправо и влево, улицы пересекались чуть ли не через каждую милю. Я думал, конца им не будет. Но вот, миновав одну из них, мы очутились на извозчичьей стоянке. Там мой седок весело прокричал:

– Добрый вечер, Хозяин!

– Привет, – прокричал кто-то в ответ, – хорошую лошадь купил?

– Думаю, что да, – ответил мой новый владелец.

– Ну, удачи тебе с ней!

– Спасибо, Хозяин, – и мы продолжили свой путь. Вскоре мы свернули в одну из боковых улиц, а в середине ее еще раз повернули в очень узенький переулок с неприглядными на вид домами по одну сторону и чем-то похожим на конюшни и каретные сараи – по другую. Мой хозяин подъехал к одному из домов и свистнул. Дверь распахнулась, выбежала молодая женщина, а следом – девочка и мальчик. Когда мой седок спешил, они все очень радостно поприветствовали друг друга.

– А теперь, Хэрри, сынок, открой ворота и принеси фонарь.

В следующее мгновение все они окружили меня на крохотном конном двореке.

– Папа, а он смирный?

– Да, Долли, как твой котенок, подойди, погладь его.

Маленькая ручка бесстрашно заскользила по моей шерсти. Как это было приятно!

– Пока ты будешь его чистить, я приготовлю ему кашу из отрубей, – сказала мать.

– Да, Полли, давай, это именно то, что ему нужно. А потом, уверен, у тебя найдется какая-нибудь «кашка» и для меня.

– Сосиски в тесте и яблочный пирог, – выкрикнул мальчик, и все засмеялись.

Меня отвели в удобное, пахнущее чистотой стойло, щедро выстланное сухой соломой, и после плотного ужина я улегся, размышляя о том, какое счастье ждет меня впереди.

ГЛАВА XXXIII

Лондонская извозчичья лошадь

Имя моего нового хозяина было Джереми Баркер, но поскольку все звали его просто Джерри, я тоже буду его так называть. Полли, его жена, могла бы составить счастье любого мужчины: пухленькая, опрятная, цветущая маленькая женщина с гладкими черными волосами, карими глазами и улыбчивым аккуратным ротиком. Мальчику было лет двенадцать – высокий, открытый, доброжелательный паренек; а маленькая Дороти (они ее звали Долли) была копией своей матери, только восьми лет от роду. Было очень приятно видеть, как все они любят друг друга. Ни до, ни после того я не встречал такой счастливой и веселой семьи. У Джерри была собственная пролетка и две лошади; и правил, и ухаживал за ними он сам. Вторая его лошадь звалась Капитаном – это был высокий, белый, довольно широкий в кости конь. Когда мы познакомились, Капитан был уже в возрасте, но в молодости, видно, смотрелся великолепно, впрочем, он сохранил горделивую посадку головы и манеру выгибать шею; он был до кончиков ушей породистым, хорошо воспитанным, благородным старым конем. Я слышал, что в юности он участвовал в Крымской кампании – принадлежал кавалерийскому офицеру и обычно шел впереди эскадрона. Потом я расскажу об этом подробнее.

На следующий день, когда меня вымыли и вычистили, Полли и Долли явились на конный двор поближе познакомиться и подружиться со мной. Хэрри, с раннего утра помогавший отцу, выразил свое мнение обо мне коротко: «Классный парень!» Полли принесла мне кусочек яблока, а Долли – краюшку хлеба, и они восхищались мною так, словно я был прежним Черным Красавчиком. Какое наслаждение снова чувствовать себя обласканным и слышать нежный голос, обращенный к тебе, – я изо всех сил старался тоже показать им свое дружелюбие. Полли нашла, что я очень красив и отлично смотрелся бы в упряжке, если бы не мои ободранные колени.

– Конечно, мы никогда не узнаем, кто в этом виноват, – сказал Джерри, – но пока я этого не знаю, я буду считать, что не он, потому что не ездил еще на лошади с более твердым и осторожным шагом. Мы назовем его Джек в честь нашего старого коня. Не возражаешь, Полли?

– Давай, – ответила она, – я тоже не хочу, чтобы доброе имя исчезло.

Капитан все утро ходил в упряжке. Хэрри, вернувшись из школы, пришел накормить и напоить меня, и после обеда настала моя очередь. Джерри так старался, чтобы хомут и уздечка не причиняли мне неудобств, что я вспомнил Джона Мэн ли. Когда шлея была ослаблена на одну или две дырочки, я почувствовал себя и вовсе прекрасно. Не было ни подбрюшника, ни подгубника – ничего, кроме обычной круговой уздечки. Какое блаженство! Проехав через боковую улочку, мы очутились на извозчичьей стоянке, где Джерри прошлым вечером приветствовал Хозяина. По одну сторону этой широкой улицы стояли высокие дома с великолепными витринами, по другую – старинная церковь с палисадом, обнесенным чугунной оградой. Вдоль нее-то и вытянулась цепочка пролеток в ожидании пассажиров. Неподалеку на земле лежали кучки соломы, стояла вода. Некоторые возницы, собравшись вместе, беседовали, другие сидели на козлах своих экипажей и читали газеты, третьи кормили сеном и поили лошадей. Мы присоединились к очереди, встав в хвост. Двое

или трое извозчиков подошли и, осмотрев меня, стали отпускать замечания.

– Очень подходит для похорон, – сказал один.

– Слишком уж он хорош на вид, – глубокомысленно качая головой, заметил другой. – В один прекрасный день ты обнаружишь в нем какой-нибудь скрытый порок, не будь я Джонс.

– Ну, что ж, – спокойно ответил Джерри, – выискивать его специально я не собираюсь, пока сам не обнаружится. Поберегу нервы.

Затем пришел широкоплечий мужчина, одетый в серый плащ с широкой серой пелериной и большими белыми пуговицами, серую шляпу и синий шерстяной шарф, свободно обернутый вокруг шеи; волосы у него тоже были серыми от седины, но при этом он производил впечатление весельчака, и все расступились, давая ему дорогу. Он осмотрел меня с ног до головы, словно приценивался, а затем выпрямился и с широкой улыбкой объявил:

– Этот конь – как раз то, что тебе нужно, Джерри; я не спрашиваю, сколько ты за него дал, но он того стоит.

Таким образом, моя персона получила официальное признание.

Фамилия этого человека была Грант, но все звали его Серый Грант или Хозяин Грант. Он был местным старейшиной и брал на себя труд улаживать ссоры и мирить приятелей. В целом это был добродушный и благоразумный человек, но если Серый Грант выходил из себя, что случалось, когда он выпивал лишнего, все старались держаться подальше от его кулака, зная, сколь он тяжел.

Первая неделя службы в качестве извозчицкой лошади оказалась очень утомительной. Я никогда прежде не бывал в Лондоне, и шум, коловращение, а главное – сонмы лошадей, людей и экипажей, между которыми приходилось лавировать, прокладывая себе путь, нервировали и изматывали меня. Но вскоре я понял, что могу полностью положиться на своего возницу, расслабился и успокоился.

Джерри был самым лучшим кучером из всех, кого я знал, и – что еще важнее – заботился о своих лошадях, как о себе самом. Скоро он уже не сомневался, что я трудолюбив и старателен, и никогда не хлестал меня кнутом, разве что я чувствовал, как кончик кнута легко скользит у меня по спине, что означало: пора трогать. Вообще-то я ощущал это уже по тому, как он поднимал вожжи, а его кнут можно было гораздо чаще видеть заткнутым за пояс, чем занесенным над головой.

Через короткий промежуток времени мы с хозяином идеально понимали друг друга. В конюшне все было устроено для нашего удобства. Стойла были, правда, сооружены по старой моде – с наклоном, но с тыльной стороны стойл имелись две подвижные перекладины: ночью, когда мы отдыхали, достаточно было поднять их – и можно снимать с нас уздечки и позволить поворачиваться и стоять как заблагорассудится. Это большое удобство.

Джерри содержал нас в образцовой чистоте, по мере возможности разнообразил наш рацион и всегда досыта кормил. И это еще не все. У нас было вдоволь чистой, свежей воды, которую он позволял оставлять в доступном для нас месте круглые сутки, кроме, разумеется, моментов, когда мы были разгорячены. Некоторые считают, что лошади нельзя давать пить столько, сколько ей вздумается, но я знаю, что если нам позволяют пить, когда хочется, мы за раз выпиваем совсем немного, и это гораздо полезнее, чем заглатывать

сразу по полведра после того, как вконец измучаешься жаждой и почувствуешь себя несчастным. Некоторые конюхи преспокойно отправляются домой пить пиво, оставив лошадей жевать сухое сено и овес. После этого лошадь, разумеется, залпом выпивает слишком много воды, а это вредно, ибо ничто так не сбивает дыхание и не леденит кишки. Но самое замечательное, что у нас там было, – это выходные по воскресеньям. Мы столько работали в течение недели, что, не будь этих дней, не знаю, как бы мы и справлялись. К тому же воскресенье было для лошадей временем приятного общения друг с другом. В один из таких дней я и услышал историю моего напарника.

ГЛАВА XXXIV

Старый боевой конь

Капитан был воспитан и выезжен как кавалерийская лошадь; его первый хозяин, офицер, как раз отправлялся на Крымскую войну. Капитану очень нравились занятия по выездке, в которых он участвовал вместе с другими лошадьми: они бегали рысью, разом поворачивались направо или налево, останавливались по команде или стремительно бросались вперед по сигналу трубы или знаку офицера. В молодости Капитан был темно-серой, стальной масти в яблоках и слыл красавцем. Его хозяин, жизнерадостный молодой человек, любил его без памяти и всегда относился с величайшей заботливостью и добротой. Капитану представлялось, что жизнь армейской лошади – сплошное удовольствие. Но когда настало время отправляться за границу на большом морском корабле, он едва не переменял мнение.

– Это, – рассказывал он, – было ужасно! Конечно, мы не могли взойти на борт прямо с берега, поэтому пришлось продеть нам под брюхо крепкие стропы и, несмотря на отчаянное наше сопротивление, поднять над землей, пронести над водой и опустить на палубу огромного судна. Потом нас поместили в крохотные стойла в трюме, и в течение многих дней мы не видели неба и не имели возможности размять ноги. Корабль время от времени качало на высоких волнах, мы бились о стенки и чувствовали себя отвратительно. Но наконец это злосчастное путешествие окончилось, нас силой вытащили на палубу и тем же воздушным путем доставили на берег. Мы страшно радовались, снова ощутив под ногами твердую землю, и от удовольствия фыркали и ржали.

Вскоре обнаружилось, что страна, куда мы прибыли, совсем не похожа на нашу собственную и что, помимо участия в боях, придется столкнуться со многими другими трудностями; однако большинство офицеров так любили своих лошадей, что старались обеспечить им все возможные удобства, несмотря на снег, сырость и полную неразбериху вокруг.

– Но разве участие в боях не было самым страшным из всего? – спросил я.

– Не знаю, как тебе и сказать, – ответил он. – Нам нравился звук трубы, нравилось, когда нас выводили из конюшен, нам не терпелось ринуться вперед, хотя иногда приходилось часами ждать команды; а когда команда звучала, мы мчались так весело и с такой готовностью, словно не рвались вокруг пушечные ядра, не мелькали штыки, не свистели пули. Думаю, покуда мы чувствовали, что всадник крепко сидит в седле и рука, держащая поводья, тверда, мы страха не знали, даже когда чудовищные снаряды вихрем проносились мимо и разлетались рядом на тысячу или больше осколков.

Мы с моим благородным хозяином участвовали во множестве боев, но ни разу не получили даже царапины; и хотя я был свидетелем того, как лошади погибают, сраженные пулей, пронзенные штыком или разрубленные страшным сабельным ударом, хотя видел, как они, павшие, навсегда остаются на поле брани или, раненные, корчатся в предсмертной агонии, за себя я не боялся. Веселый голос моего хозяина, подбадривающего своих людей, придавал мне уверенности, что нас убить не могут. Я так доверял ему, что, пока он сидел в седле, готов был бросаться на самое пушечное жерло. Я видел множество отважных мужчин, выбитых из седел смертоносными пулями, слышал крики и стоны умирающих,

галопом неся по земле, скользкой от крови, и часто вынужден был резко сворачивать в сторону, чтобы не растоптать раненого человека или лошадь. Но до одного ужасного дня я по-прежнему не испытывал страха. Тот день я не забуду никогда.

Здесь старый Капитан замолчал и испустил длинный печальный вздох. Я ждал, и он заговорил снова.

– Было осеннее утро; как обычно, за час до рассвета нас оседлали, и эскадрон изготовился к бранным трудам – бою или долгому ожиданию. Кавалеристы стояли рядом со своими лошадьми, готовые в любой момент вскочить в седло. По мере того как делалось светлей, среди офицеров стало заметно волнение, и еще до восхода солнца мы услышали треск вражеской стрельбы.

К нам подскакал офицер и отдал приказ: «По коням!» Секунду спустя мужчины сидели в седлах, а лошади, взволнованные, с нетерпением ожидали лишь прикосновения вожжей или шпор. Однако мы были так вымуштрованы, что застыли словно вкопанные, только покусывали удила и время от времени беспокойно вскидывали головы.

Мы с моим дорогим хозяином стояли перед строем. Он расчесал пальцами мою растрепавшуюся гриву и пригладил ее рукой; затем, похлопав меня по шее, сказал: «Трудный денек нам сегодня предстоит, Баярд, красавчик мой, но мы исполним свой долг честно, как всегда». В то утро, мне кажется, он больше обычного гладил меня по шее – тихо так гладил и гладил, словно думая при этом о чем-то другом. Мне было приятно прикосновение его руки, и я гордо и счастливо выпячивал грудь, но стоял при этом смирно, ибо понимал малейшие оттенки его настроения и знал, когда можно веселиться, а когда следует вести себя тихо.

Я не могу рассказать тебе обо всем, что произошло в тот день, но поведаю о последней атаке, в которой мы участвовали. Мы неслись через поле прямо на вражеские пушки. К тому времени я уже привык к грохоту тяжелых орудий, треску мушкетной пальбы и свисту пролетающих мимо снарядов, но под таким шквальным огнем, как в тот день, скакать еще не доводилось. Пули и ядра летели на нас справа, слева и спереди. Много храбрых всадников было выбито из седел, много коней пало, увлекая на землю седоков, много лошадей, лишившихся наездников, обезумев, металось по полю боя; не чувствуя твердой руки всадника, они жались к своим собратьям и галопом мчались вместе с ними в атаку. Но как бы страшно все это ни было, никто не остановился и не повернул назад. Ряды наши редели с каждой минутой, но когда падал товарищ, мы тут же смыкали строй. Мы не сбивались с шага и не спотыкались, напротив, наш галоп все убыстрялся, и вскоре мы подскакали к пушкам, окутанным белым дымом, сквозь который прорывались красные огненные вспышки.

Высоко подняв правую руку, мой хозяин, мой дорогой хозяин вел своих товарищей вперед; как раз в этот момент, со свистом пролетев рядом с моей головой, ядро попало прямо в него. Я почувствовал, как он пошатнулся от удара, и постарался сбавить скорость, но сабля выпала из его правой руки, поводья – из левой, и, откинувшись в седле, он рухнул на землю, не проронив ни единого звука. Другие всадники проносились мимо, и, увлеченный вихрем атаки, я потерял место, где он упал.

Я хотел остаться рядом с ним, не покидать его никогда... Увы! – стремительно катившийся вперед табун словно смыл меня. И вот, без хозяина, без друга, я остался один на этой усеянной трупами земле. Тут-то меня и обуял страх; я дрожал, чего никогда прежде со мной не случалось, и, глядя на других лошадей, тоже пытался вклиниться в строй, но всадники, размахивая саблями, прогоняли меня. В этот момент кавалерист, под которым пала лошадь, схватил меня под уздцы и вскочил в седло. С этим новым хозяином я снова несся вперед. Однако наше доблестное воинство потерпело в тот раз жестокое поражение. Оставшиеся в живых из той страшной битвы вернулись на прежние позиции. Некоторые лошади были тяжело ранены и от потери крови едва двигались; иные благородные животные ковыляли на трех ногах, встречались и такие, у которых были перебиты задние ноги. Было невыносимо слышать их хрипы и видеть умоляющий взгляд страдальческих глаз, провожающий счастливых, пробегающих мимо и оставляющих их на произвол судьбы. Никогда этого не забуду! По окончании боя раненых свезли в лазарет, а павших погребли.

– А раненых лошадей? – спросил я. – Неужто их оставили умирать?

– Нет, армейские ветеринары прошли по полю с пистолетами и пристрелили их. Тех, которые были ранены легко, привели в лагерь и стали лечить, но большинство благородных и бескорыстных созданий, что были выведены в то злополучное утро из конюшен, никогда уже туда не вернулись. В живых осталось меньше четверти лошадей.

Я не увидел больше моего дорогого хозяина. Думаю, падая из седла, он был уже мертв. Ни одного своего хозяина я не любил так, как его. Я участвовал потом во многих боях и только один раз был ранен, да и то легко. По окончании войны вернулся в Англию таким же здоровым и сильным, каким был, покидая ее.

– А я слышал, некоторые люди рассказывают о войне так, словно это очень веселое занятие, – заметил я.

– О! – вздохнул он. – Думаю, эти люди настоящей войны не видели. Конечно, это веселое занятие, если нет неприятеля, если участвуешь только в учениях и парадах, а стреляют вокруг лишь холостыми патронами. Да, в этом случае все прекрасно. Но если тысячи чудесных, храбрых людей и лошадей погибают или остаются калеками на всю жизнь, это совсем другое дело.

– А знаете ли вы, за что они воевали? – спросил я.

– Нет, – ответил он, – это выше лошадиного понимания, но враги, должно быть, были очень плохими людьми, если стоило переплывать море, чтобы убивать их.

ГЛАВА XXXV

Джерри Баркер

Я никогда не встречал человека лучше, чем мой новый хозяин; он был добрым, славным и таким же справедливым, как Джон Мэнли, к тому же веселым и добродушным настолько, что с ним почти невозможно было поссориться. Он обожал незатейливые песенки и мурлыкал их себе под нос. Особенно любил вот эту:

*Сестра и брат,
Отец и мать,
Спеши друг другу
Помогать!*

Так они и поступали. Хэрри не по годам умело управлялся в конюшне и все, что мог, делал всегда охотно. Полли и Долли, бывало, приходили по утрам привести в порядок экипаж: они стирали пыль, выбивали подушки, мыли стекла, пока Джерри мыл нас, а Хэрри начищал сбрую. Они много шутили и смеялись, и это взбадривало нас с Капитаном гораздо лучше, чем брань и понукания. Рабочий день у них всегда начинался рано, ибо Джерри говорил:

*Потеряв минутки утром,
Ты их больше не найдешь;
И ни спешкой, ни пробежкой,
Суею ли, мельтешней —
Не вернешь!*

Он терпеть не мог безделья и бессмысленной траты времени, и ничто не сердило его больше, чем люди, всюду и всегда опаздывающие и требующие погонять лошадь, которая вынуждена расплачиваться таким образом за их разгильдяйство.

Однажды двое молодых повес вышли из кабачка неподалеку от извозчичьей стоянки и сели в пролетку к Джерри.

– Ну, извозчик! Поторапливайся, мы опаздываем. Лети на всех парах, слышишь? Нам надо поспеть на вокзал «Виктория» к часовому поезду. Получишь лишний шиллинг.

– Я поеду в обычном темпе, господа, шиллинг не стоит такой спешки.

Экипаж Лэрри стоял рядом с нашим, Лэрри распахнул дверь и сказал:

«Я – тот извозчик, который вам нужен, господа! Пересаживайтесь ко мне, моя лошадь домчит вас вовремя». Закрыв за пассажирами дверцу своей пролетки, он подмигнул в сторону Джерри и сказал: «Он не умеет ездить быстрее, чем рысцой». И, хлестнув свою заезженную лошадь, помчался во весь опор. Джерри потрепал меня по шее: «Нет, Джек, шиллинг того не стоит, правда, старина?»

зачем

Хорошо помню утро, когда мы скучали на стоянке в ожидании пассажира и увидели, как юноша с тяжелым чемоданом в руке поскользнулся на апельсинной корке, валявшейся на тротуаре, и рухнул со страшной силой.

Джерри первый подбежал и помог ему подняться. Молодой человек, судя по всему, сильно ушибся: когда его вели в ближайший магазин, было видно, что каждый шаг причиняет ему ужасную боль. Джерри, разумеется, вернулся на стоянку, но минут через десять приказчик подозвал его, и мы подъехали к магазину.

– Можете отвезти меня на Юго-восточный вокзал? – спросил тот самый молодой человек. – Боюсь, из-за этого злосчастного падения я опаздываю, а мне чрезвычайно важно попасть на двенадцатичасовой поезд. Буду вам очень признателен и в долгу не останусь.

– Я постараюсь, сэр, – сердечно ответил Джерри, – если вы уверены, что с вами уже все в порядке, – ибо вид у юноши был страдальческий и лицо белое как полотно.

должен

Мгновение спустя Джерри уже сидел на козлах. Он цокнул языком и слегка дернул вожжи – я прекрасно понимал эти знаки.

– Ну, Джек, мой мальчик, – сказал он, – давай вперед! Сейчас мы покажем, что можем летать, словно птицы, если знаем зачем.

Днем, когда на улицах полно экипажей, всегда трудно ездить быстро, но мы делали все возможное; а когда хороший возница и хороший конь, которые понимают друг друга, действуют заодно, они могут творить чудеса. У меня очень чувствительные губы, мною можно править, лишь слегка натягивая вожжи то в одну, то в другую сторону, что очень важно в Лондоне, где кареты, omnibusы, коляски, фургоны, подводы, пролетки и телеги тащатся со скоростью пешехода. Кто-то едет так, кто-то эдак, одни ползут медленно, другие норовят их обогнать, omnibusы останавливаются то и дело, чтобы подобрать пассажира, лошадь, идущую сзади, приходится при этом тоже осаживать или заставляя объезжать omnibus. Но когда вы решаете его объехать, в узкий проезд неожиданно врывается ктонибудь еще, и вы вынуждены отступить и снова плестись за omnibusом. Наконец вы отваживаетесь все же его объехать, но должны пробираться в таком узком промежутке между колесами, подступающими справа и слева, что, приблизившись одно из них еще хоть на дюйм, оно неизбежно зацепится за ваше. Несколько минут движения по прямой – и вот вы уже в длинной очереди подвод и экипажей, вынужденных ползти шагом. Это вы попали в одну из вечных пробок. Теперь придется стоять на месте, пока ктонибудь не свернет в боковую улицу или не вмешается полицейский. Следует быть готовым при малейшей возможности, увидев крошечный просвет, ринуться вперед с прытью, достойной борзой, но при этом правильно оценив расстояние и время, необходимое, чтобы его покрыть, а то либо сцепишься с кем-нибудь колесами, либо тебе сломают колесо, либо заедут дышлом в грудь или плечо. Чтобы быстро ездить по Лондону в дневное время, нужно иметь большой опыт. Мы с Джерри, если нужно, умели делать это как никто другой. Я был резв и смел и безоговорочно доверял своему вознице; Джерри был ловок и выдержан одновременно и доверял своему коню, что тоже немаловажно. Он очень редко пользовался кнутом; по его голосу и цоканью языка я знал, что он хочет, чтобы я шел быстрее, а по натяжению поводьев понимал, куда следует идти, так что в кнуте просто не было нужды.

Впрочем, я отклонился.

В тот день улицы были запружены, но до конца Чипсайда мы добрались благополучно, а там попали в пробку. Подождав три-четыре минуты, молодой человек высунулся в окошко и беспокойно сказал:

– Пожалуй, мне лучше выйти и добираться пешком, а то я никогда не попаду на вокзал.

– Я сделаю все, что нужно, сэр, – ответил Джерри. – Думаю, мы поспеем вовремя; пробка скоро рассосется, а у вас слишком тяжелый багаж.

Как раз в этот момент двуколка, стоявшая впереди, начала двигаться, и дела пошли веселей. Мы лавировали с максимальной доступной лошади скоростью. На Лондонском мосту нам повезло: длинный черед извозчицких и прочих экипажей двигался по нему быстрой рысью – быть может, все спешили к нашему поезду? Так или иначе, мы подлетели к вокзалу, когда часы показывали без восьми двенадцать.

– Слава Богу! Не опоздали, – сказал молодой человек. – Спасибо вам, друг мой, и вашей доброй лошади. Вы спасли для меня то, чего не купишь ни за какие деньги. Примите в знак благодарности вот эти полкроны.

– Нет, сэр, не надо, благодарю вас. Я очень рад, что мы успели вовремя. Не мешкайте, сэр, уже звенит звонок. Эй, носильщик! Возьмите багаж этого джентльмена – дуврская платформа, двенадцатичасовой поезд. Вот так, – и, не дожидаясь ответа, Джерри развернул меня, чтобы уступить дорогу другим пролеткам с тоже опаздывающими пассажирами. Отъехав подальше от столпотворения, он сказал:

– Я так рад! Так рад! Бедный парень! Интересно, из-за чего он так волнуется? Джерри часто довольно громко разговаривал сам с собой, если мы стояли на месте. Когда мы вернулись на стоянку, все стали подтрунивать над ним: ведь он, вопреки собственным принципам, гнал лошадь, чтобы вовремя доставить пассажира за дополнительную мзду, как они считали, и желали знать, сколько он получил.

– Я получил гораздо больше, чем на самом деле, – сказал Джерри, застенчиво кивая. – То, что он мне дал, будет несколько дней греть мою душу.

– Не морочь голову! – сказал кто-то.

– Да он просто обманщик, – сказал другой. – Нас учит, а сам делает то же самое.

– Послушайте, друзья, – сказал Джерри. – Этот джентльмен хотел дать мне полкроны сверх платы за проезд, но я не взял; для меня лучшим вознаграждением было видеть, как он счастлив, что не опоздал на поезд. А если нам с Джеком доставляет удовольствие иной раз быстро побегать, то это наше дело и оно никого не касается.

ты

– Скорее всего нет, – согласился Джерри. – Но не думаю, что стану от этого менее счастлив. Я сто раз читал Заповеди, но не помню, чтобы там было сказано: «Не упусти случая разбогатеть». А в Новом завете про богачей написано много такого, что очень смущало бы меня, будь я одним из них.

– Если все же ты когда-нибудь разбогатеешь, Джерри, – сказал Серый Грант, глядя через плечо поверх крыши своей пролетки, – это будет справедливо, и твое богатство не будет проклято. Что же до тебя, Лэрри, то ты умрешь бедняком: слишком много тратишь на хлысты.

– А что же делать, если лошадь без них не бежит? – пожаловался Лэрри.

– Так ведь ты никогда и не пытался без них обойтись. Твой хлыст гуляет так, словно у тебя пляска святого Витта в руке. И если она не доконает тебя – она доконает твоего коня. Вот ты все время меняешь лошадей. Почему? Потому что ты никогда не даешь им покоя и не поощряешь.

– Мне просто не везло, – возражал Лэрри, – вот и все.

– А тебе никогда и не повезет, – сказал на это Хозяин Грант. – Удача весьма разборчива и предпочитает тех, у кого есть здравый смысл и доброе сердце. По крайней мере, так подсказывает мне мой опыт.

Хозяин Грант снова принялся за газету, которую читал перед тем, и все разобрались по своим пролеткам.

ГЛАВА XXXVI

Воскресный выезд

Однажды утром, не успел Джерри завести меня в оглобли и затянуть гужи, во двор вошел какой-то господин.

– К вашим услугам, сэр, – сказал Джерри.

– Доброе утро, мистер Баркер, – сказал тот. – Я бы хотел договориться, чтобы вы по воскресеньям утром возили миссис Бриггс в церковь. Мы теперь посещаем Новую церковь, а это довольно далеко, пешком ей туда не дойти.

[1]

– О! – воскликнул джентльмен, – я не знал, что вы работаете шесть дней в неделю; но это нетрудно исправить, а я позабочусь о том, чтобы вы ничего не потеряли при обмене лицензии. Дело в том, что миссис Бриггс предпочитает вас всем другим извозчикам.

– Я был бы рад услужить вашей жене, сэр, но у меня уже была семидневная лицензия – для меня и моих лошадей работа оказалась слишком тяжелой. Целый год напролет без единого выходного, без возможности провести воскресенье с женой и детьми и сходить в церковь, что я регулярно делал до того, как сел на козлы... Нет, последние шесть лет я беру только шестидневную лицензию и нахожу, что это во всех отношениях лучше.

– Да, конечно, – согласился мистер Бриггс, – безусловно, каждый должен иметь возможность отдохнуть и сходить в церковь в воскресенье, но, может быть, вы все же подумаете – ведь речь идет не о столь уж дальней поездке, и только утром, а весь остаток дня и вечер – попрежнему в вашем распоряжении. Вы ведь знаете, мы хорошие клиенты.

– Да, сэр, это чистая правда, и я благодарен вам за любезное предложение.

Чем смогу, всегда буду горд и счастлив услужить вам и вашей жене, но не могу отказаться от выходных по воскресеньям, сэр, в самом деле не могу. В Писании сказано, что Бог сотворил человека, потом Он сотворил лошадь и других животных и, сотворив их, отдыхал целый день и велел, чтобы они тоже отдыхали в седьмой день. Думаю, сэр, Он знал, что им полезно. Это же полезно и мне: с тех пор, как я отдыхаю по воскресеньям, я стал сильнее и здоровей, лошади тоже стали резвее и не так быстро выдыхаются. И все, у кого шестидневные лицензии, говорят то же самое. А денег я стал откладывать даже больше, чем когда бы то ни было прежде. Что же до жены и детей – Боже милостивый! – да ни за что на свете они бы не хотели, чтобы я снова перешел на семидневную работу.

– Ну, что ж, – сказал мистер Бриггс, – тогда извините за беспокойство, мистер Баркер, попробую найти кого-нибудь другого, – и он ушел.

– Что подделаешь, – сказал мне Джерри, – иначе мы поступить не могли, Джек, мы должны отдыхать по воскресеньям.

– Полли, – крикнул он, – Полли, пойді сюда!

Она тут же явилась.

– В чем дело, Джерри?

– Видишь ли, дорогая, мистер Бриггс хочет, чтобы я возил миссис Бриггс в церковь по воскресеньям. Я сказал, что у меня шестидневная лицензия, а он говорит – поменяйте ее на семидневную, а я оплачу разницу. Ты ведь знаешь, Полли, они очень хорошие клиенты: миссис Бриггс нередко часами ходит по магазинам или наносит визиты, но честно и щедро

платит, как настоящая леди. Они никогда не сбивают цену и не засчитывают три часа за два с половиной, как другие. И лошадям такая работа нетрудна, не то что рвать жилы, догоняя поезд для какого-нибудь растяпы, который вечно повсюду опаздывает на четверть часа. К тому же, если я откажу сейчас, похоже, они вообще перестанут меня нанимать. Что скажешь, жenuшка?

– Что скажу? – медленно начала Полли. – Я скажу, что даже если миссис Бриггс будет каждое воскресенье давать тебе соверен, я не хочу, чтобы ты снова стал работать без выходных. Мы знаем, каково это – не иметь свободного воскресенья, и мы знаем, что значит иметь их и распоряжаться по собственному усмотрению. Слава Богу, ты зарабатываешь достаточно, чтобы нас содержать, хоть порой бывает трудновато сводить концы с концами, особенно после того как заплатишь за овес, сено, лицензию да внесешь арендную плату, но скоро Хэрри начнет работать, я постараюсь еще больше экономить – не надо возвращаться к тем ужасным временам, когда у тебя не было минуты, чтобы взглянуть на собственных детей, и мы никогда не могли сходить вместе в церковь или просто тихо и счастливо провести день дома. Боже упаси, чтобы те времена вернулись, – вот что я скажу, Джерри.

– Именно это я и объяснил мистеру Бриггсу, дорогая, – подхватил Джерри, – и намерен твердо держаться своего решения, так что не расстраивайся, Полли (она начала было плакать). Я не вернусь к старому, даже если бы это позволило мне зарабатывать вдвое больше. Решено, жenuшка. Ну, улыбнись и не тужи, а я поехал на стоянку.

Со времени того разговора минуло три недели. Миссис Бриггс ни разу не наняла Джерри, и ему не оставалось ничего другого, как довольствоваться заработком, перепадаящим от случайных пассажиров. Джерри тяжело переживал это, так как подобная работа была, разумеется, труднее и для человека, и для лошади. Но Полли старалась приободрить его, все время повторяя: «Ничего, папочка, ничего!

Спокойно трудись,

Ни о чем не тужись,

Все будет хорошо

Когда-нибудь еще».

Вскоре все узнали, как и почему Джерри потерял своих лучших клиентов. Большинство сочли его глупцом, но двое или трое взяли его сторону.

– Если рабочие люди не будут неукоснительно соблюдать воскресенье, – сказал Трумен, – у них скоро вообще не останется никаких прав. А это – законное право каждого человека и каждого животного. День отдыха дан нам Господом, мы должны сами пользоваться правами, дарованными Законом Божьим, и для детей своих их сберечь.

– Хорошо вам, набожным ребятам, так говорить, – с саркастической улыбкой возразил Лэрри. – А я не отказываюсь заработать шиллинг-другой, когда только предоставляется возможность. Я не верю в Бога, потому что не вижу, чтобы верующие были чем-то лучше других.

неверующие.

не

– Если религия для чего и нужна, – отозвался Джонс, – так это для того, чтобы ваши верующие не заставляли нас, неверующих, работать по воскресеньям – многие из них, как

известно, это делают. Вот почему я и считаю, что религия – одно притворство. Например, разве стали бы мы выезжать по воскресеньям, если бы верующие не ездили в этот день в церкви и часовни? Но они от своих привилегий, так сказать, не отказываются, а мы должны из-за этого жертвовать выходными. Это им придется держать ответ перед Богом за мою бессмертную душу, если я не сумею ее спасти!

Его речь была встречена аплодисментами, но Джерри прервал их:

– Сказано красиво, но совершенно неверно. О своей душе каждый обязан печься сам. Ее нельзя положить к чужому порогу, словно подкидыша, и надеяться, что кто-то о ней позаботится. И потом, видите ли, раз вы постоянно торчите на козлах в ожидании заработка, люди думают: «Если мы его не найдем, это сделает кто-то другой; видимо, никакой выходной ему и не нужен». Конечно, они не зрят в корень, а то поняли бы, что если бы им каждое воскресенье не требовался экипаж, и вы бы здесь не стояли. Но люди редко добираются до сути вещей – это ведь может оказаться и неудобным. Однако, если бы вы, воскресные извозчики, дружно объявили воскресенье днем отдыха, все встало бы на свои места.

– А что же будут в этом случае делать добрые прихожане, которые не смогут послушать своих любимых проповедников? – ехидно заметил Лэрри.

– Не мое дело решать за других, – ответил Джерри, – но если они не в состоянии дойти до дальней церкви пешком, пусть посещают ближнюю; если идет дождь, пусть надевают плащи, как делают это в будни. Ежели дело хорошее, его следует совершить в любом случае, а ежели дурное, – так пусть вершится без нас. Праведный человек всегда свой путь сыщет, и это так же справедливо в отношении извозчиков, как в отношении прихожан.

ГЛАВА XXXVII

Золотое правило

Как-то две или три недели спустя мы вернулись в конюшню довольно поздно. Навстречу нам выбежала Полли с фонарем в руке (она всегда выходила посветить нам, если не было слишком сыро).

– Все улаживается, Джерри: миссис Бриггс присылала слугу сегодня днем, чтобы попросить тебя приехать за ней завтра в одиннадцать. «Да, конечно, – сказала я ему, – но мы думали, что миссис Бриггс нанимает теперь кого-то другого». А он и отвечает: дело, мол, в том, что хозяин действительно рассердился на мистера Баркера за то, что он отказался приезжать по воскресеньям, и пытался подрядить других извозчиков, но все было не то: одни едут слишком быстро, другие слишком медленно... Хозяйка говорит, что такого приятного и чистого экипажа, как у вас, нет ни у кого и что никто другой не подходит ей так, как мистер Баркер.

– «Все будет хорошо когда-нибудь еще». Ты была права, моя дорогая, как почти всегда. Беги, готовь ужин, а я распрягу Джека и живо сделаю все, что нужно, чтобы ему было хорошо.

После этого мистер Бриггс нанимал Джерри так же, как и прежде, но никогда не просил приезжать по воскресеньям. Однако настал день, когда нам пришлось поработать и в выходной, и вот как это случилось. Накануне вечером, в субботу, мы вернулись домой очень уставшие и с удовольствием предвкушали воскресный отдых, но нашим ожиданиям не суждено было исполниться.

В воскресенье утром Джерри чистил меня во дворе, когда подошла Полли. Было что-то тревожно-просительное в ее взгляде.

– В чем дело? – спросил Джерри.

– Видишь ли, дорогой, – ответила она, – бедняжка Дайна Браун только что получила письмо, в котором сообщается, что ее мать опасно больна и что, если она хочет застать ее в живых, ей следует приехать немедленно. Это в десяти милях отсюда, в деревне. Дайна говорит, если ехать на поезде, придется еще четыре мили идти пешком, а притом, что она очень слаба – ведь ее ребенку нет еще и четырех недель, – об этом, конечно, не может быть и речи. Вот она и просила узнать, не отвезешь ли ты ее в своей пролетке, и обещала честно расплатиться, как только добудет денег. Джерри поцокал языком:

– Надо подумать. Не о деньгах, конечно, а о потерянном выходном. Лошади устали, да и я тоже – вот в чем загвоздка.

– Да здесь загвоздки куда ни кинь, по правде говоря, – ответила Полли, – но ведь речь идет только о половине воскресного дня, к тому же мы должны поступать с другими так, как нам хотелось бы, чтобы и с нами поступали; а я прекрасно понимаю, что чувствовала бы сама, если бы умирала, не дай Бог, моя мать. И потом, Джерри, дорогой, я уверена, что это богоугодное дело не осквернит Святого воскресенья: если вытащить несчастного ослика из ямы в этот день не считается грехом, то помочь бедной Дайне – тем более.

– Ну, Полли, ты мудра, как пастырь. Так и быть, пойду сегодня к ранней службе, а ты можешь сказать Дайне, что я буду готов ровно в десять. Постой. Зайди по дороге к мяснику Брейдону, передай от меня привет и спроси, не одолжит ли он мне свою легкую двуколку на

рессорах. Я знаю, по воскресеньям он ею не пользуется, а для лошади это большая разница.

Она ушла, но скоро вернулась и сообщила, что мясник с удовольствием одолжит Джерри свою двуколку.

– Отлично, – сказал Джерри. – Собери мне немного еды – хлеба и сыра, я постараюсь вернуться как можно раньше.

– А я испеку мясной пирог не к ужину, а к раннему чаю, – сказала Полли и ушла. Джерри же принялся за приготовления к отъезду, напевая песенку «Только Полли и никто другой», которую очень любил.

Джерри выбрал для этой поездки меня, и в десять часов мы двинулись в путь. Двуколка с высокими колесами была такой легкой, что по сравнению с четырехколесной пролеткой казалась почти невесомой.

Был чудесный майский день. Выехав за город и вдохнув сладкий от аромата свежей травы воздух, ощутив под ногами мягкую проселочную дорогу, я почувствовал себя, как в старые добрые времена, и вся усталость мигом слетела с меня.

Родители Дайны жили на ферме в маленьком доме, к которому вела зеленая аллея.

Неподалеку был луг, где росло несколько красивых тенистых деревьев, на нем паслись две коровы. Встретивший нас молодой человек попросил Джерри оставить двуколку там, а меня предложил привязать в коровнике, извинившись, что у них нет более подходящего для лошади стойла.

– Если ваши коровы не будут возражать, – сказал Джерри, – мой конь с наслаждением попасся бы часок-другой на таком прекрасном лугу. Он смирный, и для него это было бы редким удовольствием.

– Конечно, пожалуйста! – ответил молодой человек. – Здесь все в вашем распоряжении, мы так благодарны вам за доброе отношение к моей сестре. В час у нас будет что-то вроде обеда, и мы надеемся, что вы разделите его с нами, хотя из-за матушкиной болезни у нас теперь все не так.

Джерри сердечно поблагодарил за приглашение, но сказал, что прихватил еду с собой и больше всего на свете хотел бы побыть на воздухе.

Когда меня распрягли, я не знал, что делать раньше: щипать траву, кататься по ней, просто лечь и отдохнуть или наслаждаться свободой, галопом скакать по лугу. Все это я проделал по очереди – ведь я не пасся на лугу с тех пор, как мы расстались с бедняжкой Джинджер. Джерри казался не менее счастливым, чем я. Он уселся на склоне под тенистым деревом, слушал пенье птиц, потом запел сам; почитал свою любимую книжицу в коричневом переплете, затем побродил по лугу, спустился к маленькому ручейку, нарвал цветов и веток боярышника и связал их длинными нитями плюща. После этого он накормил меня овсом, который прихватил из дома. Но время бежало слишком быстро.

Когда мы вернулись домой, первое, что сказал Джерри жене, въехав во двор, было:

– Ты знаешь, Полли, это воскресенье вовсе не оказалось потерянным, потому что там на каждом кусту птицы пели псалмы, и я им подпевал; а Джек и вовсе был похож на молодого жеребенка.

Когда Джерри вручил Долли цветы, та запрыгала от радости.

ГЛАВА XXXVIII

Долли и настоящий джентльмен

Зима в том году пришла рано и принесла холод и сырость. Почти каждый день в течение долгих недель шел снег, или снег с дождем, или просто дождь. К тому же дул пронизывающий ураганный ветер и стоял лютый мороз. Все лошади остро реагировали на такую погоду. От сухого холода нас в поле предохраняет пара толстых попон, но когда беспрерывно идет дождь, они промокают до нитки, и ничего хорошего это не сулит. Работая по полдня, мы возвращались в сухое стойло и могли отдохнуть и согреться, а вот извозчики вынуждены были сидеть на козлах весь день напролет, а иногда, если ждали пассажиров с вечеринки, и до часу-двух часов ночи.

Самое страшное для лошадей – когда дороги замерзают и делаются скользкими. Пройти милю по такой дороге без специальных подков, к тому же таща за собой экипаж, труднее, чем четыре по хорошей дороге. Чтобы не потерять равновесия, лошадь напрягает все нервы и мускулы, но сильнее всего изматывает постоянный страх падения. Если дороги становятся очень уж опасными, нас подковывают на шипы, что поначалу страшно нервирует.

Спасаясь от дурной погоды, многие извозчики проводили время в ближайшем кабаке и нанимали кого-нибудь поджидать пассажиров на улице; Но при этом они нередко упускали возможность заработать, да к тому же оставляли немало денег в кабаке. Джерри никогда не ходил в «Восход»; неподалеку была чайная, вот туда он иногда заглядывал или покупал кофе с пирожком у разносчика, доставлявшего свой товар прямо на стоянку. Джерри считал, что, употребляя спиртное, человек сначала согревается, но потом мерзнет еще сильнее. Ничто не греет извозчика лучше, утверждал он, чем сухая одежда, добрая пища, хорошее настроение и мысль о том, что дома ждет уютная женушка.

Когда он знал, что не сможет приехать домой пообедать, Полли давала ему еду с собой, а иногда малышка Долли выглядывала из-за угла, чтобы узнать, на месте ли папа. Если он был на стоянке, она со всех ног бросалась домой и вскоре возвращалась, неся что-нибудь в корзинке или кастрюльке – горячий суп или пудинг, только что приготовленный Полли.

Удивительно, как такая крошка не боялась ходить по улице, где то и дело сновали верховые лошади и экипажи; но она была храброй девчушкой и гордилась тем, что «приносит папе горячую еду», как она говорила. На стоянке она слыла всеобщей любимицей, и не было человека, который не перевел бы ее через улицу, если этого не мог сделать сам Джерри.

Однажды холодным ветреным днем Долли принесла отцу миску чего-то горячего и, стоя рядом, ждала, когда он поест. Но только он принялся за еду, как к нам быстрым шагом, держа над головой зонтик, подошел некий господин. Джерри ответил на его приветствие, коснувшись шляпы рукой, отдал миску Долли и начал было снимать с меня попону, но спешивший господин протестующе замахал рукой и воскликнул:

– Нет-нет, сначала доешьте суп, мой друг. У меня не слишком много времени, но подождать, пока вы закончите обед и переведете дочурку на ту сторону, я могу.

С этими словами он уселся в экипаж.

– Вот, Долли, этот джентльмен – настоящий джентльмен, – сказал Джерри. – Он не пожалел времени, чтобы оказать внимание простому извозчику и его дочке.

Только когда Джерри доел суп и перевел Долли через дорогу, пассажир распорядился отвезти себя в Клэпхем. Впоследствии этот джентльмен еще не раз нанимал наш экипаж. Должно быть, он очень любил собак и лошадей, потому что каждый раз, когда мы останавливались у дверей его дома, две или три собаки радостно выскакивали ему навстречу. Иногда он обходил экипаж, подходил ко мне, трепал по шее и тихим, приятным голосом говорил:

– У этого коня хороший хозяин, и он его стоит.

Редко кто обращает внимание на извозчичью лошадь. Иногда это делают дамы. Этот господин, да еще один или два гладили меня и дарили ласковым словом; девяносто же девяти из ста скорее пришло бы в голову погладить паровоз.

Наш новый знакомый был немолод и немного сутул, поэтому, когда шел вперед, казалось, что он на что-то нацелился. Его тонкие губы были обычно плотно сжаты, хотя улыбался он очень мило; взгляд у него был пронизательный, а резко очерченные скулы и посадка головы наводили на мысль о том, что это человек, не привыкший менять своих мнений. Голос его звучал приятно и ласково, любой лошади он сразу же внушал доверие, но был при этом твердым и решительным, как и все в облике этого человека.

Однажды он сел в нашу пролетку вместе с еще одним джентльменом. Мы остановились у магазина на улице Р., и, пока его приятель делал покупки, наш знакомый ожидал у входа. Чуть впереди нас, у противоположного тротуара, возле винного погреба стоял экипаж, запряженный парой великолепных лошадей. Извозчика при них не было, и неизвестно, сколько они уже там стояли, но, видимо, в конце концов решили, что прождали достаточно долго, и двинулись вперед. Не успели они отойти, как кучер выскочил из погребка и, догнав, схватил их под уздцы. Он был з ярости и стал свирепо хлестать их кнутом и вожжами, бил даже по головам. Наш приятель, увидев это, быстро пересек улицу и решительным голосом заявил:

– Если вы не прекратите это немедленно, я привлеку вас к суду за то, что вы оставляете лошадей без присмотра, и за жестокое обращение с ними.

Человек, который, без сомнения, выпивал в погребе, изрыгнул грубое ругательство, но лошадей бить перестал и, подобрав вожжи, влез на козлы. Наш друг между тем быстро достал из кармана блокнот и, взглянув на имя и адрес, написанные на дверце экипажа, что-то занес в него.

– Что это вы собираетесь делать? – прорычал возница.

Лишь кивок головы и зловещая улыбка были ему ответом.

Наш друг вернулся к пролетке одновременно со своим приятелем, который со смехом заметил:

– Я думал, Райт, у тебя своих дел по горло, чтобы взваливать себе на шею заботу еще и о чужих лошадях и слугах.

Мистер Райт помолчал мгновение, а потом, слегка откинув голову, сказал:

– Ты знаешь, почему этот мир так плох?

– Нет, – ответил его приятель.

– Так я тебе объясню. Потому что люди думают только о себе и палец о палец не ударят, чтобы заступиться за обиженного или вывести негодяя на чистую воду. Я никогда не

прохожу мимо подобной жестокости, и многие хозяева благодарили меня, поскольку и не предполагали, как дурно в их отсутствие обращаются с их лошадьми.

– Если бы таких людей, как вы, сэр, было больше! – сказал Джерри. – Они так нужны этому городу!

Мы поехали дальше, а когда они выходили из пролетки, наш друг сказал:

– Если человек видит жестокость и несправедливость, справиться с которыми в его силах, но ничего не предпринимает, он тоже несет ответственность за содеянное.

ГЛАВА XXXIX

Убогий Сэм

Нужно сказать, что для извозчиьей лошади я жил прекрасно; мой возница был и моим хозяином, и, даже не оказись он таким замечательным человеком, в его интересах было хорошо со мной обращаться и не изнурять работой. Но многие лошади принадлежали владельцам больших конюшен, которые нанимали извозчиков, чтобы те каждый день привозили им часть выручки. Поскольку это были не их лошади, такие извозчики думали лишь о том, как выжать из них побольше, чтобы, заплатив требуемую сумму хозяину, оставить что-то и себе. У этих лошадей жизнь была скверной. Конечно, сам я мало что понимал, но об этом часто говорили на стоянке, и Хозяин, который был человеком сердобольным и любил лошадей, порой очень сердился, если видел, что с лошастью плохо обходятся и доводят до полного изнеможения.

Однажды к стоянке подъехал жалкий на вид извозчик, которого все звали Убогий Сэм: его лошадь выглядела совершенно измученной, и Хозяин сказал:

– Тебе с твоей лошастью место в полицейском участке, а не здесь.

Извозчик накинул на лошадь рваную тряпку, затем повернулся к Хозяину и голосом, полным отчаяния, сказал:

– Если бы полиции было до нас хоть какое-нибудь дело, ей следовало бы заняться нашими хозяевами, которые обдирают нас как липку, и обратить внимание на слишком низкие расценки. Если, как большинству из нас, приходится каждый день выкладывать хозяину восемнадцать шиллингов за пользование пролеткой и парой лошадей и делать это, еще ни гроша не заработав для себя, то такую работенку легкой не назовешь, знаете ли: по девять шиллингов с каждой лошадиной головы вынь да по ложь, прежде чем начнешь зарабатывать на кусок хлеба себе. Тебе же не надо объяснять наше положение, а если лошадь не работает как положено, мне, что же, с голоду помирать прикажешь? Мои дети уже знают, каково это. У меня их шестеро, и, кроме одного, никто в дом гроша еще не приносит. Я торчу здесь по четырнадцать-шестнадцать часов в день и в течение десяти-двенадцати недель подряд не вижу выходного. Ты же знаешь, Скиннер застрелится, а не даст свободного дня. А уж если я не тружусь до седьмого пота, то не знаю, кто тогда и трудится. У меня нет ни теплого пальто, ни плаща, но когда на твоей глее столько едоков, об одежде уже не думаешь. На прошлой неделе пришлось часы заложить, чтобы заплатить Скиннеру, и больше уж мне их не видать!

Извозчики, стоявшие вокруг, согласно кивали и поддерживали его. Убогий Сэм продолжал:

– Хорошо вам, у кого свои лошади и пролетки или у кого добрые хозяева, – у вас есть шанс выбиться из нужды и жить праведно; у меня его нет. Нам ведь не положено брать больше шести пенсов за милю в пределах четырехмильного кольца. Сегодня утром, к примеру, я проехал добрых шесть миль и получил всего три шиллинга. И требовать плату за обратную дорогу порожняком я тоже права не имею: вот и выходит – лошадь прошла двенадцать миль, а я остался всего с тремя шиллингами. Со следующего пассажира я получил за трехмильный проезд, а мешков и ящиков у него было столько, что, погрузи я их снаружи, как багаж, можно было бы неплохо заработать, взяв положенные два пенса за место, но вы же знаете, как поступают пассажиры: все, что можно, набивают внутрь, складывают на

переднем сиденье. Эти сделали точно так же и только три тяжелых ящика погрузили наверх – а это всего шесть пенсов плюс плата за проезд шиллинг и шесть пенсов. Потом на обратном пути я заработал шиллинг. Вот и считайте: проехал восемнадцать миль, а получил всего шесть шиллингов. Стало быть, эта лошадь должна заработать сегодня еще три шиллинга, да другая, после обеда, девять, и только после этого я положу первый пенни в собственный карман.

Конечно, выдаются дни и получше, но такие, как сегодня, тоже не редкость, поэтому я считаю издевательством, когда нас начинают учить не изнурять лошадей: если лошадь падает от усталости – кроме как кнутом, ее ничем не заставишь идти вперед. У меня просто выхода другого нет. Запрячь бы жену с ребятишками вместе с этой лошадью, да пусть бы хозяин на это поглядел! Я так обращаюсь с лошадью не потому, что мне это нравится, про меня такого никто из вас не скажет. Просто жизнь у нас паршивая: ни дня отдыха, ни часу свободного, чтобы побыть с семьей. Я часто чувствую себя стариком, хотя мне всего сорок пять.

уповать

Собравшиеся вокруг извозчики одобрили его речь, один из них сказал:

– Да, положение отчаянное, и если кто-то из нас не удержится и перехватит порой лишнюю монетку, кто его за это осудит?

Джерри не принимал участия в разговоре, но я никогда не видел такого печального выражения на его лице. Хозяин стоял, заложив руки в карманы, потом достал из шляпы носовой платок и вытер лоб.

– Твоя правда, Сэм, – сказал он, – как ты сказал, так все и есть. Я никогда больше не буду пугать тебя полицией: просто я не сдержался, увидев глаза твоей лошади. Тяжко жить человеку, тяжело и скотине, и кто здесь поможет – не знаю; но ты по крайней мере мог бы пожалеть лошадь, сказать ей доброе слово, извиниться, что приходится тянуть из нее, бедной, последние жилы. Порой мы ничего не можем им дать, кроме ласки, но удивительно, как они это понимают!

Через несколько дней после этого разговора в пролетке Сэма приехал на стоянку другой извозчик.

– Привет! – сказал кто-то. – А где Убогий Сэм?

– Он заболел и слег, – ответил новичок. – Его вчера вечером привезли полуживого в конюшню, он едва дополз до дома, а утром жена прислала сына сказать, что у Сэма сильный жар и он не может выйти на работу, вот меня вместо него и взяли.

На следующее утро в пролетке снова приехал тот же извозчик.

– Как Сэм? – спросил его Хозяин.

– Его больше нет, – ответил тот.

– Что?! Нет?! Не хочешь ли ты сказать, что он умер?

– Да, испустил дух, – подтвердил новый извозчик. – Умер в четыре часа утра. Весь вчерашний день бредил и в бреду поминал Скиннера: говорил, что тот не дал ему ни одного выходного. «Я ни разу не отдыхал в воскресенье», – это были его последние слова.

Некоторое время все молчали, потом Хозяин произнес:

– Вот что я вам скажу, друзья. Это предупреждение всем нам.

ГЛАВА XL

Бедная Джинджер

Однажды, когда наша и многие другие извозчицьи пролетки стояли у входа в парк, где играла музыка, выдавший виды старый экипаж подъехал и остановился как раз за нами. В него была впряжена старая изможденная каурая кобыла с плохо ухоженной шкурой, сквозь которую выпирали кости, и подагрически вывернутыми коленями; она очень неуверенно держалась на ногах. Я как раз ел сено. Ветер отнес в сторону небольшой пучок, и бедное животное, вытянув шею, подобрало его, а затем стало оглядываться в поисках чего-нибудь еще. Я не мог не заметить, сколь безнадежным был взгляд этих грустных глаз, и стал вспоминать, где я мог раньше видеть эту лошадь, как вдруг она посмотрела прямо на меня и сказала: «Это ты, Черный Красавчик?»

Джинджер! Но как она изменилась! Красиво изогнутая и блестящая когда-то шея. сделалась прямой и тонкой, голова поникла, прежде стройные ноги раздалились и погрузнели, а изящные щетки над копытами разрослись и стали лохматыми. От тяжелой работы все суставы распухли; морда, такая жизнерадостная в прошлом, теперь выражала глубокое страдание, а по тому, как вздымались ее бока и как часто она кашляла, можно было догадаться, что она тяжело больна.

Наши экипажи стояли рядом, чуть в стороне от остальных, и я незаметно сделал шаг или два в ее сторону, чтобы немного поговорить. Печальную историю она мне поведала!

ниже

И

– Но ведь, бывало, ты останавливалась как вкопанная, если с тобой плохо обращались, – вспомнил я.

– О! – вздохнула Джинджер. – Однажды я попробовала – ничего не вышло. Человек силен, а если он к тому же жесток и безжалостен, мы ничего не можем сделать, только терпеть, терпеть, терпеть До конца. Скорее бы уж конец, я хотела бы умереть. Я видела мертвых лошадей и знаю, что им не больно; только бы умереть прямо так, на дороге, а не попасть на живодерню.

Я ужасно расстроился и ткнулся в нее носом, но мне нечем было утешить ее. Думаю, она обрадовалась нашей встрече, потому что сказала:

– Ты мой единственный в жизни ДРУГ.

В этот момент подошел ее возница, дернул вожжи, вывел Джинджер из очереди и уехал, оставив меня в глубокой печали.

Спустя некоторое время после той встречи мимо нас проехала подвода, на которой лежала околевавшая лошадь. Ее голова свисала к земле, с безжизненно высунувшегося языка капала кровь. И эти запавшие глаза! Не могу говорить о них, в них застыл такой ужас! Это была каурая кобыла с тонкой длинной шеей. Я увидел белую полосу, рассекавшую ее лоб.

Сомнений не было: на подводе лежала Джинджер. Надеюсь, что она, ибо это означало бы, что мучениям ее пришел конец. О, если бы люди были милосерднее! Они пристреливали бы нас, прежде чем мы успеваем испить до дна горькую чашу страданий.

ГЛАВА ХLI

Мясник

К тому времени я уже знал, что многие лошади в Лондоне испытывают массу неудобств, большинства из которых можно было бы избежать, будь у людей чуточку больше здравого смысла. Мы, лошади, не боимся трудной работы, если при этом с нами обращаются разумно; уверен, что немало лошадей, принадлежащих беднякам, чувствуют себя гораздо счастливее, чем чувствовал себя я, живя у миледи В., несмотря на то, что меня там изысканно кормили и сбруя моя была изукрашена серебром.

Мне всегда больно видеть, как издеваются над маленькими пони: заставляют таскать непосильные тяжести, а какойнибудь грубиян и невежа бьет их так, что они едва держатся на ногах. Однажды я встретил маленького серого пони с густой гривой и прелестной головкой, он был так похож на Веселое Копытце, что, не стой я в упряжке, непременно заговорил бы с ним. Выбиваясь из последних сил, он тащил тяжело груженную тележку, а здоровый парень хлестал его кнутом и дергал поводья так, что нежные губы пони едва не разрывались. Может, это и был Веселое Копытце? Очень уж он походил на него. Но нет, мистер Блумфилд все же, надеюсь, не продал его. Вероятно, этот пони был просто таким же славным маленьким коньком и, быть может, в юности жил так же счастливо, как Веселое Копытце.

Я часто замечал, что мясники имеют обыкновение очень быстро гонять лошадей, но не знал, почему – до того самого дня, когда нам пришлось простоять некоторое время в ожидании пассажира в Сентджонском лесу рядом с мясной лавкой. Как раз в это время тележка мясника подкатила к ней с бешеной скоростью. Лошадка была разгорячена и сильно устала; голова ее поникла, а по вздымающимся бокам и дрожащую ног можно было догадаться, как ее гнали. Кучер соскочил с козел и стал снимать с тележки корзину. Из лавки вышел хозяин, весьма недовольный, и, взглянув на пони, сердито обратился к вознице:

– Сколько раз тебе повторять, чтобы ты не загонял лошадь! Предыдущую доконал, теперь и эту хочешь? Если бы ты не был моим сыном, я бы тебя выгнал в два счета. Как тебе не стыдно доводить лошадь до такого состояния? Тебя бы следовало в полицию сдать за такую езду. И если ты действительно однажды туда угодишь, не надейся, что я тебя вызволю под залог, потому что устал уже твердить одно и то же. Заботься тогда о себе сам! Пока отец говорил, парень стоял, упрямо набычившись, но когда тот кончил, злобно взорвался: он не виноват, нечего на него орать, он только выполняет бесконечные поручения.

– Ты же сам всегда подгоняешь: «Поторапливайся, не зевай!» А клиенты?! Одному нужна баранья нога для раннего ужина, и я должен доставить ее через пятнадцать минут. Другой забыл заказать говядину – я обязан слетать за ней («одна нога здесь – другая там»), а то хозяйка будет жутко браниться. Экономка кричит, что к ее хозяевам нагрянули гости и нужно немедленно привезти отбивные. А дама из дома № 4 с Кресент-стрит никогда не заказывает мясо на ужин, пока ей не доставили мясо к обеду. И так все время: спешка, спешка, непрерывная спешка. Если бы господа знали, чего они хотят, и делали заказы накануне, у тебя и повода бы не было устраивать мне нагоняи.

– Да я бы Богу на них молился, если бы они поступали так, как ты говоришь. И упряжка была бы целее, и клиентам можно было бы лучше услужить, знай я заранее, что им понадобится. Но что без толку языком молоть? Кто из них хоть когда-нибудь подумал о мяснике и его лошади? Ладно, отведи его в стойло и позаботься о нем: имей в виду – на нем сегодня больше не ездить, а если будут еще заказы – сам отнесешь, в корзине.

С этими словами мясник вернулся в лавку, а сын отвел пони в конюшню.

Но далеко не все мальчишки безжалостны. Я знал таких, которые обожали своих пони или осликов, как любимых собачек, и эти крохотные животные трудились для своих юных хозяев так же охотно и радостно, как я – для Джерри. Порой работа выдается тяжелая, но доброе слово и дружеская рука способны облегчить ее.

Один маленький зеленщик привозил на нашу улицу картошку и всякие овощи; у него был пони, немолодой и не очень красивый, но я никогда не встречал более жизнерадостной и неунывающей лошади. Какое удовольствие было видеть, как они любят друг друга! Пони повсюду следовал за хозяином, как собачка, пускался рысью безо всякого кнута и понукания и гремел своей повозкой так весело, словно только что выбежал из королевских конюшен. Джерри нравился этот паренек, он называл его «принцем Чарли», ибо считал, что со временем тот станет королем извозчиков.

Помню и старика, который приезжал на нашу улицу в маленькой угольной тележке; он носил шляпу, какие носят все разносчики угля, а простое лицо его было черным от угольной пыли. Вместе с лошадкой они брели вдоль улицы как старые товарищи, отлично понимающие друг друга; коняшка сама останавливалась у нужных дверей: она, бывало, держала одно ухо повернутым к хозяину. Задолго до того, как они появлялись, был слышен крик разносчика угля. Я так и не понял, что он кричал, но ребяташки называли его «Старый Ба-а-р Хо-о», потому что звучало это именно так. Полли тоже покупала у него уголь и была к нему очень добра, а Джерри говорил: «Какое утешение сознавать, что и у бедняка лошадь может жить счастливо!»

ГЛАВА XLII

Выборы

Однажды днем, когда мы въехали во двор, навстречу нам выбежала Полли.

– Джерри! – сказала она. – Приходил мистер Б., спрашивал, будешь ли ты за него голосовать, и хотел нанять твой экипаж в день выборов. Он еще зайдет.

– Так, Полли. Скажи ему, что я уже занят. Не желаю, чтобы мою пролетку обклеивали огромными плакатами. А для Джека и Капитана было бы просто оскорбительно возить полупьяных избирателей. Нет, я не согласен!

– Но ты ведь, наверное, будешь за него голосовать? Он сказал, что он – твой кандидат.

– Да, в определенном смысле мой, но голосовать за него я не собираюсь, Полли. Ты знаешь, чем он занимается?

– Да.

– Так вот, человек, разбогатевший таким образом, сам по себе, может быть, и неплох, но он глух к нуждам человека трудящегося. По совести, я не могу доверить ему принимать законы. Наверное, некоторые меня осудят, но каждый должен поступать в соответствии с собственным разумением о благе страны.

Утром накануне выборов, когда Джерри заводил меня в оглобли, во двор, шмыгая носом и всхлипывая, вбежала Долли – ее голубое платье и белый передничек были забрызганы грязью.

– Эй, Долли, что случилось?

– Противные мальчишки забросали меня грязью, – рыдая, ответила девочка. – Они меня дразнили «борвыш, борвыш»...

– Они называли ее оборвышем синих, папа, – пояснил вбежавший следом Хэрри, вид у него был очень сердитый. – Но я им показал! Будут знать, как обижать мою сестру! Они мои кулаки надолго запомнят! Шайка трусливых, подлых оранжевых мерзавцев!

Джерри поцеловал девчушку и сказал:

– Беги к маме, моя козочка, и скажи ей, что я просил тебя сегодня посидеть дома и помочь ей.

Затем, нахмурившись, повернулся к Хэрри:

– Сынок, надеюсь, ты и впредь будешь всегда защищать сестру и преподашь хороший урок всякому, кто вздумает ее обидеть. Но запомни, я не потерплю в своем доме никаких выпадов по адресу каких бы то ни было партий. Среди сторонников синих столько же негодяев, сколько среди сторонников оранжевых, белых, алых или любых других, и я не желаю, чтобы кто-то из членов моей семьи ввязывался в эти игры. Что делается! Даже женщины и дети готовы выцарапать друг другу глаза из-за этих проклятых партийных эмблем, притом что и каждый десятый не скажет, что они на самом деле означают.

– Как же, папа, я считал, что синие – это те, кто за свободу.

– Мальчик мой, свобода не имеет цвета, цвета указывают лишь на принадлежность к той или иной партии, а единственная свобода, которую они могут тебе дать, – это свобода напиться за чужой счет, проехаться на избирательный участок в грязной, старой коляске, оскорблять каждого, кто носит другие цвета, и до хрипоты спорить о том, чего ты и не понимаешь-то как следует, – вот что значит их свобода.

– Ой, папа, ты шутишь!

– Нет, Хэрри, я серьезно; мне бывает стыдно, когда я слышу, как люди болтают о том, чего толком и не знают. Выборы – вещь серьезная. По крайней мере, должны быть таковыми. И каждый обязан голосовать по совести и предоставить другим право поступать так же.

ГЛАВА XLIII

Друг познается в беде

Наконец наступил день выборов; недостатка в работе у нас с Джерри не было. Сначала подошел запыхавшийся толстый человек с матерчатым баулом, ему нужен был вокзал на Бишопсгейт. Затем в экипаж села компания, приказавшая везти себя в Риджентс парк. Следующей пассажиркой была робкая взволнованная старушка, стоявшая в переулке, ее нужно было доставить в банк; там мы подождали и отвезли ее обратно. Когда она вышла, к нам, запыхавшись, подбежал краснолицый джентльмен с пачкой бумаг и, прежде чем Джерри успел спешиться, сам открыл дверцу пролетки, быстро залез внутрь и крикнул: «В полицейский участок на Боу-стрит, живо!» Мы тотчас тронулись, а когда после еще одной или двух ездов вернулись на стоянку, там не было ни одного экипажа. Джерри подвесил к моей голове торбу с кормом и сказал, как обычно:

– В такие дни, как этот, нужно пользоваться любой возможностью, чтобы поесть; пожуй, Джек, мой мальчик, и постарайся отдохнуть.

В торбе был дробленый овес с отрубями; эта еда и в обычный день – лакомство, а в такой особенно – хорошо восстанавливает силы. Джерри был удивительно заботлив, предусмотрителен и добр – какая же лошадь не сделает для такого хозяина все, что в ее силах.

Затем он достал мясной пирог, который дала Полли, и, стоя рядом со мной, начал есть. Улицы были запружены народом, но экипажи с эмблемами разных цветов сновали с такой скоростью, словно человеческая жизнь ничего не стоила; в тот день мы видели, как двоих сбили, в том числе женщину. Лошадям, бедолагам, приходилось туго, однако пассажиры-избиратели не думали об этом, многие были уже сильно навеселе, высовывались из окон экипажей и громким «Ура!» приветствовали встречных единомышленников. Я впервые в жизни видел выборы и не хотел бы увидеть их снова, хоть и слышал, что теперь они проходят более пристойно.

Не успели мы с Джерри толком поесть, как на улице появилась бедно одетая молодая женщина, с трудом несшая на руках ребенка. Она озиралась по сторонам и выглядела растерянной. Наконец она направилась к Джерри и спросила, как пройти к больнице Святого Фомы и далеко ли это. Она только утром приехала из деревни на подводе, подвозившей что-то на базар, ничего не знала о выборах, и у нее в Лондоне совсем не было знакомых. Она получила вызов из больницы и привезла сына.

Ребенок тоскливо плакал, голосок у него был совсем слабенький.

– Бедный малыш! – сказала женщина. – У него больные ножки. Ему уже четыре года, а ковыляет он как младенец, который только-только научился ходить; но доктор сказал, если я привезу его в больницу, он может поправиться. Умоляю, сэр, скажите, это далеко? И как туда пройти?

– Ну, что вы, миссис, – ответил Джерри, – вам не добраться туда пешком через эту толпу, до больницы еще мили три, а ребенок тяжелый.

– Да, тяжелый, видит Бог, но я, слава Создателю, сильная и, если бы знала дорогу, думаю, как-нибудь добрела бы; пожалуйста, скажите, куда мне идти.

– Это невозможно, – возразил Джерри, – вас могут сбить, и ребенка переедут. Послушайте, залезайте ко мне в пролетку, я благополучно довезу вас до больницы: видите, дождь собирается.

– Нет, сэр, нет, я не могу, спасибо, у меня денег хватит лишь на то, чтобы вернуться домой: пожалуйста, скажите, как пройти в больницу пешком.

– Послушайте, – сказал Джерри, – у меня тоже есть жена и двое любимых детишек, я сам отец и сочувствую вам всей душой. Садитесь, я ничего с вас не возьму; я бы перестал себя уважать, если бы позволил женщине с больным ребенком рисковать жизнью.

– Да благословит вас Господь! – воскликнула женщина и разрыдалась.

– Ну-ну, не унывайте, милая, мы вмиг домчим вас до больницы. Позвольте, я помогу вам сесть.

Джерри собирался было открыть дверцу, когда к пролетке с криками «Извозчик! Извозчик!» подскочили двое мужчин с цветными ленточками на шляпах и соответствующими бутоньерками в петлицах.

– Занято! – закричал Джерри. Но один из мужчин, оттолкнув бедную щину, уже впрыгнул в пролетку. За ним и другой. Взгляд у Джерри сделался суровым, как у полицейского. – Экипаж уже занят этой дамой, господа.

– Дамой! – презрительно фыркнул один из них. – Она может и подождать; у нас дело поважней, а кроме того, мы сели первыми, это наше право, и мы не выйдем.

Странная улыбка играла на лице Джерри, когда он закрывал за ними дверь.

– Ну, что ж, господа, сидите сколько вам будет угодно. Я подожду, пока вы успокоитесь, – и, повернувшись к ним спиной, подошел к женщине, стоявшей возле меня. – Они скоро уйдут, – сказал он, усмехаясь, – не беспокойтесь, милая.

И они действительно ушли, поняв хитрость Джерри, но при этом ругали его на чем свет стоит, грозили записать номер и привлечь к суду. После этой небольшой заминки мы отправились в больницу, стараясь избегать шумных улиц. У дверей Джерри позвонил и помог молодой женщине выйти.

– Тысячу раз спасибо вам, – сказала она, – я бы никогда сама сюда не добралась.

– Не за что. Надеюсь, ваш малыш скоро поправится.

[2]

Дождь к тому времени разошелся. Когда мы отъезжали от больницы, дверь снова отворилась, выглянул привратник и закричал: «Извозчик!» Мы остановились. На крыльце появилась дама. Джерри сразу же узнал ее; она откинула вуаль и воскликнула:

– Баркер! Джеремиа Баркер! Это вы? Я очень рада, что вы оказались здесь, вы настоящий друг: в этой части Лондона сегодня трудно найти извозчика.

– Почту за честь услужить вашей милости. Я тоже рад, что оказался здесь. Куда прикажете вас отвезти?

– На Паддингтонский вокзал, и если у нас останется время, а я думаю, так оно и будет, вы расскажете мне о Полли и детишках.

Мы приехали на вокзал загодя, и, стоя под козырьком пролетки, дама довольно долго разговаривала с Джерри. Я понял, что эта бывшая хозяйка Полли, потому что, подробно расспросив о ней, дама сказала:

– Я знаю, Полли очень волновалась за вас в прошлом году.

– Да, ваша милость, я сильно кашлял всю зиму, вплоть до наступления тепла, и потом она страшно беспокоится, если мне приходится задерживаться допоздна. Конечно, ваша милость, и долгая работа, и плохая погода сказываются на здоровье, но вообще-то у меня все в порядке, и я не знаю, что бы делал без лошадей. Я вырос с ними и, боюсь, ни на что другое, кроме как ходить за ними и ездить на них, не годен.

– Знаете, Баркер, – сказала дама, – было бы очень жаль, если бы из-за нынешней работы вы серьезно подорвали свое здоровье, – не только вас жаль, но и Полли с детьми. Хорошие кучера и конюхи нужны везде. Если когда-нибудь вы задумаете оставить извоз, дайте мне знать.

Попросив передать Полли привет и самые добрые пожелания, она вложила что-то ему в руку, добавив:

– Вот вам по пять шиллингов для каждого из ваших ребятишек. Полли сумеет ими правильно распорядиться.

Джерри, очень довольный, поблагодарил ее. Мы отъехали от вокзала, добрались домой и тут наконец почувствовали, как устали, – я, во всяком случае, почувствовал.

ГЛАВА XLIV

Старый Капитан и его преемник

Мы с Капитаном стали большими друзьями. Он был благороден, и с ним я чувствовал себя прекрасно. Я и представить себе не мог, что когда-нибудь он покинет нас навсегда, но такой день настал. И вот как это случилось. Сам я ничего не видел, но знаю по рассказам.

[3]

Ветеринар и Джерри делали все возможное, чтобы облегчить его страдания. Экипаж пришлось чинить, и несколько дней я оставался в конюшне, а Джерри ничего не зарабатывал. В первый же день, когда мы снова появились на стоянке, Хозяин подошел узнать, как Капитан.

себе

свои

своих

– Слушай, Джерри, – сказал Хозяин, – ты наступаешь мне на самую больную мозоль; ты ведь знаешь, что я не так добродетелен, как ты, а хотел бы быть.

– Так почему же ты с этим не покончишь, Хозяин? – спросил Джерри. – Ты ведь достаточно сильный человек, чтобы не быть рабом собственной слабости.

– Я большой дурак, Джерри. Однажды попробовал бросить. Продержался два дня, но чуть не умер. Как ты-то сумел?

– И я в свое время несколько недель отчаянно боролся с собой. Понимаешь, я никогда не напивался до беспамятства, но видел, что, опьянев, перестаю владеть собой и что, когда одолевает желание выпить, очень трудно сказать себе: «Нет!» Я знал, что в конце концов один подомнет под себя другого – либо зеленый змий Джерри Баркера, либо наоборот. И я сказал: «Господи, помоги, чтобы Джерри Баркер не оказался снизу!» Ох, как было нелегко, как я мечтал хоть о какой-нибудь помощи! Только попытавшись справиться с дурной привычкой, я понял, насколько она сильна.

Потом заболела Полли, ее надо было хорошо кормить, и вот, чтобы заглушить желание выпить, я сосал конфетку, или проглатывал чашку кофе, или читал Библию – и это помогало! Приходилось повторять себе снова и снова: «Брось пить, или ты загубишь свою душу! Брось пить, или ты разобьешь Полли сердце!» Благодарение Богу и моей дорогой жене, я разорвал эти цепи: вот уже десять лет капли в рот не беру – и не тянет.

– Я очень хочу бросить пить, – сказал Хозяин, – потому что хуже нет, чем перестать быть самим собой.

– Конечно, брось, Хозяин, обязательно брось, не пожалеешь! И это послужит прекрасным примером для всех наших ребят. Я знаю, что есть среди них такие, которые хотели бы держаться подальше от кабачка, если бы могли.

Сначала Капитан вроде бы неплохо пошел на поправку, но он был слишком стар. Так долго прослужить извозчицей лошадей он смог только благодаря своему изначально могучему здоровью и заботам Джерри. Теперь же он сильно сдал. Ветеринар сказал, что его можно подлечить и продать за несколько фунтов, но Джерри решительно воспротивился. За несколько фунтов обречь старого доброго слугу на тяжелую работу и горькие муки?! Да на всем, что заработаешь потом, будет лежать проклятье этих иудиных денег! И он решил, что

милосерднее всего по отношению к другу, старине Капитану, будет навсегда избавить его от страданий, мгновенно, без мучений остановив его сердце спасительной пулей. Ведь хозяина добрее ему уже никогда и нигде не сыскать.

На следующий день после того, как было принято это трудное решение, Хэрри повел меня в кузницу перековать. Когда мы вернулись, Капитана уже не было. Вся семья и я тяжело переживали его кончину.

Джерри пришлось подыскивать себе другого коня, и вскоре от знакомого, служившего помощником конюха у какого-то аристократа, он услышал о породистом молодом коне, который понес, врезался во встречный экипаж, выбросил из кареты хозяина и так изранил и опорочил себя, что держать его в дворянской конюшне больше было нельзя. Кучеру приказали искать покупателя.

– Я люблю норовистых лошадей, – сказал Джерри, – если только они незлобны и нетугоузды.

– В нем нет ни капли злобы, – заверил приятель, – и губы у него очень чувствительные; я думаю, то был просто несчастный случай. Видишь ли, он застоялся, его долго не выводили, и погода, как назло, была в тот день отвратительная, так что, когда его наконец выпустили, он был словно сжатая пружина. А наш хозяин (я имею в виду кучера) взнуздал его строже некуда: с мундштуком, тугим подгубником и подбрюшником, так что он пошевелиться не мог. Неудивительно, что такой горячий конь с такими чувствительными губами просто взбесился от всего этого.

– Похоже, что так; я приеду взгляну на него, – сказал Джерри.

На следующий день Пылкий – так его звали – был уже у нас: великолепный гнедой конь без единого светлого волоска, ростом с Капитана, с исключительно красивой головой – и всего пяти лет отроду. Я дружески приветствовал его как будущего напарника, но лишних вопросов задавать не стал. В первую ночь он был очень беспокоен; вместо того чтобы лечь, все время дергал привязь, пропущенную через кольцо, и бил копытом по загородке яслей так, что я не мог уснуть. Однако на следующий день, проработав в упряжке пять-шесть часов, он успокоился и стал благоразумнее. Джерри ласкал его и много с ним разговаривал, и вскоре они нашли общий язык. Джерри сказал, что если не слишком затягивать удила и хорошенько загружать его работой, этот конь станет смирным, как ягненок. Нет худа без добра: бывший хозяин Пылкого потерял фаворита, стоявшего ему не менее сотни гиней, зато извозчик получил доброго коня в расцвете сил.

Пылкий поначалу считал для себя страшным падением превратиться в извозчикью лошадь, ему претило стоять в очереди на стоянке, но к концу первой недели он признался мне, что свободная уздечка и возможность поворачивать голову – это не так уж мало и что, по правде сказать, нынешняя работа не так унижительна, как ходить под седлом, но не иметь возможности даже ухом в сторону повести.

В конце концов он прижился у нас, и Джерри его полюбил.

ГЛАВА XLV

Новый год Джерри

Для некоторых людей Рождество и Новый год – самые веселые дни в году, но для извозчика это вовсе никакие не праздники, хотя возможность заработать в это время есть.

Устраивается столько званых вечеров и балов, открыто столько увеселительных заведений, что работать приходится допоздна и до седьмого пота. Иногда извозчик и лошадь вынуждены под дождем или в мороз, дрожа от холода, часами ждать на улице, пока господа не навеселятся и не натапчуются в теплом доме. Интересно, вспоминают ли все эти красивые дамы хоть изредка о несчастном извозчике, сидящем на козлах там, снаружи, и о терпеливом животном, у которого ноги коченеют от холода?

Я работал по большей части вечерами, так как уже привык к долгому стоянию, к тому же Джерри боялся, что Пылкий простудится. На рождественской неделе работы было по горло, и Джерри снова стал сильно кашлять. Как бы поздно мы ни возвращались, Полли открывала дверь и светила фонарем, озабоченно и тревожно вглядываясь в мужа.

Вечером накануне Нового года нам пришлось везти двух джентльменов в Вест-Энд. Мы высадили их в девять, и нам было велено вернуться в одиннадцать. «Поскольку это связано с карточной игрой, вероятно, вам придется несколько минут подождать. Однако не опаздывайте».

Когда часы били одиннадцать, мы уже стояли у входа – Джерри всегда был точен. Мы слышали, как часы пробили одну четверть, две, три, потом полночь – дверь не открывалась. Весь день дул порывистый ветер и шел дождь, а теперь все кругом покрылось ледяной коркой; было страшно холодно – и никакого укрытия рядом. Джерри соскочил с козел и натянул одну из попон повыше мне на шею, затем несколько раз прошелся взад-вперед, притопывая ногами и похлопывая себя руками, чтобы согреться, но от этого начал сильнее кашлять. Тогда он открыл дверцу пролетки и сел в нее, выставив ноги наружу – какое-никакое укрытие. Часы и дальше отсчитывали четверти, но никто не появлялся. В половине первого Джерри позвонил и попросил слугу узнать, понадобится ли он.

– О да, конечно, – ответил тот, – не уезжайте, господа скоро закончат.

И снова Джерри уселся в пролетку, но голос у него стал таким хриплым, что я не мог разобрать, что он бормочет.

В четверть второго наконец отворилась дверь, и наши пассажиры вышли из дома. Не сказав ни слова, они уселись в экипаж и назвали адрес – милях в двух от того места. У меня ноги одеревенели от холода, и, должно быть, я спотыкался. Джентльмены вышли, даже не извинившись за то, что заставили нас так долго ждать, зато рассердились, узнав, сколько должны. Хоть Джерри никогда не брал лишнего, но никогда и не уступал, поэтому им пришлось заплатить за два с четвертью часа нашего ожидания. Однако деньги эти достались слишком тяжело.

Когда мы наконец вернулись домой, Джерри почти не мог говорить и жутко кашлял. Полли ни о чем не спросила, только открыла ворота и светила нам фонарем.

– Мне что-нибудь сделать? – проговорила, наконец, она.

– Да, пожалуйста, дай что-нибудь теплое для Джека, а потом свари мне кашу.

Все это он произнес сиплым шепотом; ему было трудно дышать, но он, как всегда, насухо вытер меня, накормил и даже сходил на сеновал и принес свежей соломы для подстилки. Полли приготовила мне теплую болтушку, я съел ее и почувствовал себя гораздо лучше. После этого они вышли и заперли дверь.

На следующее утро никто долго не приходил, потом появился один Хэрри. Он почистил и накормил нас, вымел стойла, подстелил свежей соломы, словно было воскресенье. Мальчик казался притихшим: не насвистывал, не напевал, как обычно. В полдень он пришел снова и принес нам еду и воду. На этот раз с ним пришла Долли. Она плакала, и из их разговора я понял, что Джерри опасно болен – доктор сказал: случай тяжелый. Так прошло два дня. Атмосфера в доме была очень тревожной. Мы видели только Хэрри, изредка Долли, которая приходила, чтобы составить ему компанию. Полли все время проводила у постели Джерри – ему был нужен полный покой.

На третий день – Хэрри как раз был в конюшне – в дверь постучали и вошел Хозяин Грант.

– Я не пойду в дом, сынок, – сказал он, – но я хотел бы узнать, как твой отец.

– Очень плохо, – ответил мальчик, – хуже некуда. Это называется «бронхит», доктор думает, что сегодня ночью будет перелом – или в ту, или в другую сторону.

– Ужасно, ужасно, – проговорил Грант, качая головой. – Двое вот так же умерли на прошлой неделе, болезнь унесла их в одночасье. Но пока душа не рассталась с телом, остается и надежда. Ты не должен падать духом.

– Да, – быстро проговорил Хэрри, – доктор говорит, что у отца шансы лучше, чем у многих других, потому что он не пил. Вчера он сказал, что при такой высокой температуре любой другой, пьющий человек уже сгорел бы как свечка. Мне кажется, он верит, что отец выкарабкается. А вы так не думаете, мистер Грант?

Хозяин ответил задумчиво:

– Если существует на свете справедливость и хорошим людям дано превозмочь болезнь, твой отец выздоровеет обязательно, потому что он самый хороший человек, какого я знаю. Я загляну завтра утром.

На следующий день ни свет ни заря он был уже у нас.

– Ну? – спросил он.

– Отцу лучше, – ответил Хэрри. – Мама надеется, что он поправится.

– Слава Богу! – с облегчением воскликнул Хозяин. – Держите его в тепле и ничем не тревожьте. Теперь о лошадях. Джек здесь, в теплой конюшне, к концу этой, в крайнем случае к началу будущей недели придет в прежнюю форму, и его можно будет вывести размять ноги. А вот молодой без работы скоро на стенку полезет, если можно так сказать, и тебе будет трудно с ним справиться, а когда его запрягут после этого, может произойти несчастный случай.

– Он уже и так бесится, – сказал Хэрри. – Я уж и овса ему даю совсем мало, но он такой горячий, не знаю просто, что с ним делать.

– Вот-вот, – подтвердил Грант. – Слушай, спроси у мамы, если она не возражает, я могу, пока все уладится, брать его каждый день и давать ему поработать, а половину выручки буду отдавать ей, это поможет по крайней мере прокормить лошадей. У твоего отца, я знаю, есть сбережения, но лошади будут проедать все ваши деньги, и вы окажетесь на мели. Я

приду за ответом в полдень.

И, не дожидаясь благодарности, Хозяин ушел.

В полдень он вернулся и увидел Полли, которая пришла в конюшню вместе с Хэрри.

Пылкого уже запрягли и вывели во двор.

Неделю или даже больше Грант брал его каждый день и, если Хэрри начинал благодарить и говорить о его доброте, смеялся и отвечал, что ему, можно сказать, повезло, потому что его собственным лошадям требовался отдых, которого им бы не видеть, если бы не этот случай.

Джерри уверенно шел на поправку, но доктор заявил, что если он хочет дожить до старости, извозом ему больше заниматься нельзя. Дети пытались угадать, что теперь будут делать родители, и размышляли, как бы им помочь.

Однажды Пылкого привели промокшим и очень грязным.

– На улицах страшная слякоть, – сказал Грант, – придется тебе попотеть, чтобы вымыть и высушить его, сынок.

– Конечно, Хозяин Грант, – ответил Хэрри, – я все сделаю как положено, вы же знаете, отец меня всему научил.

– Если бы всех мальчиков учили, как тебя! – воскликнул Хозяин.

Пока Хэрри губкой стирал грязь с Пылкого, вошла Долли, загадочно глядя на брата.

– Хэрри, а кто живет в Феарстоу? Маме пришло письмо из Феарстоу, она так обрадовалась и побежала с ним к папе, наверх.

– А ты разве не знаешь? Так называется местечко, где живет миссис Фаулер – бывшая мамина хозяйка, ну, та самая дама, которую папа встретил прошлым летом и которая подарила нам с тобой по пять шиллингов.

– А, миссис Фаулер?.. Конечно, я все про нее знаю. Интересно, что она пишет маме?

– Мама на прошлой неделе послала ей письмо, – сказал Хэрри. – Миссис Фаулер ведь сказала папе тогда, что если он задумает оставить извозчичью работу, пусть даст ей знать. Интересно, что она пишет? Сбегай узнай, Долли.

Хэрри скреб Пылкого щеткой – вжик, вжик – как заправский конюх с постоянного двора.

Через несколько минут, пританцовывая, вернулась Долли.

таким

– Это редкая удача, – сказал Хэрри. – И как раз вовремя, надо сказать. И папе, и маме будет хорошо. Но я не собираюсь становиться посыльным и носить штаны в обтяжку и курточку с блестящими пуговицами. Я стану конюхом или садовником.

Было решено переезжать в деревню, как только Джерри достаточно окрепнет, поэтому пролетку и лошадей следовало продать как можно скорее.

Меня это известие потрясло. Был я уже не молод, и в моем положении ждать улучшения участи не приходилось. С тех пор как покинул Биртуик, я никогда не был более счастлив, чем у Джерри, моего дорогого хозяина, но три года работы извозчичьей лошадью, даже при самых благоприятных условиях, не могут не сказаться: я не чувствовал себя больше тем конем, каким был когда-то.

Грант сразу же сказал, что купит Пылкого; были среди знакомых извозчиков и желающие купить меня, но Джерри сказал, что мне больше таскать пролетку нельзя, и Хозяин обещал

подыскать для меня подходящее место.

Пришел день расставания. Джерри еще не разрешали вставать, и я так никогда и не увидел его больше после той новогодней ночи. Полли с детьми пришли попрощаться со мной.

– Бедный дружок Джек! Дорогой мой Джек! Как бы мы хотели взять тебя с собой, – сказала Полли и, положив руку мне на гриву, поцеловала в шею. Долли плакала и тоже целовала меня. Хэрри все время гладил, но не проронил ни слова; однако вид у него был очень грустный. Потом меня повели на новое место.

ЧАСТЬ IV

ГЛАВА XLVI

Джейке и дама

Меня продали зерноторговцу и пекарю – знакомому Джерри. Джерри считал, что здесь меня будут хорошо кормить и не слишком изнурять работой. Что касается первого, он оказался прав. Что же до второго... Если бы хозяин сам присматривал за погрузкой, меня бы, конечно, не перегружали, но распоряжался там приказчик, который вечно всех подгонял и страшно любил командовать. Нередко, когда подвода была уже и так нагружена до предела, он приказывал захватить еще пару мешков. Мой возница, Джейке, говорил ему, что тяжесть будет для меня непосильной, но приказчик никого не слушал: «Глупо ездить дважды, если можно все взять за один раз – дело прежде всего».

Джейке, как и остальные возницы, привык строго взнуздывать лошадей, отчего тащить подводу было трудней, и через три или четыре месяца я почувствовал, что очень ослабел. Однажды с подводой, нагруженной больше обычного, мне пришлось часть пути пройти в гору; я напрягался изо всех сил, но было слишком тяжело, и приходилось то и дело останавливаться. Моему вознице это не понравилось, и он больно стегнул меня кнутом.

– А ну, давай вперед, лодырь, – крикнул он, – а то я тебе покажу!

Я снова напрягся и продвинулся еще чуть-чуть, кнут снова опустился мне на спину, и снова я сделал несколько шагов, выбиваясь из последних сил. Боль от удара была невыносимой, но еще больнее ранило унижение. Сердце разрывалось оттого, что меня оскорбляли и наказывали, в то время как я выкладывался до конца. Когда Джейке жестоко хлестнул меня в третий раз, к нему быстрым шагом подошла дама и умоляющим голосом сказала:

– Прошу вас, не бейте коня, я уверена, он делает все, что может. Подъем слишком крут. Не сомневаюсь, он старается изо всех сил.

– Если он делает все, что может, и при этом не тащит подводу, значит, ему придется сделать немножко больше, чем он может, вот и все, ваша милость, – ответил Джейке.

– Но не слишком ли тяжела подвода? – спросила дама.

– Конечно, слишком, – ответил он, – но это уж не моя вина: когда мы отъезжали, пришел приказчик и велел положить еще несколько мешков. Ему так удобнее, а я – делай что хочешь.

Он снова занес было кнут, но дама сказала:

– Умоляю вас, остановитесь. Думаю, я смогу вам помочь, если позволите.

Джейке рассмеялся.

попробуйте,

– Ну-ну, – хохотнул Джейке. – Чтобы доставить удовольствие даме, извольте. Насколько прикажете ослабить, ваша милость?

– Да насколько можно. Пусть свободно двигает шеей.

Джейке сделал, как она просила, и я тут же опустил голову до самых колен. Какое же это было блаженство! Затем я несколько раз вскинул и опустил голову, чтобы размять шею.

– Бедняжка! Вот чего тебе хотелось, – сказала дама, глядя и похлопывая меня своей нежной ручкой. – А теперь, если вы его ласково попросите и поведете под уздцы, уверена, он одолеет подъем.

Джейке взял вожжи: «Ну, давай, Воронок!» Я опустил голову и что было мочи влег в хомут. Все мои силы, теперь не распылявшиеся, ушли на это. Подвода сдвинулась с места, и я медленно потащил ее вверх. Когда подъем кончился, я остановился передохнуть.

Дама все время шла рядом по обочине, а когда я остановился, приблизилась, потрепала по шее и погладила так, как этого давно уже никто не делал.

– Видите, когда ему ничего не мешает, он отлично справляется. Сразу видно, что у этого коня добрый нрав, конечно же, он знал лучшие времена. Не взнуздывайте его больше, ладно? – попросила она, потому что Джейке как раз собирался снова подтянуть узду.

– Ваша милость, я не отрицаю, что, освободив голову, мы облегчили ему подъем. Я буду с благодарностью помнить ваш совет и впредь. Но если я позволю ему мотать головой как ему заблагорассудится, меня на смех подымут: что делать, так запрягать не принято.

хорошую

дурной?

Еще раз мягко потрепав меня по шее, она легким шагом перешла на другую сторону дороги, и я никогда ее больше не видел.

– Вот это, клянусь, настоящая леди, – вслух проговорил Джейке. – Она со мной говорила как с ровней. Послушаюсь-ка я ее совета, по крайней мере на подъемах.

И, надо отдать ему должное, он немного ослабил мне узду, а на подъемах и вовсе ее отпускал. Но нагружать меня продолжали нещадно. Добрая пища и хороший отдых способны восстановить силы любой лошади, даже если она очень много работает, но перегрузки ни для одной не проходят бесследно, и я стал так стремительно сдавать, что вместо меня купили более молодую лошадь.

Должен упомянуть еще об одной неприятности, с которой столкнулся в то время. Я и прежде слышал о ней от других лошадей, но сам ничего подобного не испытывал: речь идет о плохом освещении. Лишь в самом конце конюшни светилось одно маленькое окошко, поэтому в ней всегда было темно.

Помимо того, что это действовало на меня угнетающе, это еще и ослабляло зрение. Когда меня выводили из конюшни, от яркого дневного света сразу же начинали болеть глаза.

Несколько раз я спотыкался на пороге и с трудом различал дорогу.

Думаю, останься я там подольше, я бы начал слепнуть, а это было бы страшным несчастьем: люди говорили, что лучше ездить на слепой, чем на подслеповатой лошади, потому что из-за плохого зрения лошади становятся пугливыми. Однако эта беда меня миновала, так как я был продан владельцу большой извозчичьей конюшни.

ГЛАВА XLVII

Тяжелые времена

Этого хозяина я не забуду до конца дней своих; у него были черные глаза, нос крючком, во рту полно зубов – как у бульдога, а голос хриплый и скрипучий, словно звук тележных колес, катящихся по гравию. Звали его Николас Скиннер, и, похоже, это был тот самый человек, на которого работал Убогий Сэм.

такую

Нередко воскресным утром компания гуляк – четверо внутри, один рядом с кучером – нанимала пролетку на весь день, и я вез их за десять-пятнадцать миль от города на природу, а потом обратно. Ни одному из них самому никогда и в голову не приходило сойти на подъеме, каким бы он ни был крутым и сколь ни было бы жарко, если только кучер не выражал опасения, что я не сдюжу. В конце такого дня я бывал так измучен и возбужден, что не мог даже есть. Как мечтал я тогда о вкусной болтушке из отрубей с селитрой, которой Джерри кормил нас по воскресеньям в жаркую погоду: после нее становилось так спокойно и уютно. А потом он давал нам отдохнуть две ночи и полный воскресный день, так что к утру понедельника мы чувствовали себя снова полными сил, словно молодые жеребцы. Здесь же мы отдыха не знали вовсе, и кучер мой отличался такой же жестокостью, как хозяин. На конце его страшного кнута была приделана какая-то острая штука, которая раздирала кожу до крови, а иногда он бил меня по животу или неожиданно хлестал по голове. От подобных унижений сердце мое разрывалось на части, но я честно работал и никогда не отлынивал, тем более что, как сказала мне в ту нашу встречу Джинджер, это было бесполезно – человек все равно сильнее.

Жизнь казалась мне теперь такой беспросветной, что, как и Джинджер, я мечтал упасть на дороге и умереть, чтобы не знать больше горьких мучений. И однажды мечта моя едва не сбылась.

Меня пригнали в тот день на стоянку в восемь утра, и я уже хорошо наработался, когда пришлось ехать на вокзал. Там как раз ожидалось прибытие поезда, и, высадив пассажиров, мой кучер пристроился в очередь за последней пролеткой в надежде подцепить кого-нибудь, чтобы не ехать обратно порожняком. Поезд пришел переполненный, и, когда все стоявшие впереди экипажи были заняты, настала наша очередь.

Пассажиров было четверо – шумный развязный господин с дамой, маленький мальчик, молоденькая девушка – и куча багажа. Дама с мальчиком сразу села в пролетку, мужчина руководил погрузкой чемоданов, а девушка подошла ко мне.

– Папа, – сказала она, – этот бедный конь не увезет всех нас, да еще и уйму наших вещей, ведь нам далеко ехать: посмотри, какой он слабый и измученный.

– О, с ним все в порядке, барышня, – воскликнул мой кучер, – он сильный.

Носильщик, грузивший неподъемные ящики, предложил пассажиру, поскольку у него столько тяжелых вещей, взять второй экипаж.

– Довезет нас ваша лошадь или нет? – спросил тот у кучера.

– Конечно, доведет, ваша милость, он еще и не такую тяжесть доведет. Носильщик, грузи ящики, – и кучер помог забросить наверх такой тяжелый тюк, что я почувствовал, как осели рессоры.

– Папа, папа, возьми еще одного извозчика, – взмолилась девушка. – Так нельзя, это бесчеловечно!

– Ерунда, Грейс, залезай поскорее в пролетку и не поднимай шума: хорошенькое дело, если деловому человеку придется обследовать каждую лошадь, прежде чем нанять экипаж! Кучер знает свое дело – давай залезай и придержи язык!

Моя доброжелательница вынужденно повиновалась, а вещи одна за другой были частично водружены на крышу пролетки, частично – сложены рядом с кучером.

Наконец все было готово, и, привычно рванув вожжи и стегнув меня кнутом, извозчик отъехал от вокзала. Груз был непосильным, а я с утра ничего не ел и не имел ни минуты отдыха, но, как всегда, выкладывался до конца, несмотря на обидную несправедливость и жестокость.

Я честно дотащил экипаж до Ладгейт Хилл, но здесь окончательно выбился из сил. Я старался, как мог, идти дальше, а кучер беспрерывно дергал вожжи и бил меня кнутом, но в какой-то момент – сам не знаю, как это случилось, – ноги у меня подкосились, и я грузно рухнул на бок. От неожиданности и тяжести падения мне показалось, что я испускаю дух. Я лежал совершенно неподвижно – у меня не было сил пошевелиться – и был уверен, что умираю. Вокруг меня поднялась суеда, слышались громкие сердитые голоса, стали снимать багаж – но я все воспринимал как во сне. Сочувственный ласковый голос произнес: «Ах, бедная лошадка! Это мы виноваты!» Кто-то подошел и ослабил мне уздечку, расстегнул постромки, рассупонил хомут. Кто-то сказал: «Он околел, больше не встанет». Потом я услышал, как полицейский отдавал распоряжения, но даже не открыл глаза, лишь время от времени судорожно втягивал воздух ноздрями.

Мне окатили голову холодной водой, влили в рот какое-то лекарство и чем-то накрыли. Не знаю, сколько я там пролежал, но через некоторое время почувствовал, что жизнь возвращается ко мне. Чьято добрая рука похлопывала меня, и ласковый голос побуждал встать. После того как мне дали еще какое-то лекарство, я напрягся и со второй или третьей попытки поднялся на ноги. Меня осторожно отвели в конюшню, расположенную неподалеку, поставили в стойло, обильно выстланное соломой, принесли теплую болтушку, которую я с благодарностью съел.

К вечеру я пришел в себя настолько, что меня препроводили в Скиннерову конюшню, где – на удивление – было сделано все, что нужно, для удобства лошади. Утром вместе с ветеринаром в конюшню явился сам Скиннер. Внимательно осмотрев меня, врач сказал: – Он не столько болен, сколько надорвался. Если дать ему с полгодика отдохнуть где-нибудь на выпасе, он снова сможет работать, но сейчас у него не осталось ни капли сил. – Тогда ему место на живодерне, – грубо пролаял Скиннер. – У меня нет лугов, чтобы нянчить там больных лошадей. Или он будет работать как положено – или незачем ему вообще небо копытить. Мое дело не терпит никаких сантиментов, я использую лошадей, пока они в состоянии таскать ноги, а потом отправляю к живодеру или куда-нибудь еще в этом роде.

– Если бы он запалился, – сказал ветеринар, – его лучше было бы пристрелить сразу же, но этого нет. Дней через десять здесь неподалеку будут лошадиные торги, если вы дадите ему это время отдохнуть и подкормите, вы сможете кое-что за него получить – во всяком случае,

побольше, чем стоит просто его шкура.

В ответ на это Скиннер – весьма, впрочем, неохотно – распорядился, чтобы меня хорошо кормили и ухаживали за мной, и конюх, на мое счастье, выполнил распоряжение гораздо охотнее, чем хозяин его отдал. Десять дней полного покоя, обилие превосходного овса, сена и болтушки из отрубей с вареным льняным семенем сказались на моем состоянии благотворнейшим образом. Эти мешанки с льняным семенем были так вкусны, что я начал думать, не лучше ли и впрямь остаться живым, чем пойти на корм собакам?

На двенадцатый день после несчастного случая меня повели на торги, происходившие в нескольких милях от Лондона. Любая перемена в моей нынешней жизни была благотворна, поэтому я высоко держал голову и надеялся на лучшее.

ГЛАВА XLVIII

Фермер Сарэгуд и его внук Вилли

На торгах меня, разумеется, поставили вместе со старыми, надорвавшимися лошадьми – увечными, запаленными, дряхлыми. Некоторых было бы, ей-Богу, милосерднее пристрелить.

Многие продавцы и покупатели выглядели не лучше несчастных животных. Были среди них бедные старики, пытавшиеся за несколько фунтов приобрести лошадь или пони, способного таскать небольшую тележку с дровами или углем. Были бедняки, мечтавшие получить хоть два-три фунта за выдохшееся животное, ибо необходимость пристрелить его нанесла бы хозяину больший урон. Некоторые выглядели так, словно нищета и тяжкая работа загубили их; но были и такие, для которых я с радостью потрудился бы, сколько позволил бы остаток сил: бедные и жалкие на вид, но добрые и человеческие. Их голоса внушали доверие.

Один старичок с семенящей походкой и я сразу же понравились друг другу, но я оказался недостаточно силен. Мне было очень тревожно.

И вот из той части ярмарки, где продавались лошади получше, к нам приблизился человек, похожий на добропорядочного фермера. С ним рядом шел маленький мальчик. У мужчины была широкая спина, сутулые плечи и доброе румяное лицо; на голове – шляпа с широкими полями. Подойдя ко мне и моим товарищам по несчастью, он остановился и оглядел нас с глубоким состраданием. Я увидел, что взгляд его остановился на мне; у меня все еще была красивая грива и хвост, придававшие мне сносный вид. Я поднял уши и посмотрел прямо на него.

– Вот этот конь, Вилли, знавал лучшие времена, – сказал фермер.

– Бедняга, – вздохнул мальчик. – Дедушка, как ты думаешь, он был когданибудь лошадей для выездов?

– О да, мой мальчик, – ответил старик, подходя ко мне ближе, – в молодости он мог быть кем угодно. Посмотри на его ноздри и уши, на лопатки и форму шеи. Это очень породистый конь.

Он вынул руку из кармана и ласково потрепал меня по шее. В ответ я потянулся к нему носом. Малыш погладил меня по морде.

– Бедняжка! Посмотри, дедушка, как он отзывается на ласку. Ты не можешь купить его и снова сделать молодым, как Божью Коровку?

– Дорогой мой малыш, я не могу омолодить всех старых лошадей. К тому же Божья Коровка была не столько стара, сколько изнурена работой и плохим обращением.

– Знаешь, дедушка, я думаю, этот конь тоже не старый. Посмотри на его хвост и гриву. Проверь его зубы – сам убедишься. Хоть он и тощий, у него глаза не потухшие, как у других лошадей.

Старик рассмеялся:

– Дай тебе Бог счастья, малыш! Ты будешь таким же лошадиником, как твой дед.

– Ну посмотри же его зубы, дедушка. И спроси, сколько он стоит. Я уверен, что он помолодеет, если попасется на лугу.

Теперь свое слово вставил и мой продавец:

– Ваша милость, молодой джентльмен – настоящий знаток. Дело в том, что конягу просто заездили извозчики, он не старый, я сам слышал, как дохтур говорил, что ему надо месяцев шесть на воле, в лугах пожить – он опять станет как огурчик. Я ходил за ним последние десять дней и доложу вам, что более благодарной и ласковой скотины в жизни не видывал. Господа не пожалеют, если заплатят за него пять фунтов, зато помогут доброй скотинке. Разрази меня гром, коли будущей весной вы не возьмете за него двадцать.

Старик засмеялся, а мальчик нетерпеливо посмотрел на него:

– Ой, дедушка, когда продали того жеребенка за пять фунтов, ты ведь сам сказал, что это больше, чем ты ожидал. Ну не пообедем же мы, если купим этого коня!

Фермер медленно ощупал мои ноги, сильно опухшие и выкрученные в суставах, затем проверил зубы.

– Лет тринадцать-четырнадцать, – сказал он. – Ну-ка, пусть пробежится.

Я выгнул свою бедную тонкую шею, приподнял хвост и постарался как можно дальше выбрасывать вперед одеревеневшие ноги.

– Ну, какая ваша последняя цена? – спросил фермер, когда я остановился.

– Пять фунтов, сэр. Больше хозяин снижать не велел.

– Грабеж! – покачал головой фермер, одновременно, однако, доставая кошелек. – Чистый грабеж! У вас здесь есть еще дела? – спросил он, отсчитывая деньги в руку конюху.

– Нет, сэр, могу отвести его вам на постоянный двор, если желаете.

– Да, пожалуйста, я сейчас туда возвращаюсь.

Они пошли впереди, меня вели сзади. Мальчик с трудом скрывал свою радость. На постоялом дворе меня отлично накормили, а потом слуга моего нового хозяина очень деликатно оседлал меня, и мы тихо поехали к ним домой. Там меня отправили на привольный луг, на краю которого стоял сарай.

Мистер Сарэгуд – так звали моего благодетеля – приказал, чтобы мне давали сено с овсом по утрам и вечерам, а днем выпускали на луг.

– А ты, Вилли, будешь присматривать за ним; я тебе поручаю заботу об этом коне, – сказал он внуку.

Мальчик воспринял поручение как честь и отнесся к нему со всей серьезностью. Дня не проходило, чтобы он не навестил меня; иногда он отыскивал меня среди других лошадей и угощал морковкой или еще чем-нибудь вкусным, а то просто стоял рядом, пока я ел овес. Он всегда был добр и ласков со мной, и конечно же я его полюбил. Он звал меня Дружком, так как стоило ему появиться, я подбегал и повсюду следовал за ним. Время от времени он приводил деда, и тот всегда внимательно осматривал мои ноги.

– Ноги – самое трудное в его положении, Вилли, – говорил он. – Но он так уверенно набирает силу, что, думаю, к весне будет в довольно приличной форме.

Полный покой, хорошая еда, мягкий дерн и умеренные упражнения сделали свое дело, благоприятно сказавшись как на физическом, так и на душевном моем состоянии. Я унаследовал от матери могучее здоровье и в молодости никогда не переутомлялся, поэтому у меня было больше шансов набрать прежнюю форму, чем у тех лошадей, которых начали изнурять работой прежде, чем они вошли в полную силу. За зиму ноги мои окрепли настолько, что я стал снова чувствовать себя молодым.

Настала весна, и однажды в марте мистер Сарэгуд объявил, что намерен испытать меня. Он велел заложить фаэтон. Я с удовольствием прокатил их с внуком. Ноги мои уже не были сведены словно судорогой, и несколько миль я пробежал очень легко.

– Он молодеет, Вилли. Теперь ему нужно понемногу давать нетрудную работу, и к середине лета он будет не хуже Божьей Коровки: у него красивый оскал, легкий аллюр, они составили бы прекрасную пару.

– Ой, дедушка, я так рад, что ты его купил!

– Я тоже, малыш, но он должен быть благодарен тебе больше, чем мне. Теперь нам следует подыскать для него тихое и доброе место, где его будут ценить по достоинству.

ГЛАВА XLIX

Мое последнее пристанище

Однажды тем же летом конюх вымыл и расчесал меня с такой невероятной тщательностью, что я понял – грядут перемены. Он подстриг мне щетки над копытами, масляной кисточкой смазал копыта и даже сделал пробор на лбу. Сбруя тоже была начищена особенно старательно. Когда Вилли с дедом сели в коляску, мальчик был взволнован и весел. – Если дамы привяжутся к нему, – сказал старик, – и им, и ему будет хорошо. Что ж, попытаем счастья.

Выехав из деревни и проехав пару миль, мы остановились у невысокого симпатичного дома с лужайкой. Ко входу вела аллея, обсаженная кустарником, по которой можно было подъезжать прямо в экипаже. Вилли позвонил и спросил, дома ли мисс Блумфилд или мисс Эллен.

Обе оказались дома. Вилли остался со мной, а мистер Сарэгуд вошел в дом. Минут через десять он возвратился в сопровождении трех женщин: высокая бледная дама, закутанная в белую шаль, опиралась на руку более молодой, темноглазой, с веселым лицом. Третья, величавая на вид, была мисс Блумфилд. Они стали разглядывать меня и задавать разные вопросы. Младшей – мисс Эллен – я очень понравился; она не сомневалась, что мы с ней подружimsя, ведь у меня, как она сказала, была такая добрая морда. Высокая бледная дама заявила, что она всегда будет волноваться, имея в упряжке коня, который уже падал, – он ведь может упасть снова, а если это случится, она умрет от страха.

– Видите ли, милостивые государины, – сказал мистер Сарэгуд, – многие первоклассные лошади ломают ноги по вине ездоков, без какой бы то ни было собственной вины. Хорошо зная теперь этого коня, я могу твердо сказать, что это как раз тот самый случай. Но я, разумеется, не хочу оказывать на вас никакого давления.

– Что касается лошадей, вы всегда давали нам такие хорошие советы, что ваша рекомендация исключает для меня всякие сомнения, – сказала величавая дама. – Так что, если моя сестра Лавиния ничего не имеет против, мы с благодарностью принимаем ваше предложение испытать его.

Было условлено, что за мной пришлют на следующий день.

Утром прибыл аккуратный молодой человек. Поначалу ему все понравилось, но, увидев мои ободранные колени, он разочарованно произнес:

– Вот уж не думал, сэр, что вы станете рекомендовать моим хозяйкам такого покалеченного коня.

– Красота – это еще не все, – ответил мистер Сарэгуд. – Вы его испытайте – уверен, вы отдадите ему должное, молодой человек. Если вы не сочтете, что это самая надежная лошадь, на которой вам когда-либо доводилось ездить, пришлите его обратно.

Меня отвели в новый дом, устроили в удобной конюшне, отлично накормили и предоставили самому себе. На следующий день, приводя меня в порядок, конюх сказал:

– У Черного Красавчика была такая же звездочка во лбу. И ростом он такой же. Интересно, где сейчас Красавчик?

Чуть позже, наткнувшись на шрам, оставшийся у меня на шее от давней раны, он чуть не подпрыгнул от удивления и стал внимательно осматривать меня с ног до головы, бормоча:

– Белая звездочка во лбу, белый чулочек на ноге и этот шрам точно на том же месте. – А потом, взглянув на мою спину, добавил: – И, что б я так жил, тот же пучок белых волос на спине! Джон еще называл его красавчиковой «монеткой». Да это наверняка Черный Красавчик! Ну конечно же он! Красавчик! Узнаешь меня? Я малыш Джо Грин, который чуть тебя не угробил. – И он стал радостно гладить и трепать меня.

Не могу сказать, что узнал его, потому что теперь это был красивый взрослый парень с черными усами и басовитым голосом, но я не сомневался в том, что он меня знал и что это действительно Джо Грин. Какая радость! Я ткнулся в него носом, желая выказать свое дружеское расположение, и, клянусь, никогда не видел, чтобы человек был так доволен.

– Не волнуйся, все будет хорошо, ты честно выдержишь любое испытание, – сказал Джо. – Хотел бы я знать, какой негодяй искалечил тебе колени, старина Красавчик. С тобой, должно быть, где-то плохо обращались. Ну, что ж, я буду не я, если здесь тебя не ждет хорошая жизнь. Ах, если бы Джон Мэнли мог тебя увидеть!..

После полудня меня запрягли в низкую прогулочную коляску и подвели к парадному входу. Мисс Эллен хотела попробовать прокатиться, Грин сопровождал ее. Я сразу же понял, что она прекрасно умеет править лошадьми, а ей, похоже, понравился мой ход. Я слышал, как Джо, рассказывая обо мне, убеждал ее, что я безусловно Черный Красавчик мистера Гордона.

По нашем возвращении сестры мисс Эллен вышли послушать, как я себя показал. Мисс Эллен пересказала им то, что узнала от Джо, и добавила:

– Непременно напишу миссис Гордон, что ее любимая лошадь оказалась у нас.

Представляю, как она обрадуется!

С неделю меня каждый день запрягали в прогулочный экипаж, и, поскольку я доказал свою абсолютную надежность, мисс Лавиния наконец тоже отважилась выехать в маленькой закрытой коляске. После этого было окончательно решено купить меня и называть старым именем – Черный Красавчик.

Я живу в этом счастливом для меня месте уже целый год. Джо – самый лучший и добрый из всех конюхов на свете. Работа у меня легкая и приятная, и я чувствую, что ко мне вернулись и прежняя сила, и былая резвость. Я слышал, как мистер Сарэгуд как-то сказал Джо:

– У вас он проживет лет двадцать, а то и больше.

Вилли не упускает случая поболтать со мной и считает своим задушевым другом. Хозяйки пообещали, что никогда меня не продадут, так что мне нечего больше бояться.

Таков конец моей истории. Все беды мои позади, у меня есть дом. Но часто по утрам, перед тем как окончательно проснуться, я вижу сон, будто я все еще юн, все еще в Биртуике, и стою со своими старыми друзьями под сенью яблонь в саду.